

Тейв Билчи

Ночи дождей
и звезд

Annotation

Греция. Тихий остров с розовыми скалами утопает в колыбели теплого голубого моря. Сюда приезжают люди со всех концов света, чтобы отдохнуть и насладиться тишиной и дивными звездными ночами. Но однажды утром идиллия разрушается страшной трагедией — в бухте острова на глазах у всех сгорает, как спичка, прогулочный катер с туристами на борту, хозяином судна и его маленьким племянником. Ошарашенные свидетели происшествия, придя в себя, благодарят судьбу за то, что они путешествовали на этом катере вчера и позавчера, а не сегодня, избежав таким образом страшной смерти...

- [Мейв Бинчи](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 -
 -
- [notes](#)
 - [1](#)

- 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
-

Мейв Бинчи

Ночи дождей и звезд

Глава первая

Андреасу показалось, что он увидел пожар внизу, в гавани, раньше всех. Он пристально взгляделся и покачал головой. Такого никогда не бывало. Только не здесь, не в Агия-Анне, не на маленьком раскрашенном красной и белой краской суденышке «Ольга», перевозившем туристов. Нет, такое не могло случиться с Маносом, туповатым, лобастым Маносом, которого он знал совсем мальчишкой. Это было похоже на сон, на обман зрения. Невозможно, чтобы «Ольга» дымилась и полыхала огнем.

Вероятно, ему просто нездоровилось.

Некоторые старики в деревне признавались, что им порой мерещилось всякое. Такое случалось от жары или от избытка ракии накануне вечером. Но он-то уснул рано, и ни водки, ни танцев, ни песен в его ресторанчике на горе не было.

Андреас посмотрел из-под руки, когда над его головой проплыло облако. День был не такой ясный, как прежде. Ему, должно быть, действительно показалось. Не стоило расслабляться. Надо позаботиться о ресторане. Вряд ли кто из его посетителей, добравшихся в эту непогоду, обрадуется встрече с сумасшедшим, которому от жары померещилась катастрофа в тихой греческой деревушке.

Он расстилал и крепил прищепками красно-зеленую клеенку на длинных деревянных столах на террасе своей таверны. День обещал жару и много гостей к полудню. Он уже подробно расписал меню на доске у входа, хотя часто недоумевал, зачем... Меню всегда оставалось неизменным. Но туристам это нравилось. А еще он писал «Добро пожаловать» на шести языках. Это тоже нравилось всем.

Угощение было обыкновенным, как в дюжине других таверн. В меню входило и сулаки, кебаб из ягненка. Вообще-то кебабы он готовил из козлятины, но гостям нравилось думать, что блюдо из ягненка. Была здесь и мусака, теплая и вязкая, на блюде для пирога. Здесь стояли большие миски с салатами, белыми кубиками солоноватого сыра фета и сочными красными помидорами. Неизменно присутствовали барбуни, красная кефаль, приготовленные для жарки стейки из рыбы-меч. В холодильнике стояли наготове стальные

подносы с десертами, катаифой и пахлавой из орехов и сдобного теста, охлажденные контейнеры с рестиной и местным вином. Для чего еще существует Греция? Со всего света съезжались сюда туристы и радовались тому, чем угощали их Андреас и такие, как он.

Андреас всегда безошибочно определял национальность любого посетителя Агия-Анны и мог приветствовать каждого на их родном языке. В результате многолетних наблюдений он научился по походке и жестам распознавать их желания и вкусы, и это стало для него забавной игрой.

Англичане не любили, когда им предлагали Speisekarte^[1] вместо меню, канадцам не нравилось, когда их принимали за американцев. Итальянцы терпеть не могли французское «Bonjour»^[2], а его соотечественники предпочитали выдавать себя за важных персон из Афин, а не за иностранцев. Андреас научился быть осторожным перед тем, как обратиться к гостям.

Взглянув на дорогу, он наконец-то увидел первых посетителей и переключился на работу.

Одним из гостей был тихий мужчина в шортах, которые носили только американцы. Шорты эти никак не украшали мужчину, а лишь подчеркивали несуразность фигуры. Он остановился посмотреть в бинокль на пожар.

Красивая немка, высокая, загорелая, с волосами, роскошно выжженными солнцем или невообразимо дорогим парикмахером, стояла молча, с недоумением глядя на багрово-оранжевые языки пламени, лизавшие катер в бухте Агия-Анны.

Юноша, тоже лет двадцати, невысокий, встревоженный, в очках, которые он непрестанно снимал и протирал, стоял разинув рот, охваченный страхом, и не сводил глаз с горевшего внизу катера.

Была среди встревоженных туристов и молодая пара, тоже лет двадцати, уставшие от восхождения в гору шотландцы или ирландцы, как показалось Андреасу, — он с трудом различал акценты. Юноша держался как-то развязно, словно хотел показать всем вокруг, что совсем не устал от прогулки.

Перед посетителями предстал высокий мужчина, немного сутулый, с седой шевелюрой и густыми бровями.

— Это тот самый катер, на котором мы приплыли вчера. — Девушка в страхе зажала рот ладонью. — О господи, там могли быть мы.

— Ну и что, нас же там нет, так чего об этом говорить? — резко произнес ее приятель, с отвращением уставившись на зашнурованные ботинки Андреаса.

Вдруг в гавани послышался взрыв, и впервые Андреас понял, что все происходит на самом деле. Действительно горело судно, и это был не простой обман зрения. Остальные тоже это видели. Старик задрожал и ухватился за спинку стула.

— Надо позвонить брату Йоргису, он в полицейском участке... они могут не знать об этом, возможно, им ничего не видно оттуда.

Высокий американец тихо заговорил:

— Они все видят, взгляните, на помощь уже спешат спасательные шлюпки.

Но Андреас все равно решил позвонить.

Конечно же, в маленьком полицейском участке на холме над бухтой никто не ответил.

Молоденькая девушка не сводила глаз с безмятежного голубого моря, на фоне которого рваные алые языки пламени и черный дым казались большой кляксой на картине.

— Не верю, — повторяла она снова и снова. — Вчера он учил нас танцевать на этом самом катере, назвал его в честь своей мамы.

— Манос... это его судно, не так ли? — спросил юноша в очках. — Я тоже был на этом катере.

— Да, это Манос, — мрачно произнес Андреас.

Этот балбес Манос, как всегда, на перегруженном туристами катере, без приличной obsługi, но заливавший в пассажиров алкоголь и пытавшийся приготовить кебабы на допотопной газовой плите. Но никто в деревне никогда ему ничего такого не высказывал. У Маноса на острове была семья. Теперь они все вместе, там внизу, в гавани, ждут известий.

— Вы с ним знакомы? — спросил высокий американец с биноклем.

— Да, конечно, мы все тут друг друга знаем. — Андреас вытер салфеткой глаза.

Они стояли, в оцепенении глядя на лодки вдали, с которых пытались погасить огонь, на людей, барахтавшихся в воде в надежде, что их подберут на борт других небольших судов.

Американец давал бинокль всем, кому хотелось разглядеть поближе. Люди были — так растеряны и потрясены происходящим, что онемели от своей беспомощности: слишком далеко, чтобы успеть спасти тонущих в этом безмятежном, прекрасном голубом море.

Андреас знал, что надо бы как-то обслужить их, но сейчас все казалось таким неуместным. Он не мог не смотреть на то, что осталось от Маноса и его катера, и не мог оставить растерявшихся туристов, которые отправились сюда в надежде на счастливое путешествие. Было бы чудесно приставать к ним с рассказами о фаршированных виноградных листьях, рассаживая их за столы, которые для них приготовил.

Он почувствовал чью-то руку на своей руке. Это была белокурая немка.

— Вам особенно тяжело, потому что вы здесь живете, — сказала она.

На глаза снова навернулись слезы. Она права. Он здесь родился, знал в Агия-Анне каждого, знал Ольгу, маму Маноса. Знал и тех молодых парней, которые теперь спешили в своих лодках спасать людей. Он знал семьи, которые толпились на берегу гавани. Да, ему было труднее всех. Он жалобно взглянул на нее.

У нее доброе лицо, но было видно, что она не лишена практичности.

— Почему бы вам не присесть? Пожалуйста, сядьте, — ласково произнесла она. — Мы ничего не можем сделать для них.

Он вдруг разговорился:

— Меня зовут Андреас. Вы правы, здесь случилось нечто страшное. Предлагаю вам все запасы бренди, чтобы справиться с потрясением, и помолимся за тех, кто в бухте.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил молодой англичанин в очках.

— Мы почти три часа добивались сюда, а когда спустимся в гавань, полагаю, будем только мешать, — сказал высокий американец. — Кстати, меня зовут Томас, и думаю, там от нас будет

мало толку. Смотрите, сколько народу. — Он предложил бинокль, чтобы каждый мог убедиться в этом.

— Я Эльза, — представилась немка. — Пойду принесу стаканы.

Они стояли под ярким солнцем, подняв маленькие стаканы с огненной жидкостью.

Фиона, рыжеволосая ирландка с веснушчатым носиком, произнесла тост:

— Да пребудут в мире души тех, кто преставился сегодня.

Ее парень слегка поморщился от этих слов.

— Но почему нет, Шейн? — попыталась оправдаться она. — Это же благословение.

— Идите с миром, — произнес Томас. Пламя уже угасло, и на берегу занялись подсчетом живых и мертвых.

— L'chaim, — сказал англичанин Дэвид в очках. — Это значит «за жизнь», — пояснил он.

— Ruhet in Frieden^[3], — прослезилась Эльза.

— Да благословит Господь их души, — скорбно склонил голову Андреас, наблюдая за самой страшной трагедией, когда-либо случавшейся в Агия-Анне.

Они ничего не заказали на ленч, Андреас просто подал салат с козьим сыром, блюдо с бараниной и фаршированными помидорами, а потом фрукты. Они рассказывали о себе и о том, где побывали. Это были не обычные туристы на две недели, они приехали сюда надолго, на несколько месяцев, не меньше.

Томас, американец, путешествовал и писал статьи для журналов. У него был отпуск на год, полный отдых от университета. Он сказал, что такого всегда ждали с нетерпением... С благословения университета целый год путешествий и расширения кругозора. Каждому преподавателю необходимо выйти в мир и пообщаться с людьми из других стран, иначе они рисковали увязнуть в дрязгах университетской среды. Андреасу показалось, что, когда тот говорил, мысли его были далеко, словно он тосковал о чем-то в Калифорнии.

Эльза, девушка из Германии, была другая. Видимо, она не тосковала ни о чем, только пожаловалась, что устала от работы, поняла, что прежде казавшееся важным на самом деле оказалось пустым и банальным. Денег у нее было припасено достаточно на

путешествие в течение года. В Греции она была уже три недели и ни разу не захотела покинуть эту страну.

Маленькая ирландка Фиона казалась более неуверенной. Рассказывая о том, как им хотелось увидеть мир и найти место, чтобы осесть, где бы никто их не судил, не пытался сделать лучше или изменить, она постоянно кидала взгляд на своего угрюмого парня, как бы прося у него подтверждения. Но тот просто пожимал плечами, словно ему было невыносимо тоскливо.

Дэвид хотел увидеть мир, пока еще достаточно молод, чтобы узнать, что ему нравится, и, возможно, приобщиться к чему-то. Нет ничего печальнее старика, который в конце жизни понимает, что опоздал на десятилетия, или тех, кто боялся измениться просто потому, что не знал, как это сделать. Дэвид ступил на дорогу странствий всего месяц тому назад и был переполнен впечатлениями.

Но, несмотря на то что они рассказывали друг другу о Дюссельдорфе, Дублине, Калифорнии и Манчестере, Андреас заметил, что никто не упомянул о своих семьях.

Рассказывая им о жизни на Агия-Анне и о том, как разбогател этот край теперь в сравнении с годами его детства, когда не было никаких туристов и на жизнь приходилось зарабатывать в оливковых рощах на холмах, он говорил о братьях, давным-давно уехавших в Америку, и о своем сыне, который покинул этот ресторанчик после ссоры девять лет тому назад и больше никогда не вернется домой.

— А из-за чего вы поссорились? — заинтересовалась маленькая Фиона с огромными зелеными глазами.

— Ему хотелось устроить здесь ночной клуб, а я был против... Обычное дело, раздор между отцами и детьми, — печально пожал плечами Андреас.

— А если бы он остался дома, вы бы согласились на ночной клуб? — спросила Эльза.

— Да, теперь, конечно, согласился бы. Если бы только знал, как одиноко, когда единственный сын в Чикаго, на другом краю света, и ни строчки за все эти годы... Конечно, я бы не был против ночного клуба. Но, понимаете, я же не знал.

— А что ваша жена? — поинтересовалась Фиона. — Неужели она не умоляла вас вернуть сына и открыть клуб?

— Она умерла. Не осталось никого, чтобы помирить нас.

Все смолкли, мужчины кивали, понимая и соглашаясь, женщины просто молчали.

Полуденные тени сгустились, Андреас подал гостям кофе, но никто уходить не собирался. С высоты холма, где была таверна, открывался вид на гавань внизу, и в бинокль можно было разглядеть тела на носилках, толпы людей и тех, кто пытался пробиться к месту трагедии, чтобы найти своих близких мертвыми или живыми. Здесь, на высоком холме, было безопасно, и, хотя встреча незнакомых людей была случайной, они общались так, словно давно знали друг друга.

Когда на небе засияли звезды, они все еще были вместе. Теперь в гавани сверкали огни фото- и телекамер, спешивших запечатлеть трагедию и рассказать о ней миру. Весть о случившемся долетела до средств массовой информации почти мгновенно.

— Конечно, они должны это сделать, — с сожалением сказал Дэвид. — Но выглядит все так хищно, чудовищно, словно они смакуют людскую беду.

— Да, чудовищно, поверьте, это и моя работа, вернее, была моя работа, — неожиданно произнесла Эльза.

— Журналистка? — с интересом спросил Дэвид.

— Работала на телевидении, на студии последних новостей. Теперь там кто-то, как я, на моем месте в студии, задает вопросы тому, кто в гавани: сколько погибших, как это случилось, есть ли среди пострадавших немцы? Вы совершенно правы — это чудовищно. Рада, что не я рассказываю сегодня о трагедии.

— Но люди должны знать и о судьбе своих близких и о войнах, иначе как можно что-то изменить в этом мире?

— Ничего невозможно сделать, — сказал Шейн. — Здесь замешаны деньги, большие деньги, все в мире происходит именно из-за них.

Шейн не такой, как остальные, подумал Андреас. Непоседа. Ему, молодому, не терпится уединиться с такой хорошенькой девушкой, как Фиона, а не разглагольствовать с незнакомцами, весь день сидя на горе.

— Деньги важны не для всех, — осторожно заметил Дэвид.

— Я не о тебе, я вообще о том, что заставляет мир вертеться, вот и все.

Фиона бросила на него быстрый взгляд, словно защищая Шейна:

— Шейн хотел сказать, что так устроен мир. Ни его, ни моя жизнь не зависят от Бога. Я бы не стала медсестрой, если бы мне не нужны были деньги. — Она с улыбкой обвела всех взглядом.

— Медсестрой? — переспросила Эльза.

— Да, я думала, смогла бы я теперь помочь там внизу, но не уверена, что...

— Фиона, ты же не хирург, не собираешься же ты ампутировать ноги этим несчастным прямо в прибрежном кафе, — возмущился Шейн, скорчив презрительную гримасу.

— Но я могла бы сделать хоть что-то, — ответила она.

— Ради бога, Фиона, опомнись. Ты же не знаешь греческого, чтобы уговорить их успокоиться. От иностранных медсестер в момент беды мало проку.

Фиона густо покраснела.

На помощь пришла Эльза:

— Если бы теперь мы были внизу, я уверена, вы были бы бесценны, но до гавани слишком далеко, и нам лучше остаться здесь и не мешаться под ногами.

Томас с ней согласился. Он продолжал смотреть в бинокль.

— Вам бы не удалось приблизиться к пострадавшим, — успокоил он. — Смотрите, что там творится. — Он передал ей бинокль. Дрожащими руками она поднесла его к глазам и увидела плотную толпу в гавани.

— Да, вы правы, я вижу, как они толкаются, — прошептала она.

— Наверное, здорово быть медсестрой, хочу сказать, что вам никогда не бывает страшно. — Томас попытался ободрить Фиону. — Замечательная профессия. Моя мама тоже медсестра, но ей приходится много трудиться, чтобы добыть денег.

— Она работала, когда вы были ребенком?

— До сих пор продолжает. Смогла дать нам с братом образование, помогла сделать карьеру. Мы стараемся облегчить ее жизнь, устроиться наконец, но она убеждена, что запрограммирована на работу.

— Кем вы стали после института? — спросил Дэвид. — У меня диплом бизнесмена, но это не помогло мне воплотить свои мечты.

Ответ Томаса прозвучал не сразу.

— Преподаю в университете литературу девятнадцатого века. — Он пожал плечами, словно в этом не было ничего особенного.

— Чем вы занимаетесь, Шейн? — спросила Эльза.

— А что? — Он посмотрел на нее в упор.

— Не знаю, возможно, просто не могу остановиться задавать вопросы. Все рассказывают о себе. Не хотела, чтобы и вы остались в стороне.

Он расслабился.

— Ну да, делаю то одно, то другое.

— Понимаю, — кивнула Эльза.

Остальные тоже закивали. Они тоже понимали.

Именно в этот момент не спеша заговорил Андреас:

— Думаю, вам следует позвонить своим близким домой и сообщить, что вы живы.

Они удивленно взглянули на него. Он объяснил свои соображения:

— Как сказала Эльза, обо всем сообщат по телевидению, они же знают, что вы в Агия-Анне, могут подумать, что вы тоже были на борту у Маноса. — Он огляделся. Пятеро молодых людей из разных семей, разных городов, разных стран.

— Мой мобильник здесь не работает, — обрадованно сообщила Эльза. — Пыталась позвониться дня два тому назад и решила, что так лучше, теперь это настоящее бегство.

— В Калифорнии сейчас другое время, — сказал Томас.

— Мне придется снова говорить с автоответчиком, мои обязательно на какой-нибудь бизнес-встрече, — вздохнул Дэвид.

— А мои снова затынут: «Боже, боже, вот что бывает, когда ты бросаешь свою замечательную, надежную работу и пускаешься по свету», — подхватила Фиона.

Шейн вовсе промолчал. Ему даже в голову не пришло позвонить домой.

Андреас встал из-за стола.

— Поверьте, когда я узнаю, что в Чикаго стреляли, или там наводнение, или еще какая-нибудь катастрофа, я сразу беспокоюсь, что с Адонисом что-то случилось, и хочу, чтобы он позвонил... просто сообщив, что он жив. Вот и все.

— Его звали Адонис? — удивилась Фиона. — Как легендарного Адониса, бога красоты?

— Его зовут Адонис, — поправила Эльза.

— Он и есть Адонис, я имею в виду, с женщинами? — ухмыльнулся Шейн.

— Не знаю, он мне не рассказывал. — Лицо Андреаса помрачнело.

— Видите ли, Андреас, вы заботливый отец. Не все отцы такие, — заметил Дэвид.

— Все родители заботливые, просто выражают свою заботу по-разному.

— А у некоторых родителей просто нет, — тихо молвила Эльза. — Как у меня: отец исчез давным-давно, мама умерла совсем молодой.

— Но, Эльза, в Германии обязательно есть кто-нибудь, кто любит вас, — сказал Андреас и подумал, что зашел слишком далеко. — Послушайте, телефон в баре. А теперь предлагаю выпить вина, отметить нашу встречу сегодня под этими звездами.

Он ушел в дом, откуда было слышно, как гости разговаривали на террасе.

— Думаю, он действительно хочет, чтобы мы воспользовались его телефоном, — сказала Фиона.

— Ты же только что боялась, что опять вляпаешься, — возмутился Шейн.

— Возможно, это будет слишком, — задумалась Эльза.

Они снова посмотрели на происходящее внизу. И теперь никто не спорил.

— Позвоню первым, — решил Томас.

Андреас слушал их разговоры по телефону, протирая очки. В его таверне собрались странные люди. Казалось, что с теми, кому они звонили, отношения были натянутые. Словно они сбежали от чего-то, и у каждого была своя ситуация, которую хотелось забыть.

Голос Томаса звучал очень сдержанно:

— Знаю, что в дневном лагере. Просто подумал... Нет. Это не важно... поверь, у меня не было никакого плана. Ширли, пожалуйста, я хочу как лучше, я просто... Ну ладно, Ширли, думай что хочешь. Нет, у меня пока никаких планов.

Дэвид разговаривал с опаской:

— О, папа, ты дома, да, хорошо, конечно, тебе стоит. Именно это я хотел сказать об этом инциденте... нет, я не пострадал... нет, я не был на борту. — Долгое молчание. — Верно, папа, скажи маме, что я ее люблю, ладно? Нет, скажи ей, что не знаю, когда вернусь.

Фиона почти ничего не говорила про случившееся на катере. Видимо, ей просто не дали рассказать. Было так, как предсказал Шейн, нечто вроде мольбы вернуться домой.

— Пока не знаю когда, мама. Так было миллион раз. Куда он, туда и я, мама, а ты должна подумать о себе... так будет лучше.

У Эльзы разговор был загадочный. Андреас знал немецкий и все понял. Она оставила два послания на автоответчиках.

Первое было теплым:

— Ханна, это Эльза. Я в этом волшебном местечке в Греции под названием Агия-Анна, но здесь случилось нечто страшное. На катере погибли люди. Прямо у нас на глазах. Невозможно передать, как было ужасно. Но если тебя волнует, что со мной, то спешу сообщить, что мне повезло... О, Ханна, я так скучаю по тебе и твоей уютной жилетке, чтобы поплакать. Но теперь я плачу гораздо меньше и, возможно, правильно сделала, что уехала. Как обычно, никому не говори, что разговаривала со мной. Ты самый настоящий друг, я тебя не достойна. Обещаю позвонить очень скоро.

Потом был второй звонок, и теперь голос прозвучал холодно:

— Я не погибла на этом катере. Но ты знаешь, что бывают минуты, когда мне хотелось бы умереть. Я не проверяю электронную почту, поэтому не трать силы понапрасну. Тебе нечего сказать, и сделать тоже ничего не можешь. Ты уже все сказал и сделал. Позвонила лишь потому, что воображаю, как надеются в студии, что я или сгорела на прогулочном суденышке, или стою на берегу в гавани в ожидании интервью с места событий. Но я далеко и еще дальше от тебя. И поверь, это для меня главное.

Когда Эльза положила трубку, Андреас увидел на ее лице слезы.

Глава вторая

Андреас знал, что никто не хотел покидать его таверну. Здесь, на террасе, вдали от трагедии, им было спокойнее и далеко от своих домашних неприятностей.

Он задумался, как всегда, об отношениях в семье. Действительно ли Адонис ушел из-за ночного клуба? Не хотел ли он просто свободы, убежать подальше от прежней жизни? Если повторить все сначала, смог бы он быть более покладистым и открытым, согласился бы отпустить сына посмотреть мир перед тем, как тот остепенится?

Но и эти молодые люди сделали то же самое, а проблем у них дома не убавилось. Он слышал их разговоры. Поставив вино на стол, он сел в тени и стал перебирать четки. Вечер продолжался, вино лилось; расслабленные, они стали гораздо словоохотливее. Теперь никто не скрывал домашних секретов.

Бедная маленькая Фиона говорила больше всех.

— Ты был прав, Шейн, не стоило звонить. Им представился случай попилить меня за то, что я калечу свою жизнь и что их планы на серебряную свадьбу рушатся из-за того, что они не знают, когда я вернусь. Осталось пять месяцев, а мамочка, которой китайский обед в коробочке на вынос кажется удовольствием, вдруг забеспокоилась о торжественном приеме! Я ей прямо сказала, что не знаю, где мы будем в то время, а она сразу в слезы. Она просто оплакивает свой банкет, а у нас тут люди в гавани, которым действительно есть о чем плакать. Просто тошнит.

— Говорил тебе, — выдохнул Шейн. Они с Фионой курили травку, остальные отказались. Андреасу это не понравилось, но время было не для суровых наставлений.

Заговорил Томас:

— Мне тоже не везет. Билл, мой сынишка, которому действительно есть до меня дело, теперь в дневном лагере. Моя бывшая, которая мечтала, чтобы я сгинул на катере Маноса, совсем не обрадовалась звонку. Надеюсь, мальчик не увидит новостей и не станет тревожиться за меня. — Настроение у него было явно философское.

— Откуда он может знать, что ты здесь? — Шейн откровенно считал их звонки домой пустой тратой времени.

— Я отослал им факс с моими телефонными номерами. Ширли должна повесить их на кухне.

— Неужели? — спросил Шейн.

— Сказала, что сделает это.

— А тебе сын звонил?

— Нет.

— Значит, она ничего не сделала, верно? — Шейн все продумал.

— Полагаю, нет, и не надеюсь, что она позвонит моей маме. — На лице Томаса пролегли суровые линии. — Надо было позвонить не ей, а маме. Но хотелось услышать голос Билла, а Ширли меня только расстроила...

Наконец тихо заговорил Дэвид:

— Когда звонил, хотел оставить милое послание на автоответчике, но они были дома, и трубку взял отец... Сказал, что... Сказал, что если со мной ничего не случилось, то зачем было звонить.

— Он имел в виду не это, понимаете, — успокоил Томас.

— Знаете, люди порой часто говорят не то, для разрядки, — добавила Эльза.

Дэвид покачал головой:

— Но он именно это имел в виду. Я слышал, как мама крикнула из гостиной: «Спроси его о награждении, Гарольд, он будет дома в день церемонии?»

— Награждение? — заинтересовались все.

— Это для тех, кто зарабатывает большие деньги, как королевская премия за достижения в промышленности. Нечто подобное. Будет большой прием и церемония награждения. Для них ничего важнее этого в мире нет.

— Может, на церемонию пойдет кто-нибудь вместо вас? — подсказала Эльза.

— Любой с работы отца, его друзья из ротари или гольф-клуба, мамины кузены...

— Значит, вы единственный ребенок? — спросила Эльза.

— В этом-то и проблема. Это большая проблема, — грустно ответил Дэвид.

— Жизнь твоя, и делай с ней что хочешь, — пожал плечами Шейн. Он не видел никакой проблемы.

— Думаю, им просто хотелось поделиться с вами этой честью, — заметил Томас.

— Да, но я хотел рассказать им о трагедии и о погибших людях, а они все об этой процедуре и о том, успею ли я домой вовремя. Это чудовищно.

— Возможно, они хотели сказать вам «Вернись домой», не так ли? — предположила Эльза.

— Сказать «Вернись домой» можно как угодно, но «Вернись, получи хорошую работу и помоги отцу в его деле» — это не для меня, я не собираюсь этого делать, ни теперь, ни когда-либо. — Дэвид снял очки и протер их.

Эльза о себе ничего не рассказывала. Она сидела и смотрела на море за оливковой рощей вдоль берега, на маленькие острова, где все надеялись отдохнуть в солнечный полдень. Она почувствовала, что все смотрят на нее в ожидании рассказа о телефонном звонке.

— О, как я позвонила? Думаю, дома, в Германии, никого нет! Звонила двум друзьям, и везде автоответчик, они оба решили бы, что я сошла с ума, но в чем дело? — усмехнулась Эльза, и ни слова о том, что оставила на одном автоответчике легкое доброжелательное послание, а на другом слова жесткие, почти враждебные.

Андреас взглянул на нее из темноты. Прекрасная Эльза, оставившая работу на телевидении, чтобы найти убежище на греческом острове, еще не обрела долгожданный покой, подумал он.

На террасе стало тихо, каждый думал о своем звонке и размышлял, как сложилась бы ситуация, если бы пришлось все повторить сначала.

Фиона сказала бы своей матери, что в гавани теперь так много несчастных дочерей и матерей, ищущих друг друга, что ей захотелось позвонить домой и что она сожалела обо всех неприятностях, которые ей доставила, но что она теперь взрослая и должна жить самостоятельно, и это вовсе не означало, что она не любит маму и папу. Они бы не расстроились так сильно, если бы она обсудила с мамой свои планы и снова и снова повторяла, что очень даже заботилась о них и что постарается быть дома к серебряной свадьбе. Надо только обождать.

Дэвид думал, что мог бы поведать о том, что сумел побывать во многих местах и многое узнал о мире. Он мог бы рассказать об ужасной трагедии на прекрасном греческом острове и что это заставило его задуматься о том, как быстротечна жизнь и как внезапно она может оборваться.

Его отец обожал пословицы и поговорки. Дэвид мог бы рассказать ему пословицу о том, что «если любишь свое дитя, пошли его в путешествие», и планы его не окончательны, но с каждым днем он набирается опыта, от которого становится лучше. Это могло бы сработать и было бы гораздо лучше, чем пустая бездна, которую он создал вокруг себя.

Томас понял, что надо было позвонить матери, а не Ширли. Просто ему так хотелось верить, что мальчик на месте. Звонить надо было только маме. Он бы сказал ей, что беда прошла стороной, и попросил ее все рассказать Биллу. Он бы сказал ей, что сидит с незнакомыми людьми, что поведал им, какая она замечательная женщина и как благодарен ей за то, что нашла средства на его учебу, работая сверхурочно по ночам. Маме это бы понравилось.

Одна только Эльза не сомневалась, что сделала правильные звонки. Они оба знали, что она в Греции, но не знали точно, где именно, и она не оставила им возможности узнать, где ее найти. Она сказала каждому только то, что хотела. В одном случае она была неопределенной и доброжелательной, в другом жесткой и холодной. Она не изменила бы ни слова.

Андреас вздрогнул от внезапного звонка. Это мог быть его брат Йоргис, звонивший из полиции, возможно, чтобы сообщить о погибших и о понесенных убытках.

Но это был не Йоргис, это был немец. Он назвался Дитером, и ему нужна была Эльза.

— Ее здесь нет, — ответил Андреас. — Они все недавно спустились в гавань. Почему вы уверены, что она здесь?

— Она не могла уйти, — возразил мужчина. — Она звонила мне десять минут назад. Я проследил номер телефона, с которого она звонила... где она остановилась... пожалуйста. Простите, что так настойчив, но мне очень надо знать.

— Понятия не имею, господин Дитер, совершенно.

— А с кем она была?

— С группой знакомых, думаю, они завтра покинут деревню.

— Но мне надо ее найти.

— Премного сожалею, что ничем не могу помочь, господин Дитер. — Андреас положил трубку и, повернувшись, увидел перед собой Эльзу. Она вошла с террасы, услышав, как он говорит по-немецки по телефону.

— Почему вы это сделали, Андреас? — спокойно спросила она.

— Подумал, что вы хотите именно этого, но если я не прав, телефон к вашим услугам... пожалуйста, звоните ему снова.

— Вы правы, абсолютно правы. Огромное спасибо. Вы правильно сделали, что отвадили Дитера. Обычно я сильная, но сегодня я бы не выдержала этого разговора.

— Знаю, — тихо произнес он. — Бывают времена, когда говоришь или слишком много, или слишком мало. Лучше вообще ничего не говорить.

Снова зазвонил телефон.

— Вы все еще не знаете, где я, — предупредила она.

— Конечно. — Он многозначительно кивнул.

На этот раз это был его брат Йоргис.

Двадцать четыре человека погибли.

Двадцать иностранцев и четверо из Агия-Анны, не только Манос, но и его маленький племянник, который, вероятно, на борту помогал своему дяде. Ему было всего восемь лет. А еще двое — местные юноши из команды катера, совсем молодые, едва начавшие жизнь.

— Мрачные времена для вас, Андреас, — сказала Эльза с глубоким сочувствием.

— Невеселое время и для вас, — ответил он.

Они сидели и думали каждый о своем. Казалось, что они знали друг друга давно. Если было бы что сказать, они бы разговаривали.

— Андреас? — Эльза выглянула наружу, где остальные были заняты беседой и их никто не мог услышать.

— Что?

— Сделаете для меня еще кое-что?

— Если смогу — да, конечно.

— Напишите письмо Адонису. Попросите его вернуться в Агия-Анну. Вернуться теперь. Скажите, что в деревне погибли двое

молодых людей, что всем вам необходимо видеть того, кто уехал, но может вернуться.

Он покачал головой:

— Нет, друг мой Эльза, это не поможет.

— Хотите сказать, что не постараетесь, чтобы помогло. Что еще хуже может случиться? Он может написать и сказать: «Нет, спасибо». В сравнении с тем, что случилось сегодня, это не конец света.

— Зачем вам вмешиваться в жизнь тех, кого не знаете?

Она рассмеялась, откинув голову:

— О, Андреас, если бы вы знали, какая я на самом деле. Да я только этим и занимаюсь. Я воинствующий журналист, меня так и прозвали на телестудии, а друзья считают, что я во все вмешиваюсь, везде сую свой нос. Вечно пытаюсь сохранить семью, отучить детей от наркотиков, очистить улицы от дерьма, сделать спорт доступным... Мне свойственно стремление изменить жизнь людей, которых я не знаю.

— Всегда ли это помогает? — спросил он.

— Иногда срabатывает. И срabатывает достаточно часто, чтобы я не переставала этим заниматься.

— Но вы сбежали?

— Не из-за работы.

Он посмотрел на телефон.

Она кивнула:

— Да, вы правы, из-за Дитера. Это долгая история. Когда-нибудь я сюда вернусь и расскажу вам все.

— Не обязательно.

— Обязательно, но мне также важно знать, что вы написали Адонису в Чикаго. Обещайте, что напишете.

— Не умею писать письма.

— Я могу написать за вас, — предложила она.

— Неужели?

— Могу постараться передать ваши чувства, но не уверена, что это будет правильно.

— Я в себе тоже не уверен, — помрачнел Андреас. — Иногда кажется, что знаю верные слова, и воображаю, что обнимаю его, а он говорит мне «папа»... В другое время мне видится, что он непреклонен, жесток и говорит: «Что сделано, то сделано».

— Письмо надо написать такое, чтобы он сказал «папа», — не отставала она.

— Но он догадается, что письмо не мое, он знает, что его старик со словами не дружит.

— Главное — обождать. Это будет в газетах даже в Чикаго, и он прочтет о трагедии в его родной Агия-Анне. Ему захочется услышать вас. Порой события сильнее наших мелких страхов.

— Это касается и вас с Дитером? — спросил он.

— Нет. — Она покачала головой. — Нет, это другое. Когда-нибудь я расскажу, обещаю.

— Нет надобности говорить мне, Эльза, — успокоил он.

— Вы мой друг, и я хочу рассказать.

Послышались голоса с террасы.

Говорил Томас:

— Андреас, вы должны поспать, завтра будет долгий день.

— Думаю, нам следует спуститься вниз туда, где мы остановились, — начал Дэвид.

— Мой брат Йоргис выслал машину для вас. Я сказал, что у меня друзья, которых надо отвезти, дорога длинная.

— Можем мы заплатить за угощение, за день и вечер, проведенные у вас? — спросил Томас.

— Я же сказал Йоргису, что вы друзья, а я с друзей денег за еду не беру, — с достоинством произнес он.

Они посмотрели на него: престарелый, слегка сутулый, бедный трудяга в этой таверне, где они — его единственные клиенты. Они должны были заплатить ему, и обидеть было нельзя.

— Знаете что, Андреас, мы не можем уйти, ничего не заплатив, даже несмотря на то, что мы друзья, — начала Фиона.

У Шейна было другое мнение.

— Ты же слышала, что ему не нужны деньги. — Он оглядел их всех, удивляясь, как это люди не понимают, что можно есть и пить бесплатно.

Эльза заговорила медленно. Она умела привлечь внимание. Все замолчали, чтобы услышать ее. Казалось, что слезы выступили у нее на глазах.

— А что вы скажете, если мы соберем деньги для семьи Маноса и его маленького племянника, а также для других погибших на наших

глазах? Для них обязательно будет создан фонд. Мы соберем столько, сколько, на наш взгляд, могли бы стоить вино и еда в другой таверне, положить все в конверт и написать на нем «От друзей Андреаса».

У Фионы в сумке нашелся конверт. Как только она его достала, они молча положили на блюдо свои евро. На дороге послышался шум полицейской машины.

— Эльза, напишите людям что-нибудь, — предложила Фиона.

Эльза сделала это уверенной рукой.

— Жаль, что не могу написать по-гречески, — вздохнула она и взглянула на Андреаса, словно у них был свой секрет.

— Это замечательно — ваша щедрость, всех вас, это прекрасно на любом языке, — сказал он сдавленным голосом. — Никогда не умел писать письма.

— Труднее всего написать первые слова, Андреас, — настаивала она.

— Я бы начал «Адонис, сын мой», — запнувшись, произнес он.

— Вы уже на полпути. — Эльза обняла его на мгновение, перед тем как сесть в машину, чтобы вернуться в деревню у подножия холма, которая так сильно изменилась с прошлой ночи, хотя звезды в небе казались прежними.

Глава третья

Пока небольшой фургон трясся по дороге с холма, они не проронили ни слова. Каждый чувствовал, что никогда не забудет этой ночи. День был долгий, переполненный эмоциями. Они узнали друг о друге так много, что вместе им было легко и спокойно. Но все надеялись, что обязательно еще увидятся со стариком Андреасом. Он сказал им, что у него есть старенький мотоцикл с фургончиком и он каждый день спускается на нем по ухабистой дороге в город, как он называл деревню, чтобы закупить провизию.

В ту ночь никто не спал. Их объединила бессонница под теплым средиземноморским небом. Они вертелись и ерзали в постелях от слишком ярких звезд, свет которых сочился в их спальни. Миллионы крошечных игл мешали им заснуть.

Эльза стояла на маленьком балконе гостиничного номера, глядя на темное море. Она остановилась в «Студио апартаментах», хозяин которых был молодой грек, изучавший бизнес во Флориде и вернувшийся с идеей создать здесь шесть небольших самодостаточных домиков, незатейливо обставленных, с греческими половиками на деревянных полах, с расписной греческой керамикой на полках. Каждый балкон был изолирован. За свои номера он брал огромные, по меркам Агия-Анны, деньги, но они никогда не пустовали.

Эльза увидела его рекламу в журнале путешествий и не разочаровалась.

С балкона темное море казалось совсем безопасным и умиротворяющим, даже несмотря на то, что в этой самой гавани погибли двадцать четыре человека и эта вода не смогла одолеть огонь.

Она вдруг впервые поняла, почему измученные тоской и одиночеством люди иногда готовы покончить с жизнью в объятиях моря. Это, конечно, глупо, нет никакой романтики в том, чтобы утопиться. Эльза знала, что нельзя просто зажмуриться и дать волнам плавно унести себя. Придется барахтаться и сражаться за жизнь, захлебываясь от воды и страха. Ее волновало, смогла ли она выразить в послании Дитеру то, что хотела... что мечтала умереть в этот день.

Нет, на самом деле она этого не желала, она не хотела изо всех сил сражаться против всемогущего водного потока.

Но в какой-то степени это решило бы все, избавило бы ее от ужасной ситуации, от которой она сбежала и которая преследовала ее повсюду. Она знала, что долго не сможет заснуть. Зачем просто лежать? Она выставила на балкон стул и села, опершись локтями на витые железные перила, глядя на отражение лунного света в воде.

В маленькой комнате Дэвида тоже было жарко и душно. До этой ночи было нормально, но теперь все изменилось. В доме плакали так сильно, что заснуть было невозможно. На катере Маноса погиб их сын.

Дэвид был потрясен, когда, вернувшись в дом, увидел семью в окружении скорбящих родных и друзей. Он смущенно и неловко пожал всем руки и промямлил то, чего нельзя было выразить словами. Они немного говорили по-английски и глядели на него в недоумении, словно никогда прежде не видели. Почти никто не заметил, как он вышел из дома, чтобы подышать ночным воздухом. Слишком большое горе.

Дэвид представлял себе, что бы случилось, если бы и он погиб в этой катастрофе. Такое вполне могло быть. Просто отправился бы в поездку в другой день. Жизнь человека решается таким случайным выбором.

Рыдали бы в его доме так же сильно? Ломал бы себе руки в отчаянии его отец? Или сказал бы сухо, что сын выбрал свой жребий сам и теперь ему предстоит смириться с этим выбором до конца дней.

Гуляя по скорбному городу, Дэвид вдруг загрустил, ему захотелось встретить кого-нибудь из тех, с кем он провел ту ночь. Нет, конечно, не ужасного дружка Фионы, но кого-то из новых знакомых.

Ему подумалось, что можно было бы зайти в маленькую таверну, где посетители до сих пор сидели и обсуждали страшные события. Хорошо бы повстречать Фиону и поговорить с ней об Ирландии, где ему всегда хотелось побывать.

Он расспросил бы ее о работе медсестры и о том, действительно ли это приносит столько удовлетворения, как говорят люди. Ты на самом деле испытываешь удовольствие, когда больные выздоравливают? Помнят ли они тебя, ищут ли потом и благодарят ли? Принимают ли англичан в Ирландии, как туристов, так и рабочих, утихла ли ненависть и неприязнь? Развивались ли какие-либо ремесла

на западе Ирландии? Дэвиду всегда хотелось быть гончаром. Создавать что-то руками, совсем далекое от мира, где делают деньги.

Или можно было расспросить Томаса о том, что он пишет, почему он так далеко от своего университета, как часто он собирается видаться со своим мальчиком.

Дэвиду нравилось слушать истории людей, именно поэтому он был лишним в брокерском бизнесе отца.

Клиенты хотели слышать от него, сколько тратить и зачем. А Дэвиду было интереснее спрашивать об их домах, а не о капиталовложениях. Он разочаровывал их, когда пытался узнать, есть ли у них собаки в доме или сад, в то время как им необходимо было поговорить про оборот капитала.

Проходя по улице, он увидел на балконе Эльзу, но не окликнул ее. Она такая спокойная и собранная, и посреди ночи ей меньше всего был нужен такой зануда, как он.

Томас снял на две недели небольшую комнату над сувенирной лавкой, принадлежавшей эксцентричной женщине по имени Вонни, которая в свои за сорок или за пятьдесят всегда одевалась в цветастые юбки и черную кофту. Выглядит так, что хочется подать ей милостыню, подумал Томас. Но на самом деле ей принадлежала эта уютная и даже роскошная квартирка, которую она сдавала туристам. Обстановка была дорогая, с ценными статуэтками и картинами.

По происхождению Вонни была ирландкой, догадался он, хотя говорить об этом она не любила. Это была безупречная домовладелица, потому что совершенно не докучала ему, относила его белье в местную прачечную и временами оставляла у порога корзину с виноградом или миску с оливками.

— Где вы живете, когда я здесь? — спросил он ее, когда вселился в квартиру.

— Сплю в сарайчике, — ответила она.

Томас не понял, шутит она или говорит серьезно. Больше он ее не спрашивал, он был счастлив в доме Вонни.

Он бы обрадовался и более дешевой обстановке, но ему был нужен телефон на тот случай, если позвонит Билл.

В Америке Томасу всегда не нравился сотовый телефон. Его рабами стали слишком многие. Он решил, что в путешествии

мобильник будет ему мешать, впрочем, многие жаловались, что на дальние расстояния сигнал не доходит. Поэтому совершенно не важно, сколько он потратит на квартиру с телефоном. На что еще ему тратить свою профессорскую зарплату, к тому же он стал зарабатывать деньги на своих стихах.

Престижный журнал заплатил, чтобы он мог отправиться за границу и писать путевые заметки в своем стиле, о чем пожелает. Это оказалось весьма кстати, когда он вдруг понял, что необходимо уехать. Ему так нужно было сбежать. Захотелось написать об Агия-Анне, но в мировой прессе об этом будет рассказано уже завтра, и Агия-Анна станет печально знаменитой. Однажды он подумал, что можно было бы спокойно жить в одном городе с бывшей женой, видаться с Биллом сколько угодно, поддерживать цивилизованные, спокойные отношения с Ширли. В конце концов, он ее больше не любил, и быть вежливым не составляло труда.

Люди даже восхищались ими за такую неприязнительность, они были совершенно не похожи на другие разведенные пары, постоянно устраивающие сцены.

Но теперь все изменилось.

Нового приятеля Ширли звали Энди. Продавец автомобилей, которого она повстречала в спортивном зале. Когда Ширли сообщила, что выходит замуж за Энди, все резко изменилось.

Это означало, что Томасу лучше исчезнуть.

Она объяснила, что встретила настоящую любовь, и надеялась, что Томас тоже женится.

Томас помнил, как закипела в нем желчь, когда она заговорила с ним покровительственным тоном, словно распорядилась о перестановке мебели.

Томас удивился, насколько ему это было противно. Энди был неплохим парнем, просто он слишком легко перебрался в дом, который Томас купил для себя, Ширли и Билла.

— Так будет проще, — пояснила Ширли.

Билл сказал, что Энди о'кей. Но тот был простоват и не особенно любил книги, не из тех, кто бы читал Биллу на ночь и говорил бы: «Ну же, выбирай сам, и мы читаем вместе».

Надо признать, что Энди и сам понимал неловкость положения. Он предложил Томасу видаться с Биллом с пяти до семи, когда он,

Энди, занимался в спортзале.

Это было бы разумно, резонно и даже душевно, но раздражало Томаса еще больше. Словно его отодвигали на второй план, чтобы он не мешал им жить. Во время каждого визита он все больше ненавидел дом: банки с витаминами и пищевыми добавками по всей кухне и в ванной, тренажеры в гараже, журналы о здоровье и фитнесе на журнальном столике.

Когда появилась возможность сбежать, Томас воспользовался ею незамедлительно. С мальчиком он мог общаться по телефону, по почте, через Интернет. Просто будет меньше раздражения и неприязни.

Он убедил себя, что так лучше и для него, и для всех.

Первые недели так и было. Он больше не просыпался в гневе, не сходил с ума, думая о новой семье сына. Передышка пошла на пользу.

Но сегодняшние события все изменили. Все эти погибшие, траур в деревне, плач в гавани.

Невозможно было заснуть, и мысли в голове копошились, словно насекомые.

Томас ходил по квартире Вонни всю ночь. Иногда он посматривал на курятник в дальнем углу сада, увитого виноградом. Раз или два ему показалось, что видел ее взъерошенную голову в окне, но это могла быть и старая курица.

Фионе тоже не спалось в маленьком домишке на окраине города, который принадлежал тощей суетливой женщине по имени Элени, матери троих маленьких сыновей. Похоже, что мужа не было вообще. Обычно она постояльцев не пускала. Фиона и Шейн нашли место, стучась в дома и предлагая немного евро за то, чтобы переночевать. Шейн был непреклонен. Денег, чтобы сорить ими ради койки на ночь, у них не было. Жилье должно быть самым дешевым.

Дом Элени оказался именно таким.

Теперь Шейн спал в кресле, ему одному удалось отдохнуть в эту ночь. Фиона не смогла заснуть потому, что Шейн вдруг заявил, что на следующий день они уезжают.

Это стало для нее неожиданностью.

Им обоим казалось, что Агия-Анна как раз то место, где можно немного пожить. Но Шейн передумал.

— Нет, оставаться нельзя. После всего случившегося не стоит, — сказал он. — Давай уедем завтра, сядем на паром до Афин.

— Но Афины большой город... там будет жарко, — запротестовала она.

Шейн настаивал на своем, убеждая ее, что ему надо встретиться с другом, что это очень важно.

Когда месяц тому назад они с Фионой отправились в дорогу, про этого друга он даже не упомянул. Но Фиона хорошо знала, что расстраивать Шейна по таким пустякам нельзя.

В общем-то какая разница, где они будут жить, здесь или в Афинах.

Ей просто хотелось попасть на похороны Маноса, этого красивого, сексуального грека, который шлепнул ее по попке и сказал, что она «ореа», что означало «прекрасная, красивая».

Он был тупым парнем, но добрым и веселым, считал, что все женщины «ореа», он пил вино прямо из бутылки и танцевал для них национальные танцы, позируя перед камерами и красуясь на фотографиях, которые расходились по всему свету.

Но вреда от него не было никакого, он не заслужил смерти вместе с его маленьким племянником, другими членами его команды и всеми туристами, которые так радовались жизни.

А еще Фионе хотелось повидаться с сегодняшними знакомыми, со стариком Андреасом, который был так чуток с ними, так щедр, с Томасом, профессором из колледжа, мудрым, добрым человеком, и, возможно, она смогла бы заставить Дэвида быть более уверенным в себе.

Что же касается Эльзы... Фиона никем так не восхищалась прежде; Эльза знала точно, что и когда сказать. У нее не было обручального кольца, хотя лет ей уже около двадцати восьми. Фионе было интересно, кому она звонила в Германию.

Шейн все еще спал в кресле.

Фиона боялась, как бы он не обидел Андреаса и остальных. Он иногда мог быть очень едким и колючим. Жизнь его оказалась такой сложной, лишенной любви.

Но так было лишь до встречи с Фионой, и только она знала настоящего Шейна.

В комнате стало невыносимо жарко и душно.

Следовало бы поселиться в более приятных условиях. Тогда бы Шейну не захотелось уехать так быстро.

Ночью, когда звезды освещали гавань, Андреас писал письмо. Он переписывал его несколько раз и решил, что последний вариант самый удачный. Утром первая и единственная за девять лет весточка к сыну в Чикаго была готова.

На рассвете он сел на свой старенький мотоцикл и отправился в город.

Когда над Агия-Анной взошло солнце, в опрятной квартирке над сувенирной лавочкой зазвонил телефон.

— Это был сын Томаса Билл.

— Па, как ты, нормально?

— Отлично, сын, просто отлично. Спасибо за звонок, мама дала тебе мой телефон?

— Конечно, папа. Просто мама говорила, что у тебя там всегда ночь. Энди сказал, что стоит попробовать.

— Поблагодари Энди.

— Да, папа. Он показал карту мира, чтобы я знал приблизительно, где ты, а потом мы увидели пожар по телевизору. Наверное, было страшно.

— Да, печальное зрелище.

— От тебя это далеко, папа.

Томасу до боли захотелось быть рядом с сыном. Невыносимо. Но приходилось притворяться веселым.

— В наше время, Билл, все близко, и телефон всегда под рукой. Так слышно, словно ты в соседней комнате.

— Да, знаю, ты всегда любил путешествовать, — согласился мальчик.

— Да, люблю, и ты тоже когда-нибудь полюбишь.

— Еще бы. Я звонил бабушке, сказал, что ты о'кей, и она просила, чтобы ты берег себя.

— Постараюсь, Билл, обязательно буду осторожен.

— Мне пора, до свидания, папа.

Связь прервалась. Взошло солнце, и день был прекрасен. Его сын позвонил. Томас ожил, впервые за долгое время почувствовав, что

жизнь прекрасна.

Когда над Агия-Анной взошло солнце, Фиона пошла в ванную и вдруг поняла, что у нее задержка на шесть дней.

Когда над Агия-Анной взошло солнце, Эльза отправилась в гавань. Она прошла церковь, которая на время превратилась в морг. Затем, завернув за угол, с ужасом обнаружила в толпе людей, прибывающих из Афин, немецкую телевизионную команду из ее студии, снимающую все еще тлеющий катер, который отбуксировали в гавань.

Она знала телеоператора и звукооператора. И они бы узнали ее, если бы увидели. Тогда Дитер сообразит, где она, и примчится через несколько часов.

Эльза осторожно укрылась в маленьком кафе, испуганно озираясь.

В кафе были старики, неловко пытавшиеся помочь ей. За одним из столиков сидел Дэвид, все еще встревоженный после вчерашних событий, добрый английский юноша, недовольный своим отцом.

— Дэвид, — прошептала она.

Он страшно обрадовался, увидев ее.

— Дэвид, вы можете найти мне такси? Я не могу выйти отсюда. Там люди, с которыми я не хочу встречаться. Пожалуйста, сделайте это для меня...

Он, казалось, растерялся, увидев ее совершенно не похожей на себя, такой неуверенной. Но, вероятно, все понял и посочувствовал.

— Что сказать таксисту, куда вы едете? — спросил он.

— А куда вы собирались сегодня? — нетерпеливо поинтересовалась она.

— Километрах в пятидесяти отсюда есть небольшой храм и поселение художников. Называется Три... Три... как-то так. Это у небольшой бухты. Хотел отправиться туда на автобусе.

— Поедем туда на такси, — решительно заявила она.

— Нет, Эльза, поедем на автобусе, на такси будет очень дорого, поверьте, — запротестовал Дэвид.

— У меня как раз много денег, уверяю. — Она показала пачку денег. — Дэвид, пожалуйста, поторопитесь, скорее, не мешкайте. — Она взглянула на него и увидела, как помрачнело его лицо. Почему она

разговаривала с ним так жестко и грубо, словно хотела показать, что он слабак? — Понимаю, что глупо просить того, кого едва знаешь, но мне нужна ваша помощь, умоляю. Расскажу потом, когда доберемся до места. Я не совершила преступления, ничего такого, но я в беде, и если вы не поможете мне теперь, тогда я не знаю, что сделаю. — Она говорила искренне, от всего сердца, не играла, но так же точно она выступала и перед камерой.

— На площади стоят такси. Вернусь через пять минут, — сказал Дэвид.

Эльза сидела в темном кафе, не обращая внимания на то, что все взоры были устремлены на нее, высокую белокурую богиню, которая явилась в это неподходящее место, пристала к молодому человеку в допотопных очках и теперь дожидалась его, обхватив голову руками.

Глава четвертая

Фионе пришлось ждать пробуждения Шейна очень долго. Он лежал в кресле, разинув рот, с потными волосами, прилипшими ко лбу. Он казался таким беззащитным. У нее возникло желание погладить его по лицу, но будить его раньше времени она не хотела.

В комнате было жарко и душно, жильцы дома оставили здесь свою одежду, которая источала запах, как в магазине старьевщика.

Внизу слышался голос уставшей Элени с покрасневшими от слез глазами, которая созывала своих сыновей. Соседи продолжали приходить, возможно, снова и снова пересказывая друг другу ужасные события.

Она не станет спускаться вниз и тревожить этих людей, пока Шейн не проснется и не будет готов к поездке.

Когда же он наконец очнулся, настроение у него было плохое.

— Зачем ты позволила мне заснуть в этом кресле? — заворчал он, растирая шею. — Затекло так, словно деревяшка.

— Давай пойдем поплаваем, тебе станет лучше, — попыталась ободрить его она.

— Тебе хорошо, ты спала в кровати всю ночь, — бурчал он.

Не стоило говорить ему, что не спала почти всю ночь, думая о Маносе, чье тело лежало теперь в церкви рядом с его маленьким племянником и другими погибшими. И, конечно, не время сообщать ему, что она, кажется, беременна. Надо подождать, пока он окончательно проснется, взбодрится и перестанет жаловаться на боль в плечах.

Сегодня они уезжают в Афины, как он сказал. У него с кем-то встреча и какие-то дела.

— Нам лучше собраться до завтрака? — спросила она.

— Собраться? — удивился он.

Возможно, он забыл обо всем.

— Не обращай на меня внимания, я вечно не в себе, — засмеялась Фиона.

— Да ладно... Хочу немного выспаться, а ты сходи принеси нам кофе. О'кей?

— До кафе далеко... все остынет, пока я вернусь.

— О, Фиона, попроси их подогреть. Это всего лишь кофе, в конце концов, а ты умеешь всякие там «будьте любезны и спасибо», которые они так любят.

Эти слова любят все, подумала Фиона, но промолчала.

— Поспи пару часиков, — предложила она, но он уже не слышал, потому что сразу заснул.

Она брела вдоль берега в сторону города, по кромке воды, босыми ногами утопая в мягком песке и позволяя Средиземному морю щекотать ее пальцы. Она не верила, что это случилось. Фиона Райан, самая сентиментальная в семье, самая надежная медсестра во всем штате, бросила работу, чтобы сбежать с Шейном, с человеком, который восстановил против себя всех.

И теперь, вполне вероятно, она еще и беременна от него.

Против Шейна как ее второй половины была не только мать, но и все ее друзья, включая Барбару, ее лучшую подругу с шести лет, а также всех сестер и коллег по работе.

Но что они могли знать?

Любовь вообще не бывает без сложностей. Взять хотя бы знаменитые любовные истории, и все станет ясно. Любовь не означает встречу с милым, удобным человеком, который живет рядом, с хорошей работой, мечтает о долгих отношениях и скопил денег на дом.

Это не любовь, это компромисс.

Она задумалась о возможной беременности, и сердце ее сжалось. Пару раз они были неосторожны, но такое происходило и прежде, и ничего не случилось.

Она потрогала подтянутый живот. Возможно ли, что из чего-то незаметного скоро вырастет ребенок, наполовину Шейн, наполовину она сама? Думать об этом было восхитительно.

На песке она вдруг увидела странные мешковатые шорты и длинную футболку Томаса, милого американца, с которым они провели вчерашний день.

Он узнал ее и позвал.

— Выглядите счастливой!

— Правда? — Она не открыла ему причину и не сказала, какие прекрасные планы у нее в голове о жизни в Агия-Анне, о воспитании ребенка среди этих людей, о том, как Шейн будет работать рыбаком или в ресторане, а она — помогать местному доктору, возможно, даже

станет акушеркой. Это были мечты о будущем, мечты, которые она обсудит с Шейном за чашкой кофе, когда все ему расскажет.

— Мне позвонил сын из Штатов. Мы отлично поговорили. — Томасу не терпелось поделиться радостью.

— Я очень рада за вас.

Похоже, этому человеку есть дело только до маленького мальчика по имени Билл, чью фотографию он показывал им всем. Мальчик такой же, как многие другие, белокурый, с широкой улыбкой, но для Томаса он самый лучший, как и для любого отца.

Она отвлеклась от своих мыслей.

— Знаете, прошлой ночью я подумала, что он обязательно вам позвонит, я почувствовала это, когда вы о нем рассказывали.

— Позвольте угостить вас кофе, — предложил он, и они направились к маленькой таверне на берегу. Беседа их была непринужденной, как вчера, — о трагедии, о том, как трудно было заснуть и поверить, что все те люди начали свой день в такой же таверне, а теперь лежат мертвые в церкви.

Фиона сказала, что шла в город купить хлеба и меда на завтрак и собиралась поделиться с хозяевами, в доме которых они остановились, чтобы взамен ей позволили приготовить чашку кофе для Шейна, когда тот наконец проснется.

— Мы собирались в Афины сегодня, но думаю, он слишком устал, — поделилась она. — Я даже рада, что он так устал. Мне здесь нравится. Хочу пожить здесь.

— Я тоже мечтаю побродить по тем холмам и на похороны хочу остаться.

Она с интересом посмотрела на него:

— И я хочу. И не только из любопытства и желания знать все первой. Хотела стать частью здешней жизни.

— «Хотела»? Это значит, что не останетесь.

— Ну, не знаю пока, когда мы уедем, а Шейну надо в Афины.

— Но если вы хотите... — Голос его затих.

Фиона заметила выражение его лица. Такое же выражение появлялось у каждого, кто видел Шейна. Она встала.

— Благодарю за кофе. Мне надо идти.

Он казался разочарованным. Словно ему хотелось, чтобы она осталась. Ей бы тоже хотелось поговорить с этим милым, приятным

человеком, но она не могла допустить, чтобы Шейн проснулся и не нашел ее рядом.

— Томас, полагаете, я могу оставить вам денег, на случай, если... ну, если будет нужно для них?

Он поднял руку. Он знал, что у нее мало денег.

— Пожалуйста... я с удовольствием куплю цветы и обязательно сделаю букет «Да пребудете с миром» от Фионы из Ирландии.

— Спасибо, Томас, и если увидите с остальными, с Дэвидом, Эльзой...

— Скажу, что вы и Шейн должны были уехать в Афины и попрощались со всеми, — тихо произнес он.

— Они были так милы, с вами со всеми было так замечательно... Интересно, где они теперь?

— Видел, как они оба уезжали из города на такси сегодня утром, — сказал Томас, — но это маленькое местечко, увижусь с ними снова.

Он смотрел, как она покупала большой теплый хлеб и маленький горшочек местного меда для этого молодого эгоиста, и вздохнул. Профессор, поэт, писатель... но как мало он понимает в жизни и в любви.

Почему Ширли считала его холодным и отчужденным, а безмозглого Энди приятным компаньоном? Томас вспомнил их разговор на закате вчера, он не понимал жизни своих новых знакомых, о которой они рассказывали. Почему, например, отец Дэвида, которому следовало гордиться и радоваться, что у него такой сын, держал его на расстоянии и говорил ему только обидные слова?

Томас не понимал, что случилось у этой божественной немки Эльзы, отчего она с испуганными глазами сбежала из дома.

Он никогда не поймет этого, говорил он себе в отчаянии. Лучше и не пытаться.

Он взглянул и увидел Вонни, переходившую улицу.

— Яссу! — воскликнула она. — Яссу! Какая трагедия!

— Полагаю, вы знали Маноса?

— Да, еще совсем малышом, школьником, он был ужасный шалун, всегда таким был. Воровал у меня в саду, тогда я предложила ему работу. Это его немного урезонило. — Казалось, воспоминания ей в радость.

Томасу захотелось с ней поговорить, расспросить, почему она на этом острове, но в ней было что-то, что исключало любую откровенность. Она оказалась скорой на шутку, уводящую от ответа.

— Однако сегодня он предстанет перед Богом, но, зная Маноса, уверена, он и его очарует, — пожала она плечами и ушла.

Томас понял, что это конец беседы. Он глядел, как Вонни шла по улице к своей сувенирной лавке. Сегодня торговля не пойдет. Он сомневался, что она вообще откроет магазин.

Он видел, как она здоровается за руку с прохожими. Здесь она среди своих.

В такси Эльза наклонилась и спрятала голову под шарф, пока они не выехали из города, и лишь потом распрямилась с напряженным, испуганным лицом.

— Почему бы мне не рассказать о том месте, куда мы едем? — предложил Дэвид.

— Спасибо. Это было бы замечательно. — Она откинулась на спинку сиденья, слушая его с закрытыми глазами.

— Это были раскопки какого-то храма, но когда деньги закончились, раскопки прекратились, и храм остался полупогребенным в земле. Многие не знали о храме. На ранней стадии раскопки не принесли особых результатов, но были и такие, кто считал, что сюда стоит заглянуть.

Несколько лет тому назад здесь обосновалась колония художников, которая процветает и поныне. Даже теперь со всего света сюда съезжаются ювелиры и гончары. Поселение не преследовало коммерческих целей, но художники торговали своими поделками в городе.

Рассказывая, Дэвид поглядывал на нее и заметил, что лицо ее расслабилось. Очевидно, она не хотела объяснять ему, чего испугалась, поэтому он и не спрашивал. Лучше бубнить про достопримечательности, которые предстояло увидеть.

— Я вам наскучил? — вдруг спросил он.

— Нет, почему вы так подумали? Вы вселяете покой и тишину, — улыбнулась Эльза.

Дэвиду это понравилось.

— Я часто бываю скучным, — честно признался он, но не для того, чтобы разжалобить ее или осудить себя. Просто констатировал факт.

— Сомневаюсь, — быстро ответила Эльза. — Думаю, вы очень приятный человек и с вами хорошо. Вернее было бы сказать, вы умиротворяющий.

— Мне нравится «умиротворяющий», — сказал Дэвид.

Она похлопала его по руке, и они уселись поудобнее, глядя на то, как по скалистому склону взбирались козы, на сверкающее голубое небо и на море, такое тихое и приветливое, хотя еще недавно оно забрало жизнь стольких людей.

— Когда похороны? — вдруг спросила Эльза таксиста.

Он понял вопрос, но не знал слов, чтобы ответить.

— Аврио, — проговорил он.

— Аврио? — повторила она.

— Завтра, — перевел Дэвид. — Выучил недавно пятьдесят слов, — виновато добавил он.

— Это на сорок пять слов больше, чем выучила я, — с тенью прежней улыбки произнесла Эльза. — Эвхаристо, друг мой Дэвид, эвхаристо поли. Большое спасибо.

Они ехали по пыльной дороге. Настоящие друзья.

После чашки кофе и хлеба Шейну полегчало. Он сказал, что в этом сумасшедшем месте они последний день, а потом уезжают в Афины. Паромы туда уходили из гавани каждые два часа, никакой мороки.

Ему было интересно найти место, где бы что-нибудь происходило.

— Не думаю, что здесь что-то будет сегодня. Город переполнен журналистами, криминалистами и официальными властями. Знаешь, похороны завтра, люди снизу сказали мне. — Фионе хотелось узнать, можно ли будет уехать после похорон. Но ей так много надо было ему сказать сегодня, что этот вопрос мог и подождать. — Я видела милое местечко на мысе, они ловят там рыбу и жарят ее на гриле прямо у моря, пойдём туда?

Он пожал плечами. Почему бы не пойти? Наверное, там вино дешевле, чем в напыщенных местах в гавани.

— Ну ладно, пойдём туда, Фиона, и не пытайся сказать этим внизу, что я пойду, а ты остаешься.

Она рассмеялась:

— Не думай, я не такая плохая, просто пытаюсь поблагодарить Элени за доброту к нам и выразить сочувствие по поводу гибели их друзей.

— Это не твоя вина, Христа ради. — Шейн был в одном из тех настроений, когда готов был раздражаться от чего угодно.

— Нет, конечно нет, но быть вежливым не трудно.

— Им хорошо заплатили за постой, — ворчал он.

Фиона знала, что они почти ничего не заплатили. Если бы семья не была так бедна, они бы не освободили для них свою спальню. Но спорить с Шейном было не время.

— Ты прав, лучше пойти теперь, пока не очень жарко, — сказала она, и они стали спускаться по шаткой лестнице через переполненную кухню мимо домочадцев, которые сидели, скорбя по погибшим. Ей захотелось присесть рядом с ними, сказать что-то доброе, короткие греческие слова, которые она слышала повсюду: типота, дхен, пираци.

Но она знала, что Шейну надо выпить первую кружку холодного пива. Как много необходимо сказать ему сегодня, откладывать нельзя. Приближался полдень, а с ним и жара. Надо идти в таверну у моря немедленно.

День на самом деле был жаркий.

Томас решил не ходить на холмы. Для такого путешествия надо было выйти пораньше утром. Он заглянул в сувенирную лавку. Так и есть, Вонни магазин не открыла, а вывесила в окне записку на греческом, в черной рамке и очень короткую. Похожие были в других местах: «Закррито из уважения».

Вонни спала в кресле, усталая и старая на вид. Предположим, она действительно спала в курятнике? В то время как в квартире была свободная спальня? Она могла бы спать там, но он решил не спрашивать.

Магазины были закрыты, но посмотреть было что. И, если честно, ему не хотелось уходить далеко от городка, наполненного скорбью. Он решил пройтись вдоль берега до простого местечка на мысе, которое заметил на прошлой неделе. Оттуда вкусно пахло жареной рыбой,

когда он проходил мимо несколько дней тому назад. Как хорошо посидеть там, глядя на море и размышляя. Он был рад, что вспомнил про это место.

Там были потрепанные зонтики, которые могли бы спасти его от палящего солнца, и прохладный бриз с моря. Отличный привал.

Такси привезло Эльзу и Дэвида на открытую площадь посередине Калатриады. Шофер не знал, где их высадить.

— Здесь будет отлично, — сказала Эльза, щедро заплатив ему. Дэвид хотел войти в долю, но она запротестовала. Выйдя из машины, они оглядели деревню, к которой вела извилистая, ухабистая дорога. Место у туристов популярностью не пользовалось, и его, вероятно, не заметили и исследователи.

Море отсюда далеко, вниз по крутой дороге. Половина домов вокруг площади — маленькие ресторанчики или кафе и гончарные изделия на продажу.

— Думаю, всем хочется посмотреть храм? — спросил Дэвид. — Могу посидеть с вами немного.

— После всех этих крутых поворотов и ухабов было бы чудесно выпить кофе, — улыбнулась Эльза. — Но место в самом деле замечательное. Здесь я могу дышать свободно. Знаете, вы действительно мой герой.

— О, какой там герой! — Дэвиду стало смешно. — Боюсь, обычно это не моя роль.

— Не пытайтесь сказать мне, что обычно вы злодей. — Эльза снова развеселилась.

— Нет, ничего такого эффектного. Скорее шут, — признался он.

— Не верю ни секунду.

— Потому что вы меня не знаете, не видели меня в реальности, где я всем мешаю.

— Это не так. Вы говорили, что не видите с глазу на глаз с отцом. В этом нет ничего обидного, половина мужчин на земле чувствуют то же самое.

— Я не оправдал его надежд во всем, буквально во всем, Эльза. Честно, если бы у него был другой сын, было бы лучше. Готовый бизнес, уважаемое положение в обществе, красивый дом. Но от всего

этого я задыхаюсь, как в западне. Неудивительно, что он презирает меня.

— Сядем здесь, как думаете? — Эльза показала на ближайший шаткий стул в очень простеньком кафе.

Официант подошел и постелил на другом стуле вощеную бумагу.

— Для леди стул получше, — сказал он.

— Они здесь все такие милые, — восхитилась она.

— С вами все везде милое, Эльза, вы такая солнечная.

Дэвид заказал два метриоза, не очень сладкий кофе, и они стали с удовольствием его пить, как старые друзья.

— Я не знаю своего отца, Дэвид. Он бросил нас рано, но с мамой мы часто ссорились.

— Возможно, это гораздо лучше. В моем случае никаких настоящих ссор, только вздохи и пожатия плечами, — признался Дэвид.

— Поверьте, я слишком много наговорила маме, слишком много критики. Если бы начать сначала, я бы сказала меньше. Но дочери и матери всегда друг другу все высказывают.

— О чем вы спорили?

— Не знаю, Дэвид. Обо всем. Я говорила, что я права, а она нет. Что она ужасно одевается, что у нее ужасные друзья, понимаете, обычные обидные слова.

— Я не знаю, мы никогда не разговариваем.

— Если начать снова, что бы вы сделали? — спросила Эльза.

— Воображаю, что натворил бы все ту же неразбериху.

— Это поражение. Вы молоды. Намного моложе меня, родители ваши живы, у вас есть время.

— Не заставляйте меня чувствовать себя хуже, Эльза, пожалуйста.

— Конечно, думаю, справедливо сказать вам, что у нас много общего, но не могу правильно выразиться. Моя мама умерла.

— Как она умерла?

— В автокатастрофе с одним из ее непотребных приятелей.

Дэвид наклонился и похлопал ее по руке.

— Это произошло быстро и, я уверен, не принесло ей боли.

— Вы такой добрый, Дэвид, — произнесла Эльза дрожащим голосом. — Допивайте кофе и пойдем исследовать Калатрияду. А

потом за обедом я расскажу вам о своих проблемах, и вы дадите мне совет.

— Не обязательно рассказывать, вы знаете.

— Умиротворяющий Дэвид, — улыбнулась она.

— Где же это распрекрасное место? — ворчал Шейн. Его внимание привлек шумный бар, мимо которого они проходили. — Может быть, здесь будет отлично, — предложил он.

В этом месте Фиона никак не могла сообщить ему новость, поэтому отказалась.

— Слишком дорого. Туристические цены, — возразила она. На том спор и закончился. Они направились к рыбному ресторану на мысе.

Андреас сидел с братом в полицейском участке. Стол Йоргиса был завален рапортами о несчастном случае, телефон не умолкал.

— Сегодня написал Адонису, — медленно произнес Андреас.

— Хорошо, хорошо, — сказал Йоргис через некоторое время.

— Я не стал сожалеть, ничего такого.

— Нет, конечно нет, — согласился Йоргис.

— Потому что я не сожалею. Ты это знаешь.

— Знаю, знаю. — Йоргису не надо было спрашивать, почему он написал сбежавшему сыну в Чикаго. Он и так все знал.

Гибель Маноса и других людей показала им, до чего коротка человеческая жизнь. Вот и все.

Томас проходил мимо телевизионной команды и фотографов на площади рядом с гаванью. У них такая же работа, как у других, решил он, но уж больно они походили на рой насекомых. Они не собирались там, где людям жить хорошо и радостно, но только там, где случилась беда.

Он подумал об Эльзе, этой златовласой красивой немке. Она была очень критична к своей роли во всем этом. Ему хотелось знать, куда она отправилась сегодня в такси. Возможно, она даже знала этих телевизионщиков, шатавшихся на берегу в гавани. Немцы любят Грецию, говорили даже, что на катере Маноса погибли два немца-

туриста. Но Эльзы нигде не было видно. Она, наверное, не вернулась. Он отправился в ресторанчик на мысе.

Дэвид и Эльза бродили среди развалин храма, единственные посетители.

Престарелый гид спросил с них по пол-евро и дал взамен гардеробный жетон, а еще плохо написанный и едва понятный проспект с описанием того, каким храм был прежде.

— Если бы у них был хороший проспект на немецком, они бы сделали целое состояние, — заметила Эльза.

— Или хотя бы на английском, — засмеялся Дэвид.

Они вернулись на площадь.

— Давайте насладимся прекрасным обедом, на который я вас приглашаю, — предложила она.

— Запросто, Эльза. Смотрите, официант кафе, где мы были, ждет нас. Рад вернуться туда, если не возражаете.

— Конечно, не возражаю... Сама рада. Но хотелось бы чего-то более грандиозного, потому что у меня к вам еще одна просьба.

— Не стоит расплачиваться со мной самым дорогим обедом. И не уверен, что в Калатриаде есть дорогой ресторан.

Официант выбежал наружу.

— Я знал, что вы вернетесь, леди, — широко улыбнулся он. Неся поднос с маслинами и маленькими кусочками сыра, он указал им на контейнеры, где блюда хранились в подогретом виде, гордо открывая перед ними каждое, чтобы они могли выбрать.

Они сидели и беседовали, как старые друзья, гадая, как было бы, если бы они выросли в маленькой деревне, как эта, а не в больших городах.

Эльза и Дэвид полюбовались высокими белокуроыми скандинавами, приехавшими сюда с холодного Севера, чтобы работать ювелирами и керамистами. И когда они стали медленно пить черный сладкий кофе, Эльза заговорила:

— Расскажу вам, отчего все это.

— Вы не обязаны, у нас такой замечательный день.

— Нет, я должна объяснить, потому что, понимаете, я не хочу возвращаться в Агия-Анну сегодня вечером. Хочу остаться с вами здесь до завтра, когда пройдут похороны.

Дэвид разинул рот:

— Остаться здесь?

— Не могу вернуться в город, Дэвид, там моя телевизионная группа, они скажут Дитеру, нашему боссу дома, и тот приедет и найдет меня. Я этого не вынесу.

— Почему?

— Потому что я его сильно люблю.

— Разве это плохо... если мужчина, которого вы любите, вас найдет?

— Если бы все было так просто. — Она взяла его за обе руки, прижав их к своему лицу. Он почувствовал, как по пальцам потекли слезы и закапали на стол.

— Понимаю, мы должны остаться здесь, в Калатриаде, на ночь, — сказал Дэвид, все больше ощущая себя настоящим героем дня.

Был ранний час, Фиона и Шейн сидели в ресторане одни. Официант оставил их наедине с рыбой и вином у синего моря и белого песка. Шейн выпил два пива и стакан рестины очень быстро. Фиона глядела на него, поджидая нужного момента, чтобы сообщить новость. Наконец, устав ждать, она положила ладонь ему на руку и сказала, что у нее задержка на шесть дней. С двенадцати лет у нее никогда не было нарушений цикла. И при всех ее познаниях в медицине как медсестры она точно знала, что это не ложная тревога, а настоящая беременность. С надеждой она поглядела ему в лицо.

На нем изобразилось недоумение.

Он выпил еще стакан вина, прежде чем заговорил.

— Не понял, — сказал он. — Мы же предохранялись.

— Ну... не совсем... не всегда. Если помнишь... — Она готова была напомнить об одном конкретном выходном.

— Как ты могла быть настолько глупа? — спросил он.

— Но это не только я.

— Господи, Фиона, ты действительно умеешь все испортить, — застонал Шейн.

— Но мы так хотели детей. Мы говорили, ты говорил... — Фиона заплакала.

— Когда-нибудь, сказал я, не теперь. Ты такая дура! Не теперь, всего месяц, как мы путешествуем.

— Я думала... Я думала... — Она пыталась говорить сквозь слезы.

— О чем ты думала?

— Думала, мы здесь останемся, понимаешь, в этом месте, и могли бы воспитать ребенка здесь.

— Это не ребенок, это лишь задержка на шесть дней.

— Но это мог быть ребенок, наш ребенок, и ты мог бы найти работу в ресторане, а я могла бы работать...

Он встал и, наклонившись над столом, крикнул на нее. Она едва слышала, что он говорил, так жестоки были его слова. Что она шлюха, как все женщины, хитрая и коварная, желающая связать его выводком детей и заставить работать официантом в богом забытой дыре, как эта.

Она должна избавиться от ребенка и никогда не приставать к нему с подобными историями. Никогда. Она дура, безмозглая идиотка.

Фиона, возможно, могла бы огрызнуться, но вдруг почувствовала удар в лицо такой силы, что попятилась, а он наступал на нее с кулаками.

Земля ушла из-под ног, ее затошнило и всю затрясло. Затем она услышала топот ног, крики позади, и два официанта схватили Шейна, а появившийся ниоткуда Томас оттащил ее в сторону и усадил на стул.

Когда Томас протирал ее лицо холодной водой, она закрыла глаза.

— Вы правы, Фиона, — сказал он, погладив ее по голове. — Поверьте, вы совершенно правы.

Глава пятая

В ресторане Томасу дали номер полиции. Фиона слышала, как засмеялся Шейн, когда сообщили, что вызов принят.

— Пустое, Томас, она не станет заявлять на меня. И даже если сделает, то это лишь семейная ссора. Они так и скажут. Еще хуже — ссора иностранцев, зацепиться не за что. — Он потянулся за другим стаканом вина.

Официанты взглянули на Томаса, ища совета, стоит ли остановить Шейна.

Но Томас лишь кивнул слегка. Чем пьянее Шейн, тем худшее впечатление он произведет на Йоргиса, брата Андреаса, и тем труднее будет ему выпутаться.

Он ушел в соседнюю комнату, чтобы позвонить, представился полицейскому, его сразу узнали.

— Вы один из тех, кто сделал щедрое пожертвование семье Маноса.

— На самом деле это сделал ваш брат, он не взял с нас за обед.

— Он сказал, что вы друзья. — Брату Андреаса все было понятно.

— Мы гордимся, что он наш друг, но, сэр, у нас проблема... — Томас объяснил все Йоргису, который мгновенно понял ситуацию. Томас тихо попросил официантов отвести Шейна в подсобное помещение и запереть. Тот даже не сопротивлялся.

— Зря ты это, ложный вызов полиции, поверь. Пожалеешь, когда они уйдут. Томас, вчера сам ныл, что не можешь найти общего языка даже с собственным сыном. Да ты и с кошкой не способен общаться, Томас.

— А ты, конечно, способен, особенно кулаками, — заметил Томас.

— Смешно, просто смешно, в самом деле.

— Они тут не любят, когда избивают женщин, ты скоро это узнаешь.

— Уйду отсюда с этой девкой под ручку, так было и раньше, так будет и теперь. — Он держался уверенно и нагло.

Томаса охватила ярость, и руки самопроизвольно сжались в кулаки.

Шейн заметил и рассмеялся.

— Не пугай меня, что готов поступить как мужчина, — начал дразнить его мальчишка.

Но гнев прошел так же быстро, как возник. Он снова овладел собой.

— Дайте ему вина, я заплачу, — сказал он официантам и сел рядом с Фионой, чье заплаканное лицо показывало, что она еще в шоке. — Все будет хорошо, — успокоил он, погладив ее по руке.

— Хорошо больше не будет никогда, — обреченно произнесла она.

— Мы все способны к выживанию, знаете, именно поэтому мы все коптим небо, а не сгнули.

Пока не прибыла полиция, они сидели молча, слушая шум волн, бьющихся о скалы под рестораном. Взгляд ее был опустошенным, но Томас знал, что одно только его присутствие укрепляло ее.

Приехавший Йоргис сообщил Шейну, что избиение наблюдали три независимых свидетеля, что его арестуют, посадят под замок в полицейском участке на двадцать четыре часа.

— Но она не возражает. — Теперь голос Шейна стал испуганным и нервным. — Спросите ее сами. Я ее люблю, мы вместе, у нас даже будет ребенок... Верно, Фиона? Скажи им.

Она не открывала глаз.

— Это не важно, — объяснил Йоргис. — Эта женщина не сделала заявления, ее слова не принимаются во внимание. — Он надел на Шейна наручники и отвел в полицейскую машину.

Когда в ресторанчике стали собираться посетители на ленч, машина с арестованным уже уехала. Официанты вздохнули спокойно. Они были молоды и неопытны. Ситуация возникла неприятная — драка, полиция, арест, но порядок был восстановлен, и бизнес не пострадал. Утро оказалось напряженным.

За все это время Фиона не произнесла ни слова, но теперь расплакалась.

— Как жаль, что у меня нет друга, Томас, — сказала она.

— Я ваш друг.

— Да, знаю, но я имею в виду подругу, как Барбара дома. Она бы подсказала мне, что делать, посоветовала бы.

— Хотите найти ее? У меня в квартире есть телефон, — предложил он.

— Теперь все иначе. Слишком многое изменилось, часто она предлагала мне помощь, а я не слушала, она не могла понять, как много изменилось. Сколько всего случилось.

— Знаю, надо начать сначала. — Он ей сочувствовал.

— Я могла бы поговорить с Эльзой, но мы не знаем, где она, и теперь она, наверное, не захочет выслушать мои жалобы, — грустно сказала Фиона, вытерев слезы салфеткой.

— Можно узнать, где она, видел, как она уезжала в такси с Дэвидом. Не знаю, куда они направились, но почему бы нам не съесть чего-нибудь, чтобы подкрепиться?

— Вы как моя мама. — На ее лице мелькнула слабая улыбка.

— Я хорошая нянька, — пошутил он. — Когда вы сможете идти, мы отправимся на стоянку такси. Такую, как Эльза, не могли не запомнить.

— Право же, я такая неловкая.

— Она добрая и понимающая... именно тот человек, с которым вам следует поговорить, — успокоил он.

— Вы так думаете?

— Да, именно так. О, Фиона, вот еще что.

— Что?

— Это правда, что вы беременны?

— Он это сказал? Я не поняла. — В голосе ее снова прозвучала надежда.

— Он сказал это лишь для того, чтобы избежать неприятностей.

— Я думала, он обрадуется.

— Нет, не хочу быть жестоким, но радости у него не было. Это действительно так?

— Возможно, — глухо произнесла она.

— Возьмем оmlет, а потом спросим таксистов. Если они ее не вспомнят, то с ними вообще не стоит иметь дела.

Он оказался прав. Они все запомнили блондинку из Германии и маленького очкарика. Таксист, который отвез их в Калатриаду, сказал, что они хорошо заплатили.

— Поехали туда, — предложил Томас, и у обрадованного таксиста появилась возможность еще отлично заработать.

Дорога по холмам была извилистая. Как только они добрались до маленького городка Калатриада, найти Эльзу и Дэвида было нетрудно. Место представляло собой большую площадь, окруженную кафе и ремесленными лавками. Заметить белокурую голову Эльзы, склоненную над керамическими тарелками в маленьком магазинчике, удалось сразу. Объяснения не потребовались. Это явно не было совпадением, и Эльза запаниковала.

— Меня кто-то ищет? — испуганно спросила она.

Томас сразу все объяснил:

— В какой-то степени, Эльза. Мы надеемся, что вы поговорите с Фионой. Понимаете, она немного расстроена.

— Это верно, — сказал Дэвид, глядя на кровоподтек на щеке Фионы.

— Второй удар мог сломать ей нос, — мрачно заметил Томас.

— Конечно, мы поговорим. — Эльза обняла Фиону за плечо. — Простите, что в первый миг подумала, это за мной, но у меня тоже некоторые проблемы. Поэтому мы с Дэвидом здесь до утра.

— Остаетесь? — в один голос воскликнули удивленные Томас и Фиона.

— Конечно, здесь мило, не так ли? И есть прелестная маленькая гостиница вон там, на другом краю площади. Сняли два номера. Фиона может остановиться у меня, а вы, мужчины, вместе. Это вас устраивает? — На лице Эльзы снова появилась уверенная улыбка. И всем показалось вполне нормальным, что четверо людей, не знавших друг друга до вчерашнего дня, собрались вместе отдохнуть в маленькой деревушке под названием Калатриада. Все согласились, что так будет лучше.

Еще вчера они впервые повстречались, а сегодня уже принимали друг в друге активное участие.

Завязался непринужденный разговор обо всем, будто они старые друзья, выросшие вместе.

Теперь ситуация была не такая, как прошлой ночью, когда они, слишком встревоженные происшествием и телефонными звонками домой, заговорили о себе, как только ночное небо озарили звезды. Теперь все было по-другому. Надвигался шторм.

Семья, владевшая гостиницей, казалось, не удивилась внезапному появлению людей без багажа. Все выглядели милыми и беспечными,

слегка усталыми, но они же из Агия-Анны, где произошла эта страшная трагедия. Возможно, они знали людей, погибших на катере.

Хозяйка гостиницы Ирина, на вид измученная и сгорбленная, дала им полотенца и по кусочку мыла. Она улыбалась устало и грустно и, похоже, выполняла по дому все: от уборки до стряпни, в то время как четверо мужчин играли на доске в углу. Никто из них ей не помогал.

— Думаю, в этом доме работы для феминисток хоть отбавляй, — прошептала Эльза Фионе, когда они поднимались вверх в свою комнату.

— Можешь начать с меня, Эльза, — покорно сказала Фиона. — Не надо долго искать, а лишь взглянуть на меня, чтобы увидеть жертву.

Эльзу переполняло сострадание.

— Поспи немного, — велела она, — часика два сна, и полегчает.

— Хочу рассказать тебе про него и почему он такой, как есть, — начала Фиона.

— Нет, не надо. Хочешь услышать от меня, что будешь совершенно права, если вернешься к нему, и что он не хотел этого?

Фиона сделала большие глаза.

— Возможно, и скажу это, но не теперь. Фиона, ты слишком устала и расстроена, чтобы слушать. Отдохни. Поговорим позже, у нас много времени.

— А ты?

— Я посижу тут и буду смотреть на горы, — сказала Эльза.

К своему удивлению, Фиона почувствовала, как потяжелели веки, и вскоре она заснула глубоким сном.

Эльза сидела в небольшом плетеном кресле и глядела на тени, спускавшиеся в долину.

В эту ночь шел дождь, заслоняя звезды.

— Томас, играете в шахматы? — спросил Дэвид.

— Плохо, — признался Томас.

— Я тоже, но здесь есть шахматы, не откажитесь от партии... не обещаю захватывающих ощущений. — Юноша выглядел усталым, но не похоже, чтобы он хотел поговорить или исповедаться.

Шахматы в этой ситуации подошли лучше всего.

Они поставили маленький стол у окна, и, когда спустилась ночь и начался ливень, они сидели счастливые вместе, играя в шахматы.

Ирина посмотрела на двери их спален.

Придется им поесть не выходя, на улице проливной дождь, но сидеть и глядеть на площадь Калатриады тоже не стоит, сказала им она, проигнорировав синяк на щеке Фионы.

Они собрались за столом со скатертью в бело-синюю клеточку и под стук из угла, где играли в кости, начали есть кебабы с салатом, которые Ирина щедро приготовила для них.

— Ореа, — произнес Дэвид. — Поли, поли кала!

На усталом лице Ирины расплылась широкая беззубая улыбка. Ей всего около сорока лет, подумала Эльза, даже меньше. Жизнь здесь не для нее, но ее окружали люди, которых она знала и любила, и теперь четверо гостей хвалили ее стряпню и говорили, что она красивая.

Когда-то Эльза была такая уверенная и осведомленная во всем. Она бы знала, что в жизни Ирины не так. А теперь уверенности не было. Возможно, для Ирины было лучше жить здесь, в этой красивой деревне среди гор и моря. Один из игравших в углу мужчин мог быть ее мужем, другой — отцом. На веревке у дома сушились детские вещи. Вероятно, у нее была семья, маленькие дети, которые знали всех в деревне.

Может быть, ей лучше уехать, как сыну Андреаса, который соблазнился огнями Чикаго.

Эльза вздохнула. Как легко, когда все ясно. Однажды Эльза заставит Фиону взглянуть на Шейна критически и понять, что он никогда ее не полюбит и вообще он не способен любить кого бы то ни было. Она бы сказала ей, что, хотя ни одна женщина не посоветует другой сделать аборт, Фиона должна подумать, стоит ли вынашивать ребенка Шейна. Но теперь Эльза не знала, что хорошо, а что плохо.

Она вдруг поняла, что слишком увлеклась своими мыслями, и постаралась вернуться к разговору за столом. Она сбежала, чтобы прояснить мысли, а не сидеть унылой и мрачной, как было несколько недель тому назад в гостинице, пока она не купила билет в Афины.

Не стоит поддаваться грустным мыслям снова. Томас говорил про свою хозяйку.

— У нее настоящий характер. Вонни живет здесь, вероятно, много лет, никогда не рассказывает о себе, но по-гречески говорит как местная. Знает это место Калатриаду очень хорошо. Говорила, что

бывает здесь раз в несколько недель, чтобы закупить керамику для своего сувенирного магазина.

— Она из Ирландии, Андреас вчера сказал мне, — заметила Фиона. — Сегодня я думала о ней... знаете, если она смогла остаться и жить здесь, я бы тоже смогла. — Ее маленькое бледное личико стало совсем печальным.

— Думаете, она приехала сюда с кем-то? — Эльзе хотелось добавить больше реальности в разговор, пока Фиона не погрузилась в свои фантазии, где бы они с Шейном могли иметь семью, растить детей среди розовых греческих скал.

Томас не знал и сказал, что, хотя Вонни казалась открытой и дружелюбной, расспрашивать ее было бессмысленно.

Дэвид бывал в магазине Вонни и разговаривал с ней. У нее был неплохой товар, как ему показалось... Ей приходилось непросто при выборе туристических безделушек сохранить хороший вкус.

— А мне действительно нравится, что она не одержима наживой, но нельзя сказать, что у нее много денег, — заметил Дэвид.

— Нет, думаю, на жизнь у нее денег немного, — согласился Томас. — Она преподает английский и спит в каком-то сарае на задворках, что дает ей возможность сдавать мне квартиру.

— Сколько ей лет? — спросила Эльза.

— Пятьдесят или шестьдесят, — ответил Дэвид.

— Сорок или пятьдесят, — одновременно с ним произнес Томас, и все рассмеялись.

— Тогда стоит принарядиться, чтобы порадовать мужчин, — с кривой улыбкой сказала Эльза.

— Нет, Вонни не любит наряжаться, носит футболки, цветастые юбки и открытые сандалии. Не думаю, что она когда-либо пользовалась косметикой. — Томас задумался. — В этом есть нечто странное. — Казалось, в этот момент он был где-то далеко-далеко, словно думал о другой женщине, которая умела ухаживать за собой.

— А вам нравится эта встревоженная женщина неопределенного возраста? — съязвила Эльза.

— Нет, нисколько, но она мне интересна. Я зашел к ней перед обедом вечером, чтобы она не беспокоилась, что у меня нет света.

— Это было предусмотрительно с вашей стороны, — задумчиво произнесла Фиона. — Шейн об этом не подумал.

— Она сказала, что о такси обратно мечтать не стоит, лучше сесть на автобус на площади, он ходит каждые два часа. Обещал ей, что, возможно, мы вернемся все вместе завтра к похоронам. Я проверил, мы не опоздаем. Она заверила, что все будут благодарны. Вы согласны?

— Я вполне, — ответил Дэвид.

— Да, а я смогу зайти в полицию и поговорить с Шейном, — с воодушевлением произнесла Фиона. — Он наверняка сожалеет и сильно расстроен, у него было время все обдумать.

Каждый постарался не встретиться с ней взглядом. Эльза продолжала молчать.

— Эльза? — тихо спросил Томас.

— Хотелось бы остаться здесь еще дня на два, понимаете, могу присоединиться к вам потом. — Казалось, что требуется объяснение. Она колебалась, стоит ли объяснять свои намерения, и вдруг решила заговорить. — Как-то неловко, понимаете, я пытаюсь избежать кое-кого, и хочется скрыться, пока он не уедет. — На нее смотрели три недоуменных лица. — Знаю, звучит нелепо, но тут ничего не поделаешь. Я сбежала из Германии от друзей, от хорошей работы, которую любила... только чтобы не видеть его. Было бы глупо снова с ним встретиться в таком маленьком местечке, как Агия-Анна.

— А вы уверены, что он там? — деликатно спросил Томас.

— Да, это ему свойственно. Никто так не знает людей, как он, поэтому я убежала сюда с Дэвидом. — И она с благодарностью посмотрела на Дэвида.

— Мы все могли бы оградить вас от него. — Дэвид старался играть роль героя в этой истории.

— Могли бы сказать Йоргису, брату Андреаса... он бы его осадил, если тот начнет преследовать вас или угрожать, — успокаивал Томас.

Эльза переводила взгляд с одного на другого.

— Нет, это не то, я не боюсь его, я боюсь себя, что могу вернуться к нему, тогда все это... все это бегство сюда... станет пустой затеей. — Губы ее дрожали. Эльза, холодная, уверенная Эльза.

Все были в недоумении.

— Эльза, я останусь с тобой, — начала Фиона. — Только мне надо сходить в полицию и проведать Шейна.

— Нет, не стоит, Фиона, ты просто хочешь его увидеть, — сказала Эльза.

— Я люблю его, ты должна понять. — Фиона была потрясена ее словами. — Серьезно, Эльза. Ты, должно быть, любишь этого человека, иначе не боялась бы его.

Вмешался Томас. У женщин назревал слишком серьезный разговор.

— У всех был долгий день... Увидимся завтра здесь в восемь. Тогда успеем на девятичасовой автобус... Те, кто собирается ехать, согласны? — Голос у него был мягкий, но за долгие годы преподавания в нем появились повелительные нотки.

Все решили, что он прав, и разошлись.

— Еще минуту, — остановила их Эльза. — Очень сожалею, Фиона, что была груба с тобой, ты имеешь полное право увидеться с тем, кого любишь. И простите, что эгоистично поставила свои проблемы выше других. Конечно, я буду на похоронах с вами и буду рада принять защиту таких добрых друзей, как вы. — Она посмотрела на каждого горящими глазами, и улыбка ее не могла скрыть подступившие слезы.

Глава шестая

Шейн сидел в камере заключения позади полицейского участка, обхватив голову руками. Ему хотелось холодного пива, но от тупого грека, брата занудного Андреаса из таверны, получить его было маловероятно.

Где же Фиона? Он надеялся, что она давно должна была появиться здесь. Он послал бы ее к пристани за тремя холодными банками пива. Конечно, пришлось бы изображать «прости, прости», объяснять, что сильно расстроился и не справился с собой.

Он швырнул миску с черствым хлебом в дверь камеры.

Йоргис отодвинул заслонку и заглянул в камеру.

— Да?

— Моя подружка, я уверен, она приходила ко мне, вы ее не пустили? Вы не должны этого делать, нельзя так с людьми в заключении. Мы тоже имеем право видеться с близкими и друзьями.

Йоргис пожал плечами:

— Никто не приходил.

— Я вам не верю.

— Не было никого. — Йоргис собрался уйти.

— Послушайте... я сожалею, я не хотел. Но вам совсем не верю. Дело в том, что, видите ли, мы очень близки, и я ожидал... — Голос его умолк.

— Вчера не было заметно, что вы очень близкие люди, — возразил Йоргис.

— Нет, вы не понимаете. У нас очень страстные отношения, естественно, что иногда случаются взрывы.

— Эндакси, — сказал Йоргис.

— Что это значит?

— Это значит «верно, ладно», все, что вы желаете. — Йоргис ушел.

— Где она? — крикнул Шейн.

— Слышал, что она уехала из Агия-Анны вчера, — бросил Йоргис через плечо.

— Я не верю вам! — кричал Шейн.

— Верьте или не верьте, мне сказали, что она взяла такси и уехала.

Шейн сидел в недоумении. Этого просто не могло быть. Фиона ни за что бы не уехала без него.

— Калимера сас, Йоргис. Ты встревожен. — Вонни прислонилась к стене полицейского участка.

— Еще бы, у нас полно людей с камерами, снуют повсюду по поводу похорон, понаехали разные следователи и страховщики, мне надо написать одиннадцать разных рапортов, а тут еще этот юнец за решеткой. Не знаю, что с ним делать.

— Парень, который избил ирландку? — спросила Вонни. Она знала обо всем, что происходит.

— Да. Жаль, что он не за сотни миль отсюда.

— Тогда вышли его.

— Что?

— Мы делали так в Ирландии. Много лет тому назад. Если кто-то доставлял слишком много хлопот и неприятностей блюстителем правопорядка, то их высылали на почтовом корабле в ту же ночь в Англию, и никаких дальнейших действий.

Йоргис улыбнулся в недоумении.

— Действительно, это правда, ужасная выходка в отношении англичан — отсылать наши отбросы туда, но мы думали, что Англия больше и как-нибудь справится.

— Понимаю.

— Допустим, ты посадишь его на одиннадцатичасовой паром в Афины. Серьезно, Йоргис. Его не будет здесь уже до похорон, и всем станет легче.

— Афины действительно большой город, чтобы справиться с ним. — Йоргис задумчиво потер лоб.

Загорелое, в морщинах лицо Вонни расплылось в широкой улыбке.

— Верно, Йоргис, Афины достаточно большой город, — согласилась она.

— Вы не можете выслать меня с острова, — возмутился Шейн.

— Как хотите. Нам некогда заниматься вами, держать под стражей неделю, а потом суд, возможно, тюрьма. Это с одной стороны. С другой — у вас будет бесплатный билет до Афин. Выбирайте. У вас десять минут.

— А как насчет моих вещей? — спросил он.

— Один из моих людей отвезет вас в дом Элени. Можете забрать вещи, и успеете на паром в половине одиннадцатого.

— Я пока не готов ехать.

— Постарайтесь. — Йоргис повернулся, чтобы выйти из камеры.

— Нет... обождите, вернитесь. Думаю, что я уеду.

Йоргис вывел его к полицейской машине. Шейн залез в нее неохотно.

— Станный способ управления делами, — ворчал он.

В доме Элени он заметил, что вещи Фионы на месте.

— Вы, кажется, сказали, что она уехала.

Элени объяснила по-гречески, что девушка должна вернуться в тот же день. Молодой полицейский предпочел не переводить. Его босс хотел, чтобы этот бешеный парень был на борту парома в одиннадцать и подальше от них. Не стоило менять планы из-за того, что эта дурочка скоро вернется, да и парень не сильно интересовался ею.

Он следил, как Шейн собирал свои вещи в сумку. Заплатить Элени за постой он не попытался и, усевшись в полицейскую машину, даже не попрощался с ней.

Медленно направляясь в сторону Агия-Анны из Калатриады, автобус трясся по дороге мимо деревушек на холме.

Старушки в черном входили и выходили из автобуса на остановках, приветствуя всех. Некоторые из них везли овощи на продажу, у одной были две курицы. Молодой человек играл на бузуке.

Они остановились возле часовни со статуей Богородицы, вокруг которой были возложены букеты цветов.

— Это замечательно, — восхитился Томас. — Выглядит так, будто подготовлено централизованно.

— Да, или греческим туристическим комитетом, — согласилась Эльза.

Воцарилось молчание. Каждый думал о своем и о том, что принесет им грядущий день.

Эльза размышляла, как избежать встречи с Дитером и телевизионной группой, появившейся в этой маленькой деревушке, где она хотела спрятаться от него.

Фиона надеялась, что Шейн уже успокоился. Возможно, она сумеет уговорить Андреаса замолвить слово за парня, или даже они выпустят его на похороны.

Томас обдумывал, как уговорить Вонни спать в свободной спальне ее собственной квартиры, а не в ужасном сарае. Он не хотел опекать ее, но просто вразумить.

Дэвид смотрел на стайки ребятишек, махавших проезжавшему автобусу, и жалел, что у него нет ни братьев, ни сестер, которые могли бы разделить с ним бремя семейного долга. Если бы у него был брат, выучившийся на бухгалтера, сестра, выучившаяся на юриста, и еще брат без высшего образования, но способный занять место отца в его бизнесе с шестнадцати лет и постигший бы дело с азов, тогда бы Дэвид был счастлив заняться керамикой где-нибудь в Калатриаде.

Глядя на холмы, покрытые оливковыми рощами, он вздохнул. Его мучило чувство вины. Прошлой ночью Фиона упомянула о вине католика. Она даже не представляла, что такое вина еврея!

Вонни учила детей английскому языку в большой комнате позади сувенирной лавки. Она предложила им выучить куплет из английского церковного гимна, который они споют на похоронах. Это могло бы стать большим утешением англоговорящим родственникам, прибывающим на место трагедии с каждым рейсом за последние тридцать шесть часов. Можно было бы найти что-то и на немецком. Она разузнает. Каждый согласился, что идея хорошая. И детей это отвлечет, уведет их от скорби в доме хотя бы на время.

Родственники пострадавших были необычайно благодарны Вонни, как и все годы с тех пор, как она впервые появилась на Агия-Анне совсем юной девушкой. Она состарилась вместе с ними, говорила на их языке, учила их детей, делила с ними радости и невзгоды. Многие даже не помнили, почему она сюда приехала.

Поднимаясь по выбеленной лестнице, Томас в недоумении остановился на пороге своей комнаты.

Детские голоса распевали «Господь, мой пастырь, я не смею...».

Он не был в церкви очень давно. Возможно, в последний раз только на похоронах отца, именно тогда и слышал этот гимн. Он замер от изумления. Эти похороны могут оказаться печальнее, чем он думал.

Андреас с братом Йоргисом стояли у парома.

Шейн не смотрел им в глаза.

— Не хочешь ли что-то сделать перед отплытием? — спросил Андреас.

— Например? Поблагодарить вас за легендарное греческое гостеприимство? — фыркнул Шейн.

— Например, оставить записку своей подруге, — коротко ответил Андреас.

— У меня нет ни бумаги, ни ручки.

— У меня есть, — предложил Андреас.

— А что писать? Что вы и ваш гестаповец-брат вышвырнули меня? Это ее не сильно обрадует, не так ли? — Шейн выглядел очень воинственно.

— Возможно, она захочет знать, что ты здоров, и в порядке, и свободен... и что свяжешься с ней, когда устроишься.

— Она это знает.

Андреас все еще держал в руке бумагу и ручку.

— Всего несколько слов? — призвал старик.

— О, ради бога... — Шейн отвернулся.

Они свистнули, чтобы паром отчалил. Молодой полицейский проводил Шейна на борт и вернулся к Андреасу и Йоргису.

— Даже лучше, что он ей не написал, — сказал он братьям.

— Возможно, — согласился Андреас. — В конечном итоге лучше, но прежде это разобьет сердце несчастной девушке.

Дэвид и Фиона направились вместе с Эльзой в ее гостиницу.

— Смотрите, никого вокруг, — огляделся Дэвид. И действительно, улицы, прежде переполненные прессой и чиновниками, теперь опустели.

— Жаль, что не могу остаться дольше, мне только надо проверить, все ли в порядке с Шейном, — извинилась Фиона, направляясь вверх по холму в сторону полиции. Снизу, из гавани, до них долетел гудок одиннадцатичасового парома, направлявшегося в Афины. В полдень прибудет еще паром с пассажирами на похороны.

— Хотите, чтобы я остался с вами здесь, Эльза? — спросил Дэвид.

— Всего на пять минут, чтобы я снова не сбежала, — засмеялась она.

— Вы этого не сделаете. — Он похлопал ее по руке.

— Надеюсь, что нет, Дэвид. Скажите, вы любили когда-нибудь кого-нибудь бешено, глупо?

— Нет. Вообще никого не любил, — признался он.

— Уверена, это не так.

— Боюсь, что так. Хотя этим не стоит гордиться в двадцать восемь лет, — произнес он виноватым тоном.

— Мы же с тобой ровесники! — воскликнула она с удивлением.

— Ты расходовала свои годы лучше, чем я, — загрустил он.

— Нет, ты бы так не говорил, если бы знал. Лучше бы я никогда не любила. Возможно, я и смогу вернуться туда, где была до всего этого. Хотела бы больше всего на свете. — Взгляд ее был где-то далеко.

Дэвид ругал себя, что не находил слов. Хорошо бы сказать что-нибудь правильное, чтобы эта печальная девушка улыбнулась. Если бы он знал какой-то анекдот или смешную историю, чтобы поднять настроение. Он ломал голову, но вспомнил только шутки про гольф, которые слышал от отца.

— Вы... ты играешь в гольф, Эльза? — вдруг спросил он.

Она удивилась.

— Немного. Ты думал об игре?

— Нет, нет, я не играю в гольф, просто вспомнил шутку про него, чтобы развеселить тебя немного.

Это ее тронуло.

— Давай рассказывай.

Дэвид напрягся и вспомнил одну про человека, чья жена умерла во время игры в гольф. Его друзья выразили ему соболезнования, а мужчина сказал, что это не самое худшее, гораздо ужаснее, что теперь ему придется таскать ее тело по полю от лунки к лунке до конца игры.

Эльза в ожидании смотрела на него.

— Боюсь, что это все, — смутился Дэвид. — Понимаешь, считается, что гольфисты такие заядлые игроки... до такой степени любят гольф, что готовы скорее таскать за собой труп, чем прервать

игру... — Он замолчал от отвращения к себе. — Послушай, Эльза, мне очень жаль, так шутить глупо. Какой я дурак.

Она протянула руку и погладила его по щеке.

— Нет, это не так, милый, дорогой человечек. Я просто счастлива, что ты здесь. Давай покушаем вместе?

— О, могу пригласить тебя на омелета триа авга... они любят, когда это заказывают... знаешь, впечатляет, омлет из трех яиц. — Он воспрянул духом.

— Не хотела бы никуда выходить, если не возражаешь, Дэвид. Здесь мне спокойнее. Поедим на террасе и все увидим, оставшись невидимыми. Ты не возражаешь?

— Конечно нет, с удовольствием, — обрадовался Дэвид и поспешил к холодильнику Эльзы, чтобы достать сыр фета, помидоры и накрыть на стол.

— Здравствуйте. Пожалуйста, могу ли я поговорить с начальником полиции?

Йоргис устало поднялся.

Перед ним стояла Фиона, в маленьком платье из голубого ситца, с белой войлочной сумкой на плече. Волосы ниспадали на лицо, прикрывая синяк. Она казалась хрупкой и неспособной выдержать удары судьбы.

— Входите, кирия, садитесь. — Он предложил ей стул.

— Видите ли, мой друг находится здесь со вчерашней ночи, — начала она, словно у Йоргиса был не полицейский участок, а гостиница при тюрьме Агия-Анны.

Йоргис простер перед собой руки. Ей так хотелось увидеть этого парня, простив его за все, что он с ней сделал. Как подобным ублюдкам удается находить таких замечательных женщин? И как ему теперь сказать этой девушке, что он отбыл час тому назад на пароме, даже не оглянувшись? Он никак не мог найти подходящих слов.

— Шейн очень сожалеет, он не мог вам этого сказать, но это так, — продолжала она. — Да и я сама виновата, я неправильно ему сказала, вместо того, чтобы объяснить...

— Он уехал в Афины, — выпалил Йоргис.

— Нет, он не мог, без меня, не сказав мне. Нет, нет, это невозможно. — Ее лицо исказилось.

— На одиннадцатичасовом пароме.

— Разве он не оставил мне записку? Скажите, куда он направился? Где я могу увидеться с ним? Он не мог уехать вот так.

— Когда устроится, сообщит вам. Уверен, он поступит именно так.

— Но куда? Куда ему писать?

— Думаю, может написать сюда, — задумчиво произнес Йоргис.

— Нет, знаете, он не сделает этого!

— Или туда, где вы остановились.

— Нет, он не сможет вспомнить дом Элени и ее адрес. Нет, я должна отправиться за ним следующим же рейсом. Я найду его, — твердила она.

— Нет, милая барышня, нет. Афины огромный город. Оставайтесь здесь. У вас тут хорошие друзья. Обождите, пока не окрепнете.

Она заплакала:

— Но я должна быть с ним....

— Сегодня больше рейсов не будет, из-за похорон. Пожалуйста, пожалуйста, успокойтесь. Хорошо, что он уехал.

— Нет, нет, что тут хорошего?

— Потому что иначе он был бы в тюрьме, под замком. Сейчас хотя бы на свободе.

— Он оставил мне записку?

— Все случилось так быстро, — ответил Йоргис.

— Вообще ничего?

— Он действительно спрашивал о вас, интересовался, где вы.

— О, зачем я уехала? Никогда не прошу себя до конца жизни...

Йоргис неловко похлопал ее по спине, пока она рыдала. За ее спиной вдали, у подножия холма, он видел, как Вонни вела группу детей, и у него возникла идея.

— Андреас сказал мне, что вы медсестра? — спросил он.

— Была. Да.

— Нет, вы всегда медсестра... Не могли бы вы помочь? Видите там Вонни, она занимается с детишками во время похорон. Убежден, ей нужна ваша помощь.

— Не уверена, что смогу ей помочь теперь... — начала Фиона.

— Лучше всего помогать другим, — сказал Йоргис. Он крикнул что-то на греческом, Вонни ответила, и Фиона воспрянула духом.

— Знаете, если бы мы могли здесь жить и воспитывать ребенка, то выучили бы греческий и стали бы частью этой жизни, как Вонни. — Она говорила почти себе самой, но у Йоргиса от ее слов в горле застрял комок.

Томас не находил себе места, ему хотелось, чтобы похороны начались и закончились как можно скорее. Над маленьким городком воздух, казалось, был переполнен тяжелым ожиданием. Он не мог успокоиться, пока жертвы не будут преданы земле, пока жадные до новостей журналисты не уедут. Тогда жизнь вернется в прежнее русло.

Но нет, как прежде уже не будет никогда. Не будет так для семьи Маноса и других погибших. Некоторые из туристов будут похоронены здесь, других в гробах увезут обратно в Англию и Германию.

Но лучше для всех, чтобы этот день закончился как можно скорее.

Он обещал забрать Эльзу из ее гостиницы и проводить до маленькой церкви. Он надеялся, что она не столкнется со своим мужчиной, которого избегала и, похоже, боялась. Когда она говорила о нем, лицо ее искажалось от боли.

Будет много народу. Кто бы он ни был, возможно, он не заметит Эльзу.

— Меня зовут Фиона, — представилась она загорелой женщине с морщинистым лицом.

— Ирландка? — спросила женщина.

— Да, а вы? Мне сказали, что вы тоже из Ирландии.

— Я с запада, — ответила Вонни, — но очень, очень давно.

— А что вы делаете с детьми?

— Их семьи в доме Маноса. — Вонни говорила по-английски с ирландским акцентом, но как иностранка, словно это был ее второй язык. — Собирались пойти на холмы за городом и собрать цветов. Поможете нам?

— Да, конечно, но от меня мало проку, что я им скажу?

— Они как раз учатся английскому. Говорите все время «very good» и «thank you». Надеюсь, они это уже усвоили. — Сморщенное лицо Вонни расплылось в огромной улыбке, озарившей все вокруг.

— Конечно, — оживилась Фиона, протянув руки двум пятилетним ребятишкам. Они парами направились по пыльной дороге из города за цветами для церкви.

Томас смотрел, как священники шествовали попарно. Высокие мужчины в длинных одеждах с седыми волосами, завязанными в тугие пучки под головными уборами, бледные и торжественные лица. Томас подумал, что заставило молодых людей на этом греческом солнечном острове посвятить себя религии. Но в солнечной Калифорнии он знал людей, даже на его факультете, которые состояли в религиозных союзах... Молодого священника, преподававшего музыку, поэзию, священника, который также читал литературу елизаветинского периода. Этим людей укрепляла их вера. То же самое, наверное, происходило с греческими ортодоксальными служителями.

Томас решил, что пора в церковь. Он направился в номер Эльзы, как обещал, и удивился, услышав доносившиеся оттуда голоса. Возможно, она все же встретилась со своим парнем.

Он расстроился, но повеселел, когда понял, что, конечно же, этот человек не мог быть с Эльзой, он должен быть на съемках похорон.

Он постучал и снова удивился, когда дверь открыл Дэвид.

— Это лишь Томас, — крикнул ей Дэвид. Не очень-то ласковое приветствие.

— Я обещал Эльзе, что отведу ее в церковь, — обиженно произнес Томас.

— Господи, извините, Томас. У меня сегодня все невпопад, даже под страхом смерти не смогу сказать хоть что-нибудь путное. Мы просто подумали... мы боялись, что...

Эльза вышла к ним. На ней было стильное, красивое льняное платье и синий пиджак. Для церемонии она оделась официально.

В кармане Томаса лежал галстук на случай, если тот потребуется. Теперь он понял, что придется его надеть.

— Томас, я попросила Дэвида открыть дверь, потому что боюсь. Все еще думаю, что Дитер объявится. Простите.

— За что простить? — Томас стал надевать галстук у маленького зеркала в прихожей.

— Надо и мне сходить за галстуком, — забеспокоился Дэвид.

— Нет, вы отлично выглядите, Дэвид, — сказал Томас, и они вышли все вместе, присоединившись к толпе в маленькой церкви. Вдоль дороги из гавани люди стояли с обеих сторон с опущенными головами, голоса стихли.

— Интересно, где Фиона? — прошептал Дэвид.

— В полиции, кормит возлюбленного узника печеньем через решетку, — связвил Томас.

— Она его действительно любит, — произнесла Эльза, словно оправдывая ее.

— Видели бы вы, как он с ней обращается, — сказал Томас.

— Если она в полицейском участке, значит, она там одна, вся полиция здесь, — заметил Дэвид.

По толпе прошел шум, и все замерли при появлении похоронной процессии. За гробами шли мужчины и женщины. Их заплаканные лица и черные одежды, казалось, были совсем неуместны среди яркого солнечного дня, голубого неба и белых домов.

За ними шли английские и немецкие семьи, приехавшие срочно в эту греческую деревню похоронить своих близких. Они недоуменно и смущенно озирались по сторонам, словно участвовали в пьесе, не зная своих ролей.

В Агия-Анне закрылись все магазины, таверны и учреждения. Рыбацкие лодки стояли на причале, флаги на всех были приспущены. В долине в монастыре звонили колокола, телекамеры полудюжины стран снимали процессию. В маленькой церкви места было лишь для десятой части собравшихся. Служба транслировалась на площадь через трескучий динамик. И вдруг среди греческой молитвы и музыки послышался детский хор, певший «Господь, мой пастырь...». Англичане в церкви не могли сдержать слез, прослезился и Томас.

Затем послышалось песнопение на немецком «Tanntn-baum», и Эльза разрыдалась в открытую.

— Их научила моя подруга Вонни, — прошептал Томас.

— Скажите ей, что она сделала хорошее дело, заставив нас расплакаться, — ответил Дэвид.

Когда процессия вышла из церкви и направилась в сторону кладбища, Эльза увидела Фиону. Та была с Вонни и детьми, у каждого в руках был букет цветов. Фиона крепко держала за руки двух маленьких мальчиков.

Новый день, новое открытие, подумала Эльза.

Йоргис сделал заявление. Семьи желали быть на кладбище одни. Они благодарили людей за то, что пришли в церковь выразить свое сочувствие, но теперь им хотелось бы остаться наедине со своими

близкими. Они просили владельцев открыть рестораны и кафе, чтобы жизнь продолжалась как обычно.

Неохотно телекомпании согласились. В такой ситуации спорить и настаивать было неуместно. Дети прошли в сопровождении Вонни и Фионы на кладбище. Среди старых камней и разрушенной ограды зияли новые могилы.

— День необычный, и мы никогда никого не теряли, — сказал Томас.

— Не хочу оставаться одна теперь, — взмолилась Эльза.

— Могу угостить вас в гавани стаканом рестины и тарелкой кальмаров с оливками. Смотрите, они выставляют стулья, — указал Томас.

— Думаю, Эльзе будет лучше держаться подальше от посторонних глаз, — заметил Дэвид.

— Точно, я забыл. Послушайте, у меня в комнате есть отличная холодная рестина. Там, над сувенирным магазином. — Им не хотелось расставаться, поэтому идея всем очень понравилась.

— Можно ли сообщить Фионе, где мы? — поинтересовалась Эльза.

— Это значит привлечь, как говорит Томас, «любовника», — сказал неуверенно Дэвид.

— Нет, я думаю, что он еще под замком, — заметил Томас. — Тогда план годится?

— Очень годится, — улыбнулась Эльза. — Только схожу домой за шарфом от вечернего бриза, потом возьму немного маслин у Янни по пути к вам. — Казалось, она радовалась тому, что они придумали.

Вскоре Томас прибрался у себя в гостиной и приготовил стаканы. Дэвид ходил по комнате, рассматривая книги.

— Вы привезли все это из Калифорнии? — спросил он удивленно.

— Нет. Большая часть принадлежит Вонни. Я действительно хочу, чтобы она здесь спала.

— Что?

— Она спит там, в конце сада в сарае вместе с курами, и бог знает что там еще.

— Не верю. — Дэвид с удивлением посмотрел на неказистое сооружение. Он непринужденно болтал, раскладывая бумажные салфетки и маленькие тарелки.

Наконец Дэвид выразил то, о чем они оба думали:

— Эльза задерживается со своими маслинами, не так ли?

Наступила долгая пауза.

— Думаю, она с ним встретилась, — предположил Томас.

— И ушла с ним, — заключил Дэвид.

Эльза увидела Дитера, как только вышла из деликатесной Янни. Тот разговаривал с Клаусом, старшим оператором, и смотрел на часы. Эльза знала, что они наймут вертолет, если решат, что ждать паром до Афин больше нельзя.

Кадры и комментарии уже в Германии, посланы по электронной почте.

Она вернулась в магазин Янни, но недостаточно быстро. Дитер ее заметил. Она видела, как он побежал к ней.

— Эльза, Эльза! — крикнул он, расталкивая людей на узкой улочке. Лицо его горело, глаза сверкали. Она забыла, как он красив, словно Роберт Редфорд в начале карьеры.

Бежать было некуда, он был уже рядом.

— Дитер? — неуверенно произнесла она.

— Эльза, дорогая, что ты здесь делаешь, почему ты убежала?

Он стоял, положив руки ей на плечи, любуясь ею, пожирая глазами.

Любая попытка сбежать была невозможна. Но Клаус, очевидно, все знал, так же как знала половина их студии.

Она молчала, просто глядела в его ослепительно-голубые глаза.

— Клаус слышал, что ты здесь, кто-то из другой компании видел тебя вчера, но я им не поверил. О, моя любимая, прекрасная Эльза, как замечательно, что я нашел тебя.

Она покачала головой:

— Ты не нашел меня, просто встретил случайно. А теперь мне надо идти.

Она заметила, что Клаус осторожно удалился, не хотел быть свидетелем ссоры любовников.

— Эльза, не чуди! Бросаешь работу, меня без каких-либо объяснений... думаешь, нам не о чем поговорить?

Лицо его искажилось от напряжения, никогда она не видела его таким взволнованным. Он позвал оператора:

— Клаус, остаюсь здесь на ночь, ты иди с остальными, а я завтра позвоню.

— Не оставайся ради меня, Дитер, умоляю. Если ты будешь принуждать меня или угрожать, клянусь, я позову полицию. Вчера арестовали одного человека за то, что он угрожал женщине. В камере найдется место и для второго.

— Угрожать тебе, Эльза? — Он был потрясен. — Смею ли я! Я же тебя люблю, Эльза, неужели я хочу слишком многого: знать, почему ты оставила меня? Без объяснений?

— Я тебе написала.

— Двенадцать строчек, — заметил он, доставая записку из кармана. — Я с ней не расстаюсь, выучил наизусть, не перестаю надеяться, что однажды смогу понять ее смысл. — Он выглядел таким расстроенным, что она почти смягчилась.

— Там все сказано, — ответила она.

— Ничего не сказано, Эльза. Клянусь, я уйду, оставлю тебя в покое, если ты объяснишь. Просто скажи, почему ты вот так выбросила два года. Ты знаешь... я нет. Мы всегда были справедливы друг с другом. Будь справедлива и теперь.

Эльза молчала. Возможно, она ничем не была ему обязана, кроме этих двенадцати строчек.

— Где ты остановилась? Давай пойдем к тебе, — быстро предложил он, заметив ее неуверенность.

— Не ко мне, нет... Где ты остановился? В Анна-Бич?

Это было почти комфортное туристическое место. Она не сомневалась, что он остановился именно там.

— Да, верно, — согласился он.

— Ладно, пойдем к тебе, можем поговорить в кафе, там, где нечто вроде веранды с видом на море.

Ей показалось, что он облегченно вздохнул.

— Благодарю, — обрадовался он.

— Прежде всего, мне надо оставить сообщение.

Он протянул ей свой мобильник.

— Нет, я не знаю номера. — Она вернулась к прилавку, передала Янни маслины и о чем-то с ним договорилась. Младший брат Янни отнесет пакет с маслинами и записку в квартиру над магазином Вонни. На листке бумаги она что-то написала.

— Ты этому парню не черкнула даже двенадцати строк. Полагаю, я должен быть польщен, — сказал Дитер.

Она ему улыбнулась:

— Нет, это не мужчина, это двое мужчин, но ты знаешь, что я имею в виду.

— Я люблю тебя, Эльза.

— Фиона, ты сегодня так помогла нам. Родители просили поблагодарить тебя от всей души.

— Пустяки. Я люблю детей. — Голос ее был печален.

— У тебя будут свои когда-нибудь.

— Не знаю, Вонни, совсем не знаю. У вас были дети?

— Один, — ответила Вонни. — Сын.

Тонем она показала, что тема закрыта. Однако видно было, что ей хотелось поговорить, но не о сыне.

— Это действительно правда, ты умеешь ладить с детьми, и не важно, что ты не говоришь на их языке, — хвалила ее Вонни.

— Вонни, я, кажется, беременна. — Фиона покраснела. — Вообще, я уверена, что беременна...

— А тот парень, который уехал в Афины, он знает?

— Я выбрала не очень удачный момент, сами видите.

— Тебе нельзя быть совсем одной теперь, — сказала Вонни. — Я бы пригласила тебя к себе, но живу в курятнике, как говорит Томас.

— Я буду у Эльзы, — ответила Фиона.

Вонни промолчала.

Люди в доме Дэвида сказали, что он еще не вернулся.

Вонни проводила ее в свой магазин.

— Обожду здесь, пока ты не найдешь кого-нибудь, — промолвила она и осталась на улице, пока Фиона поднималась по лестнице в квартиру.

Вонни видела, как Томас открыл дверь и пригласил девушку войти, и вернулась в гавань. Она собиралась помочь на кухне в доме Маноса, где было много еды, но никого, чтобы обслужить гостей и вымыть посуду. Вонни будет у них сколько потребуется.

— Они выслали его в Афины, и я не успела с ним увидеться, — плакала Фиона.

— Может быть, это к лучшему, — начал успокаивать Дэвид, но, увидев лицо Фионы, добавил: — Хочу сказать, что у вас обоих будет время остыть, а потом он вернется или еще что-то. — Он неловко замолчал.

— Или напишет, — неуверенно вставил Томас.

— Где Эльза? — вдруг спросила Фиона. Эльза могла сказать что-то ободряющее, в отличие от этих доброжелательных мужчин.

Все замолчали.

Затем Томас сообщил:

— Она собиралась сюда, но кого-то повстречала...

— Немца, — завершил Дэвид.

— И она ушла с ним? — В голосе Фионы сквозила неприкрытая зависть.

— Возможно, — одновременно произнесли Томас и Дэвид.

Глава седьмая

Из Анна-Бич большинство журналистов собирались выезжать. Работа сделана, еще одна катастрофа записана, и теперь они на пути к другой. Они завершат историю, когда следователи дадут окончательное заключение и представят официальный рапорт.

Дитер и Эльза направились к большим плетеным креслам у низких столиков в оранжерее. Внизу, под ними, плескалось о камни спокойное море. Было невозможно поверить, что именно это море унесло жизнь стольких людей совсем недавно.

Дитер заказал два кофе.

— Извини. — Эльза снова позвала официанта. — Кофе только ему, я не буду, он заказал по ошибке... Я бы выпила узо^[4] с водой, пожалуйста.

— Прошу тебя, не упрямясь, — взмолился Дитер.

— Упрямитесь? Я просто выбрала то, что хочу, — удивилась она.

— Нет, ты знаешь, не обостряй, — настаивал он.

— Ох, я теперь не такая. Ну что же, Дитер, ты хотел поговорить, я тебя слушаю. Начинай.

— Нет, я хотел, чтобы говорила ты, чтобы сказала, почему исчезла, убежала на край земли... спряталась вот так.

— Я не прячусь, — возмутилась Эльза. — Я уволилась с работы официально, я здесь под своим именем, так в чем же секретность? И почему ты называешь это краем земли? Посмотри на стойку... средства массовой информации половины мира здесь... сплошные события, сказала бы я.

— Ненавижу, когда ты издеваешься, Эльза. Это поза, и она тебе не идет.

Пришел официант. Эльза налила воды в анисовый напиток, посмотрела, как он мутнеет, и выпила залпом.

— Как быстро! — Потрясенный, он стал медленно пить свой кофе.

— Почему бы тебе не закончить, тогда бы мы пошли к тебе.

— Что? — Он с изумлением смотрел на нее.

— К тебе в номер, — повторила она ему, как глухому.

Он недоуменно смотрел на нее.

— Дитер, разве ты не за этим приехал? Ты сказал, поговорим, но имел в виду совсем другое, верно? Перепихнемся.

Он глядел на нее, открыв рот.

— Ну... я... ох... ладно, Эльза... не стоит упрощать. У нас же было не только это.

— Извини, я думала, что мы делали именно это, когда ты приходил ко мне по ночам и среди дня, как только была возможность.

— Эльза, я люблю тебя, ты любишь меня. Зачем эти обидные слова?

— Значит, ты не хочешь со мной в постель? — Она посмотрела на него наивными глазами.

— Ты знаешь, что хочу.

— Тогда допивай кофе и бери ключ.

— Спасибо, Вонни, никто, кроме тебя, не догадался прийти и помочь вымыть посуду в такую ночь. — Мария, вдова Маноса, стояла на пороге кухни, любуясь чистыми тарелками и сверкающими стаканами.

— Как ты справляешься со всем этим? Родственники помогли?

— Большинство — да, но некоторые говорят, что муж был безответственный и тут не сможешь.

— Всегда есть люди, которые говорят не то, что надо, — успокоила ее Вонни.

— Говоришь так, будто опыт имеешь.

— Могла бы написать книгу об этом. Кто тебя больше расстроил?

— Думаю, сестра. Сказала, что мне надо найти нового мужа и как можно скорее, пока не состарилась. Манос еще не остыл в могиле, а она мне такое предлагает.

— Это сестра, которая замужем за скрягой с другого края острова?

— Да.

— Ну, так она не большой специалист в любви, не слушай ее. Кто еще?

— Мой тесть, говорит, что не смогу вырастить его внуков здесь, что нам лучше перебраться в Афины жить с ним. Не хочу, Вонни, в самом деле не хочу. Не могу уехать.

— Конечно, не сможешь. Скажи, что подумаешь в течение года, скажи, что не следует принимать решений в течение двенадцати месяцев после похорон, скажи, что это старая традиция.

— Да? — удивилась Мария.

— Ирландская традиция, но ему не надо знать, чья это традиция, просто скажи, что всем известно.

— Он начнет планировать, если узнает, что я могла бы.

— Нет, будь решительна — никаких планов в течение года с этого момента. Через год скажешь, что дети не могут оставить школу, или еще что-нибудь.

— Неужели и тебе приходилось с этим иметь дело, с похоронами, когда они говорят все не то? Ты всегда такая спокойная.

— После похорон мамы моя сестра написала, что я была проклятием и наказанием матери, что она никогда спокойно не спала из-за меня.

— О нет, Вонни, это не может быть правдой.

— В молодости я была бешеная, гораздо более безответственная, чем твой Манос. Я очень обиделась, долго думала, что это действительно правда, но потом вспомнила, что иногда радовала свою мать, чего моя занудная, серьезная сестра никогда не делала, и это меня взбодрило.

— А ты поддерживаешь отношения со своей сестрой? Мне бы хотелось выйти в другую комнату и дать сестре пощечину, — сказала Мария.

— Да, я сделала это давно, но жизнь гораздо легче, если ты их не трогаешь. Поверь, я посылаю ей поздравления с днем рождения и с Рождеством каждый год.

— А она отвечает?

— Она посылает мне открытки, когда ходит в оперу в Ирландии, или из классического тура по Испании, только чтобы показать, какая она культурная. Но она одинока, у нее нет настоящих друзей. Я в миллион раз лучше живу здесь, в этом теплом, приветливом месте. Могу позволить себе отослать ей вежливые поздравления. Тебе, Мария, тоже повезло, что не была замужем за этим господином, которого выбрала твоя сестра, радуйся этому каждый день, а они будут здесь со своими монетами через два дня. Тогда не бей ее.

Мария рассмеялась.

— Мне с тобой хорошо... не думала, что буду смеяться снова. — Она положила ладонь на руку старой женщины.

— Да, ты будешь смеяться, — пообещала Вонни. — Плачь сколько сможешь, но и смеяться не забывай. Именно так можно выжить.

Дэвиду не хотелось возвращаться в дом, где он остановился. Семья горевала по погибшему сыну, и Дэвиду казалось, что он мешает. Фионе не хотелось идти пешком в дом Элени, чтобы спать там в одиночестве, зная, что Шейн бросил ее без объяснений, без письма, без самой короткой записки.

— Почему бы вам тут не остаться? — вдруг предложил Томас. — Фиона может спать в дальней комнате, Дэвид на диване. — По их лицам он понял, что они благодарны ему и рады.

Они кивнули в знак согласия:

— Эту ночь не хочется коротать одному.

— Можно остаться в участке? — спросил Андреас брата Йоргиса.

— Как раз хотел предложить.

— Идти вверх по крутой дороге до самого дома сегодня ночью кажется так далеко, сам не знаю почему.

— В такую ночь остаться одному никому не хочется, — согласился Йоргис, похлопав брата по руке. — Я тоже не хочу быть один. Рад, что ты остаешься.

Никто из них не напомнил, почему они одиноки.

Они говорили о людях на похоронах, о своей сестре Кристине и о том, что та не приехала на похороны, потому что должна была заботиться о семье, которая жила далеко. Ни слова не было сказано о сыне Андреаса Адонисе, который жил в Чикаго и не знался ни с земляками, ни с отцом, об Адонисе, который бегал в школу вместе с Маносом.

Не упомянули они и о жене Йоргиса, которая бросила его много лет назад. Жена сказала, что просто была гостеприимна с туристом. Йоргис смотрел на это как на более чем гостеприимство. Были сказаны слова, которые невозможно было взять обратно. Она давно вернулась к своей семье на Крите.

Йоргис ходил в каптерку и принес бутылку бренди «Метакса», чистые простыни и подушки.

— Ты хочешь пустить меня в камеру? — спросил Андреас.

— Нет, брат, мы с тобой в детстве всегда делили одну комнату, не рассыплемся, если вспомним, как это было. Два одиноких старика в скорбную ночь.

Вонни приготовила кофе и пахлаву для семьи Марии и Маноса и собралась тихо уйти, когда Мария вернулась на кухню.

— Вонни, можно тебя попросить об одолжении?

— Что угодно, Мария.

— Останься здесь на ночь, только на одну ночь. Не уверена, что выдержу одиночество.

— Конечно, останусь.

— Ты настоящий друг, кровать слишком большая и пустая для меня.

— Хочу предупредить, что немного храплю, — извинилась Вонни заранее.

— Манос тоже храпел каждую ночь, хотя и отрицал это.

— Дорогой Манос, — с восхищением произнесла Вонни. — Уверена, ему понравится, если я похраплю вместо него одну-две ночи.

В гостинице Анна-Бич были небольшие бунгало с видом на море. Дитер открыл дверь своим ключом и пропустил Эльзу.

Она не стала садиться, а начала разглядывать картины на стенах, большие фотографии побережья вокруг Агия-Анны.

— Круто, — сказала она с восхищением.

— Я ожидал не этого.

— Но мы договорились, что тебе нужно именно это, — улыбнулась она.

— Фальшивая улыбка, Эльза, — начал он.

— Ты научил меня улыбаться перед телекамерами. Зубки, глазки, говорил ты. Зубки, глазки, я хорошо помню.

— Пожалуйста, любовь моя, пожалуйста, не будь такой колючей.

— Нет, в самом деле, и не будем терять время. — Эльза уже сняла свой синий пиджак. Теперь она стянула через голову льняное кремовое платье и аккуратно положила его на спинку стула.

Он все еще колебался.

Она сняла кружевные лифчик и трусики, сложила их на платье и, наконец, шагнула из своих роскошных синих сандалий.

— Ты так красива, не могу допустить и поверить, что никогда тебя не увижу. — Он смотрел на нее с нескрываемым восхищением.

— Дитер, у тебя есть все, что ты хочешь. — Она обвила руками его шею и поцеловала. И вдруг они почувствовали, будто никогда не расставались.

В квартирке над сувенирной лавкой Фиона лежала на кровати в маленькой белой комнате, которую Вонни обставила турецкой тахтой и ярко-голубыми креслами. На небольшом белом комодe стояло зеркало в голубой раме, лежало несколько раковин и керамических предметов. Было прохладно и приветливо.

Фиона сильно устала, и ей было грустно.

День был настоящим кошмаром, а впереди ее поджидали новые волнения. Она не надеялась уснуть. Слишком много случилось, и будущее ее пугало. Как было бы замечательно, если бы Шейн был теперь рядом и они могли пожить у Томаса в этой замечательной квартире. Но, мечтая, Фиона знала, что обманывает себя. Шейн обязательно поссорился бы с Томасом по какому-нибудь пустяку. Он всегда был такой. Неосторожный.

Она тихонько всхлипнула.

Как трагично, что люди не понимают Шейна и видят в нем только плохое. Она лежала под голубым одеялом и плакала, пока не уснула.

В соседней комнате Томас и Дэвид играли в шахматы, через стену до них донесся плач.

— Она рыдает по этому подонку! — изумленно прошептал Дэвид.

— Знаю, это за пределами всякого понимания, — тихо промолвил в ответ Томас.

Они сидели и ждали, а когда всхлипывания утихли, с облегчением улыбнулись друг другу.

— Знаете, на кого мы похожи? — спросил Дэвид. — Мы словно родители малыша, который никак не уснет.

Томас вздохнул:

— Да, всегда ждал момента, когда сын заснет, и не уходил, пока не удостоверюсь, но стоило добраться до двери, как он обязательно позовет. Это были действительно счастливые дни. — При воспоминании о сыне ему стало больно.

Дэвид ломал голову, что бы сказать. Он вечно говорил невпопад.

— Трудно понять женщин, верно? — наконец произнес он.

Томас задумчиво посмотрел на него:

— Определенно, Дэвид, я подумал о том же. Фиона убивается по этому пьяному хаму, который чуть не выбил ей мозги, Эльза уходит с мужчиной, от которого бежала за тысячу миль, моя жена, которая убеждала меня, что любит поэзию, литературу и живопись, живет с безмозглым типом, у которого в каждой комнате по тренажеру. — В словах его слышалась горечь и обида.

Дэвид недоуменно смотрел на него. Не стоило ему говорить этого.

Томас пожал плечами.

— А у вас, должно быть, своя ужасная история про женщин, Дэвид, — предположил он.

— Нет, в этом и проблема. Я говорил Эльзе, что никогда никого не любил, от этого я надменный, холодный и пустой.

Томас улыбнулся:

— Нет, вы отличный парень, и я рад, что мы сегодня вместе. Но в шахматы вы играете не очень. Совсем забыли освободить клетки вокруг короля. Он совсем не агрессивен, бедняга, это шах и мат, Дэвид, вот что это.

И почему-то им стало очень весело, они дружно рассмеялись, стараясь не разбудить Фиону в соседней комнате.

Дитер погладил лицо Эльзы.

— Я с ума сошел, думая, что потерял тебя, — сказал он.

Она молчала.

— Все снова будет хорошо, — продолжил он.

Снова молчание.

— Ты же не можешь любить меня так и притворяться? — заволновался он.

Эльза лежала молча.

— Поговори со мной, скажи, что все это ерунда, что ты вернешься ко мне и все снова будет хорошо...

Она продолжала молчать.

— Пожалуйста, Эльза... пожалуйста!

Она медленно встала с кровати и надела просторный белый халат, висевший на двери спальни. Взяв сигарету из пачки Дитера, она закурила.

— Ты же бросила! — упрекнул он.

Она глубоко затаилась и села в большое бамбуковое кресло, глядя на него.

— Поедем домой, Эльза?

— Нет, конечно нет. Это прощальная встреча, ты это знаешь, и я знаю, так что не будем обманывать друг друга, Дитер.

— Прощальная? — переспросил он.

— Да, прощальная. Ты едешь домой, я продолжаю путешествие... куда-нибудь. Пока не решила куда.

— Глупо, мы предназначены друг для друга, ты это знаешь, я это знаю. Все знают.

— Нет. Все ничего не знают. Несколько человек на работе, да и те ничего не говорят, потому что ты не хочешь, чтобы мы выходили в свет, живем тайно уже два года. Поэтому мало кто знает, что мы предназначены друг для друга.

Он удивленно смотрел на нее.

— Мы же оба пошли на это с открытыми глазами, — сказал он.

— И теперь я выхожу из этого с открытыми глазами, — спокойно произнесла Эльза.

— Ты не та женщина, которой требуется обручальное кольцо. — В его голосе слышалась издевка.

— Конечно нет, я и не требовала, верно? Легла в постель с тобой уже после третьей встречи. Какая тут игра в церемонии.

— Тогда о чем мы говорим? — Он был искренне удивлен.

— Я сказала тебе. Написала перед отъездом.

— Да уж, написала, нацарапала двенадцать строчек, в которых я до сих пор не могу разобрать, что к чему. Жизнь вовсе не головоломка, Эльза, мы оба слишком взрослые для таких игр. Чего ты хочешь? Скажи. Если хочешь заставить меня жениться, ладно. Если надо, отлично, мы сделаем это.

— У меня есть предложение получше, — улыбнулась она.

— Хватит валять дурака. Если я могу тебя вернуть только так, я женюсь. Буду горд жениться на тебе, — добавил он немного погодя.

— Нет, спасибо, Дитер. Я не пойду за тебя.

— Так чего ты хочешь? — в отчаянии крикнул он.

— Хочу избавиться от тебя, забыть. Хочу, чтобы ты не был частью моей жизни.

— Станным способом ты это делаешь. — Он окинул взглядом постель, с которой она только что встала.

Эльза пожала плечами:

— Я сказала, что больше не доверяю тебе, не восхищаюсь тобой, не уважаю. Секс к этому не имеет никакого отношения. Секс — это просто секс, мимолетное удовольствие, восторг. Ты сам мне это говорил, помнишь.

— Помню, но ситуация была совершенно иной. Я говорил не о нас с тобой.

— Но принцип тот же, не так ли? — Теперь она была холодна как лед.

— Но не в моем случае, мы тогда говорили о совершенно бессмысленной пьяной интрижке на кинофестивале с какой-то глупой девчонкой, чье имя я даже не могу вспомнить.

— Бригитта. А она тебя помнит.

— Только для того, чтобы рассказать тебе и позлить.

— Знаю, понимаю.

— Тогда скажи, Эльза, если понимаешь, зачем вся эта сцена? Зачем ты убежала?

— Я обо всем написала.

— Ничего ты не написала. Какой-то вздор про ответственность и о каких-то чертах, которые надо подводить. Клянусь, я ничего не понял. До сих пор в недоумении. — Его красивое лицо исказилось от эмоционального перевозбуждения, волосы всклокочены.

— Бригитта сказала мне о Монике, — заметила Эльза.

— Моника? Моника? Но она была за столетия до нашей с тобой встречи. Мы договорились, что прошлое не существует. Не так ли?

— Так.

— Тогда зачем вспоминать? Клянусь, ни разу не видел ее с тех пор, как встретил тебя. Ни единого раза.

— Знаю.

— Так объясни. Умоляю. Если ты знаешь, что я не встречаюсь с Моникой много лет... в чем же дело?

— Ты и дочь ее не видел и не думал о ней.

— Ах, — выдохнул Дитер. — Бригитта поработала как надо.

Эльза смолчала.

— Этого не должно было случиться. Я сказал Монике, что не готов стать отцом. Она знала об этом с самого начала. Все было ясно. — Он начал нервничать.

— Сколько ей, Дитер? — спокойно спросила Эльза.

Он искренне смутился.

— Монике?

— Герде. Твоей дочери.

— Не знаю, я сказал тебе, не знаю о них ничего.

— Должен знать.

— Лет восемь или девять, полагаю. Но почему ты спросила, Эльза? Это к нам не относится.

— Ты отец ребенка. Это относится к тебе в какой-то мере.

— Нет, не относится. Это старый случай из моего прошлого, и я не виноват. Моника отвечала за контрацепцию. К ребенку я не имею никакого отношения, никогда не собирался заводить детей. Мы оба начали новую жизнь.

— А у Герды жизнь началась с безотцовщины.

— Перестань называть ее по имени, ты ее не знаешь, просто повторяешь слова этой стервы Бригитты.

— Ты должен был мне сказать.

— Нет, это было бы неправильно. Ты бы думала, что я не могу забыть ребенка от другой женщины. Будь справедлива, Эльза, тебе и это не понравилось бы.

— Мне бы это понравилось гораздо больше, чем папочка, бросивший своего ребенка, который ждет его и мечтает о нем.

— Это фантазии, ты же ничего не знаешь о ребенке.

— У меня та же история. Отец бросил нас, и я годами ждала его, надеясь и мечтая. Каждый день рождения, каждое Рождество, каждое лето. Я была уверена, что он напишет, позвонит или придет повидаться со мной.

— У тебя было по-другому. Твой отец жил с вами. У тебя было право думать, что он рядом. В моем случае я не имел к ребенку

Моники никакого отношения. Никогда. Не могло быть никаких надежд.

Эльза долго смотрела на него.

— Что мне сделать, скажи? — наконец спросил он.

— Ничего, Дитер.

— Ты вернешься ко мне, если я как-то налажу связь с ребенком, которого не знаю?

— Нет, я никогда к тебе не вернусь.

— Но все это... — Он снова посмотрел на постель, где они любили друг друга. — Это для тебя что-нибудь значило?

— Знаешь, что значило. Прощание. — Она надела платье и сандалии и, сунув нижнее белье в сумочку, направилась к двери.

— Ты не можешь этого сделать! — закричал он.

— Прощай, Дитер. — Она вышла через аккуратный маленький садик Анна-Бич в сторону ворот. Синий пиджак она перекинула через плечо.

Дитер крикнул ей вслед:

— Не уходи, Эльза, пожалуйста, не уходи. Я так люблю тебя. Не оставляй меня...

Она не остановилась.

Вонни заметила, что в доме Марии совсем нет молока, а утром всем его захочется. Как только дыхание Марии стало ровным, Вонни тихонько выбралась из большой двуспальной кровати и отыскала глиняный кувшин. Она решила сходить в Анна-Бич, где кухня открыта всю ночь.

Возвращаясь с молоком, которое ей охотно дали на кухне, она встретила красивую немку с заплаканным лицом. Вонни спряталась за большую бугенвиллею, чтобы та ее не заметила.

Послышался голос мужчины, который громко звал девушку. Вонни плохо знала немецкий, но поняла его слова, и, на ее взгляд, они были искренними.

Но Эльза даже не оглянулась.

Глава восьмая

Томас отправился за инжиром и свежим хлебом для завтрака. Он приготовил побольше кофе и расставил чашки.

Фиона вышла к столу бледная и усталая, но с благодарной улыбкой. Дэвид свернул легкое покрывало, которое дал ему Томас, взбил подушки и поспешил к столу.

— Он нас балует, Фиона. Как нам повезло найти такого благодетеля!

— О, знаю. — Фиона тоже радовалась. — Чувствую себя гораздо сильнее сегодня, полна планов.

Томас улыбнулся ей.

— Расскажите нам о своих планах, — сказал он.

— Собираюсь в полицию, поговорить с начальником. Я теперь спокойна, и никакой истерики. Попрошу его помочь отыскать Шейна. Он может знать, куда Шейн направился. В Афинах мы были всего сутки по пути сюда, но ему понравилась площадь Синтагма. Возможно, Йоргис знает тамошних полицейских, которые могли бы передать ему весточку. Потом я вернусь к Элени и переоденусь. Не снимала это платье несколько дней. А потом найду Вонни и спрошу ее, надо ли помочь с детишками. — Глаза у нее сияли, и потерянное, испуганное выражение лица исчезло.

Дэвид тоже казался возбужденным.

— Собираюсь еще раз пройтись до таверны Андреаса. Он был таким джентльменом, если это слово уместно.

— Он именно такой и обрадуется вам. Передайте ему привет, ладно?

— Ладно, — пообещал Дэвид.

— Мне сегодня тоже надо кое-что сделать. Позвоню, когда они в Калифорнии проснутся. Позвоню сыну. Но прежде надо отыскать Вонни, она не была дома с прошлой ночи.

— Откуда вы знаете? — удивился Дэвид.

— Потому что обычно она бродит там с фонариком, а ночью ее не было. Но когда я ее найду, потребую, чтобы она спала в своей комнате, мне стыдно и зудно, что она живет в этом курятнике.

— Зудно? — переспросила Фиона.

— Я знаю, это отличное слово. Означает раздражение, зуд, словно муравьи бегают у тебя в штанах.

— Шейну это слово понравилось бы, — радостно подхватила Фиона.

Мужчины промолчали.

Эльза сидела у себя в номере. Зная, что не заснет, она вышла на балкон и глядела на рассвет над Агия-Анной.

Маленький городок просыпался. Затем, словно поняв, что прошедшая ночь, со всеми ее страхами и кошмарами, закончилась, она вернулась в комнату, приняла долгий душ и вымыла голову. Она надела свежее платье из желтенького ситца и села на балконе пить кофе, поглядывая на отчаливающий паром.

Он уедет в восемь утра в Афины. Она была уверена. Дитер знал, что она не уедет с ним, так зачем ждать до одиннадцати? Он не из тех, кто медлит. Клауса и остальных он отослал charterным вертолетом вчера и знал, что теперь ее искать бесполезно. На этом балконе он ее не заметит никогда, но ей будет видно, как он уехал.

В толпе перед пристанью разглядеть его было трудно. Но она знала, что он там. Несмотря ни на что, они друг друга знали очень хорошо.

Наконец она увидела его, с растрепанными волосами, в рубашке с открытым воротом, с его вечной сумкой, с которой он почти никогда не расставался.

Он жадно искал ее в толпе, но не нашел, хотя твердо знал, что она за ним следила. Он поставил на землю сумку и поднял руки.

— Я люблю тебя, Эльза! — крикнул он. — Где бы ты ни была, всегда буду любить тебя.

Некоторые молодые люди рядом одобрительно зааплодировали. Признание в любви всегда прекрасно.

Эльза замерла. Когда маленький паром заскользил по морской глади к Пиреям, гавани Афин, по лицу ее медленно потекли слезы, капая прямо в чашку с кофе и на платье.

— Дэвид, друг мой, добро пожаловать, добро пожаловать. — Андреас был рад его видеть.

Дэвиду захотелось иметь такого отца, чье лицо светилось бы радостью при встрече с ним, а не искажалось бы от отвращения и разочарования в единственном сыне. Они говорили о вчерашних похоронах и о том, что Агия-Анна никогда больше не будет прежней.

— Вы хорошо знали Маноса? — спросил Дэвид.

— Да, мы все тут хорошо знаем друг друга, никаких секретов, все знают все. В детстве Манос приходил сюда поиграть с Адонисом и другими детьми. Они сделали качели на дереве, вон там. Он сюда сбегал от братьев и сестер, их было восемь. Адонис был единственным ребенком, поэтому мы очень радовались, когда сюда кто-то приходил поиграть с ним. Когда жена, которую забрал Господь, варила еду, она выглядывала в окошко и видела, как мальчики играют со старым псом и качаются на качелях, и она была спокойна за него. Интересно, видит ли она нас с неба, Дэвид... Видит ли, как похоронен бедный Манос... Как там живет Адонису в Чикаго, вдали от нас. Что там у нее на сердце? Оно теперь, должно быть, тяжелее камня.

Дэвиду хотелось быть таким же проникательным, как Томас. Тот сказал бы сейчас что-то умное и утешительное, он бы даже привел пару цитат из стихов, точно к месту.

Ничего подходящего в голову Дэвида не пришло.

— Знаю только про еврейский рай, да и о нем немного, — виновато сказал он.

— А в еврейском раю люди могут видеть, что происходит на земле, как ты думаешь? — спросил Андреас.

— Да, наверное, могут, но думаю, у них более широкий обзор и взгляд на вещи, они как бы видят всю картину. Я так слышал.

Странно, но это как-то успокоило Андреаса. Он даже кивнул несколько раз.

— Пойдем, Дэвид, пообедаем вместе, сегодня посетителей будет мало.

Дэвид взглянул на открытые контейнеры с блюдами, и в горле у него застрял ком. Приготовить все это и никого не дожидаться.

— Никогда не пробовал такое блюдо из макарон.

— Дэвид, если не возражаешь, могу положить тебе это. Приготовил сегодня утром. Позволь предложить мусаку или кальмары? Не большая заслуга предлагать тебе то, что сделано на сегодня. — Андреас засмеялся над собой, смущенный.

— Предпочитаю мусаку. Я обратил внимание на макароны, потому что это большое блюдо. Не хотел, чтобы ваша работа пропала зря.

— Какой ты человек. Сиди здесь на солнышке, а я принесу стаканы и тарелки...

И Дэвид сидел, размышляя, что этот глупый молодой человек делает в Чикаго, когда мог бы быть здесь.

Элени приветствовала возвращение Фионы. Было странно видеть, что все вещи Шейна исчезли, его мятые рубашки и джинсы, его полотняная сумка, жестяная коробка с табаком или с чем-то еще, с бумагой для скручивания сигарет. Она отчаянно надеялась, что он оставил ей записку у хозяйки. Но ее не было.

Вдруг у нее закружилась голова. Возможно, духота подействовала или мысль о том, что Шейн действительно ушел из ее жизни.

Чего ему стоило написать записку и оставить здесь, если не хотел делать этого в полиции. Голова закружилась, ей показалось, что она теряет сознание, но она овладела собой и встала перед доброй Элени, лицо которой выражало сочувствие и сострадание.

Вдруг по ногам потекло что-то горячее.

Должно быть, пот.

День такой жаркий.

Но, глянув на сандалии, она сразу догадалась, что это.

Элени тоже сразу все поняла, когда увидела кровь.

Гречанка помогла ей сесть на стул.

— Эла, эла, эла, — запричитала она и побежала за полотенцами.

— Элени, найдите Вонни, пожалуйста, вы знаете? — Она руками показала морщины на лице, изображая Вонни.

— Ксеро Вонни, да, знаю Вонни, — кивнула Элени и крикнула вниз детям.

Фиона закрыла глаза.

Скоро придет Вонни и сделает все, что нужно.

Вонни сидела напротив Томаса в квартире над сувенирной лавкой.

— Говорила раньше, скажу и теперь: вы платите мне огромные деньги, поэтому место ваше. Благодаря вам я богатая женщина. Не принимаю вашего сочувствия и не буду спать в доме.

— Неужели вы не принимаете дружбу, Вонни? — спросил он.

— Думаю, что принимаю, но мы все такие.

— Тогда живите здесь. Прошу вас не как домовладелицу, но как друга спать в этой маленькой комнате, которую вы красиво обставили, спите здесь, а не в сарае с курами.

Вонни рассмеялась:

— О, Томас, вы такой весь калифорнийский, такой чистюля. Какие там куры. Пара хохлаток на весь сарай...

— Оставайтесь в этой комнате, Вонни, пожалуйста. Мне скучно одному в доме, одиноко, хочется, чтобы кто-то был рядом.

— Да ладно, Томас, вы любите покой и уединение. Вы чувствительный человек, не надо меня опекать, пожалуйста.

— Вы тоже чувствительная женщина, не отказывайтесь от моего предложения дружбы вот так резко. Пожалуйста.

Как раз в этот момент они услышали крик детей, которым очень срочно что-то было нужно.

— Я должна идти, — сказала она, вставая.

Он протянул руку и схватил ее за запястье.

— Вонни, никуда вы не пойдете, пока не согласитесь на мое предложение. Слышите?

— Слышу, согласна, — откликнулась она, к его удивлению.

— Отлично, тогда ладно, идите.

— Пойдемте со мной. Если хотите, можете помочь. Найдите такси на площади. — К его еще большему удивлению, она схватила несколько полотенец из ванной и побежала вниз что-то сказать погречески ожидавшим мальчикам.

— Что происходит? — спросил он, догоняя ее.

— Что происходит... Фиона теряет ребенка этого подонка, который ее избил, но мы не должны с ней говорить так грубо.

Томас пригнал такси, Вонни посадила двух сыновей Элени на заднее сиденье, поблагодарив тех, что быстро нашли ее. Поездка на такси для ребятшек была редким событием, и они сияли от радости. Томас хотел было спросить, действительно ли нужна его помощь, но догадался, что Вонни не позвала бы его, если бы не была уверена. Поэтому он улыбнулся и сел в машину.

— С вами не заскучаешь.

— Сами вы душка, Томас. — Она невероятно широко улыбнулась.

Они попросили таксиста обождать на случай, если понадобится к врачу. Томас остался внизу и смотрел, как играли дети. Иногда они подбегали к такси, чтобы погладить машину, на которой катались.

Они были не старше его сына, который ездил на автомобилях с самого раннего детства. Как по-разному живут люди.

Вонни поднялась наверх, и он слышал голоса женщин, говоривших по-английски и по-гречески. Из всего он разобрал, что с Фионой все будет хорошо.

Потом Вонни спустилась и успокоила его:

— С ней все нормально, потеряла немного крови, но она медсестра и все отлично понимает, кроме этого идиота. Думает, что его это расстроит. Спаси и сохрани, Господи! Но попрошу врача осмотреть ее, дать какое-нибудь успокоительное.

— Ей здесь оставаться можно?

— Не думаю, они не говорят по-английски... мне кажется... — начала Вонни.

— Что она может пожить у нас, — закончил Томас.

— Нет, вовсе нет. Хотела предложить ей провести пару дней с Эльзой, немкой.

Томас покачал головой:

— Думаю, что Эльзе теперь не до этого. Лучше, если она останется с нами.

— Может статься, что и нет у нее никаких дел, — заметила Вонни.

— Но...

— Слышала, что немецкий друг уплыл на восьмичасовом пароме, — сообщила Вонни.

— Воображаю, как она расстроена, — загрустил Томас.

— Нет, полагаю, она сама этого хотела, но нам не стоит открывать ей, что мы все знаем, — предложила Вонни.

— Надеюсь, вы знаете, где она живет? — улыбнулся Томас.

— Знаю, где этот отель, но вы можете взять такси и поехать разузнать у нее.

— Это лучше сделать мне? — засомневался он.

— Кто может быть лучше. Обожду вас здесь, пока вернетесь.

Через мгновение он оглянулся. Вонни возилась с простынями и полотенцами, собираясь постирать их сразу же. Какая исключительная женщина! Хотелось бы знать о ней больше, но он был уверен, что из нее много не вытянешь, и то лишь когда она сама этого захочет.

— Вонни.

— Ты в порядке?

Фиона протянула руку.

— Хотела извиниться за все хлопоты, что я причинила, — кровь, беспорядок, за все.

— Это не важно, ты же знаешь. Ты же не как все, ты медсестра, знаешь все об уборке, это не важно. Важно то, что ты в порядке, что тебе уже немного лучше.

— Мне все равно, что со мною.

— Потрясающе, — сказала Вонни.

— Что?

— Это потрясающе. Мы с Элени беспокоимся о тебе. Она послала за мной своих сыновей. Томас привез нас всех сюда на такси, помчался к Эльзе просить, можно ли тебе побыть у нее. Мы послали за доктором Леросом, который уже в пути, чтобы осмотреть тебя. Все, кто знает тебя и кто не знает, все тревожатся, а тебе все равно. Великолепно!

— Я не это имела в виду, я хотела сказать, что не думаю, что будет теперь. Все кончено, я все потеряла, вот что я хотела сказать...

Она очень расстроилась.

Вонни поставила стул рядом с ней.

— Очень скоро доктор Лерос будет здесь. Это добрый человек, настоящий потомственный врач. Но ты должна знать, Фиона, что его сердце разбито тем, что случилось у нас, и тем, что ему пришлось констатировать смерть молодых людей, роды которых он принимал когда-то. Он часами вынужден был изъясняться на английском и немецком, утешая родственников погибших, уверяя, что их дорогие люди сильно не страдали, умирая. И ему не понравится выслушивать от вполне здоровой молодой женщины, перенесшей выкидыш на самой ранней стадии беременности, что ей все равно — жить или умереть. Поверь, Фиона, не время говорить ему такое. Да, это печально, конечно, ты расстроена, но подумай о других, как ты делала это всю свою жизнь, работая медсестрой, как ты думаешь об этом

парне, которого якобы любишь. Я всегда буду здесь... можешь рассказывать мне, как тебе хочется умереть, но не говори этого доктору Леросу, не сегодня. Ему досталось не меньше твоего.

Фиона рыдала.

— Это просто потому, что все не любят Шейна. Все считают, что так лучше. Это совсем не лучше, Вонни, вовсе нет. Я была бы счастлива иметь этого ребенка, дочь или сына от него. А теперь все кончено.

Вонни погладила ее.

— Знаю, я знаю, — тихо повторила она.

— Вы же не думаете, что это к лучшему?

— Конечно нет! Потерять того, кто должен стать человеком, — это ужасно. Я так тебе сочувствую. Но если бы ребенок выжил, тебе бы пришлось быть очень сильной. Хочу сказать только, что ты все еще должна быть сильной. И у тебя есть друзья, ты не одинока. Эльза скоро будет здесь.

— О нет, зачем я ей, у нее своя жизнь, свой собственный друг. Она думает, что, любя Шейна несмотря ни на что, я проявляю слабость.

— Поверь мне, она скоро будет здесь, — заверила Вонни. — И я уже слышу, что едет доктор Лерос.

— Я помню, что вы сказали.

— Хорошая девочка, — одобрительно кивнула Вонни.

У детей Элени такого дня не было никогда.

Поездка на такси, люди входят и выходят, простыни и полотенца, развешанные на веревке на солнце... Высокий американец в смешных штанах принес им огромный арбуз, когда приехал во второй раз.

— Карпуци! — сказал он гордо, словно довольный тем, что знал, как называется обычный и привычный арбуз. Они ушли за дом и съели его целиком, а потом закопали семена в землю.

Американец, поджидавший у такси, пока не спустились женщины, с удовольствием наблюдал за ними. Потом появилась больная женщина вместе с Вонни, мамой и красивой женщиной в кремовом платье, которая была похожа на кинозвезду. Доктор Лерос был с ними и все время повторял, что больная в порядке, но ей нужен покой.

Сумку больной женщины упаковали, чтобы она могла уехать совсем.

Она говорила про деньги, а мама качала головой. Потом мужчина в смешных штанах, который, наверное, был миллионером, потому что разъезжал на такси весь день, заставил маму взять деньги, и все они уехали.

Вонни с мамой сели пить кофе на кухне с такими лицами, что мальчики решили им не мешать и удалились.

— Поживу пару дней, пока не приду в себя, — обещала Фиона, увидев красивую комнату Эльзы.

— Буду рада пожить с тобой, — уверила ее Эльза, вынимая вещи Фионы из войлочной сумки, встряхивая их и развешивая. — Здесь есть уют, приберемся потом.

Фиона посмотрела на кремовое льняное платье и синий пиджак Эльзы, которые сушились на балконе.

— Какая ты аккуратная, Эльза. Это ты надевала на похороны вчера, и, смотри, уже все постирано.

— Никогда не надену этого снова, хотела отдать кому-нибудь, поэтому и выстирала, — спокойно сказала она.

— Но, Эльза, это же твой самый красивый наряд... стоит, должно быть, целое состояние! Ты просто не можешь это отдать! — Фиона была потрясена.

— Примеришь потом и, если подойдет и будет впору, можешь забрать. Я не буду его носить никогда.

Фиона легла на подушку и закрыла глаза. Слишком много всего, чтобы воспринять сразу.

— Хочу посидеть и почитать. На улице слишком жарко, поэтому побуду с тобой в комнате. Постарайся уснуть, если сможешь. Но если надо поговорить, то я здесь.

— Особенно и говорить-то не о чем, если честно, — тихо сказала Фиона.

— Потом захочется, — тепло улыбнулась Эльза и занавесила окно от яркого света.

— А ты сможешь читать в темноте? — спросила Фиона.

— Конечно, здесь чудесный лучик света.

Эльза уселась в кресле возле окна.

— Ты с ним виделась, Эльза?

— Да, виделась.

— И ты рада этому?

— Ну, это была прощальная встреча, в самом деле. Необходимо было объясниться, нелегко, конечно, но теперь все кончено. Как это ты сказала, и внутренне и внешне?

— Чертовски легко сказать, но трудно сделать, — произнесла Фиона сонным голосом. Успокоительное начало действовать. Вскоре она заснула, ровно дыша. Эльза посмотрела на спящую девушку. Ей было не больше двадцати трех или двадцати четырех лет, а выглядела еще моложе. Не спасение ли Божье это все? Но Эльза вспомнила нашептаный совет Вонни ни за что не говорить, что все это к лучшему.

Томас продумал, когда лучше всего позвонить сыну Биллу. Надо, чтобы мальчик в это время завтракал. Он набрал номер, размышляя, какие у него шансы попасть прямо на сына. Один к трем, наверное. А может быть, вовсе никаких шансов, потому что нельзя надеяться, что ребенок сам возьмет трубку, когда рядом двое взрослых.

Как и ожидалось, это был Энди.

— А, Томас, привет, хорошо, что ты позвонил в прошлый раз. Это, наверное, была ужасная картина.

— Да, большая трагедия. — Томас почувствовал, что его голос стал сдавленным и резким. Возникла пауза.

— Но в остальном все в порядке? — спросил Энди.

Парень был невыносимым — назвать катастрофу, истерзавшую душу небольшого города, «ужасной картиной».

— Более-менее, — едко произнес Томас. — Билл дома?

— Помогает маме мыть посуду, — доложил Энди, словно это было все.

— Конечно, но не мог бы ты сказать, чтобы он вытер руки и поговорил с отцом, который звонит с другого конца света?

— Посмотрю, не закончил ли он. — Энди был такой деликатный во всем. — Возможно, его мама рискнет и отпустит его, даже если он не закончил.

Томас почувствовал, что от злости у него сжимаются кулаки. Он знал, что Вонни со стороны следит за ним с кухни. Но настроение его не изменилось.

— Привет, папа. — У Билла голос всегда был таким, будто он рад его слышать.

— Как дела, сынок? Хорошо?

— Да, отлично, а ты на острове Додеканезекан, папа?

— Нет, но если ты посмотришь на свою большую карту, то я скажу, где это...

— Нет, карты рядом нет, папа, книги отнесли наверх, в кладовку, — объяснил Билл.

— Но, конечно, не атлас, не словарь? Тебе нужны эти книги, когда смотришь телевизор, Билл, ты не можешь позволить ему убрать их из твоей жизни ради еще одного тренажера или чего-то такого. — В голосе его звучала откровенная боль.

На другом конце провода воцарилось молчание, пока ребенок думал, что сказать.

— Дай мне маму, Билл, позови Ширли к телефону.

— Нет, папа, вы только поссоритесь, так всегда бывает. Пожалуйста, папочка, не важно, где атлас, я могу сбегать и принести, если ты обождешь.

— Да, ты прав, действительно не важно, где атлас. Пошлю тебе имейл, чтобы ты сам увидел. Но это лишь если компьютер тоже не убрали туда, где его не достать.

— Нет, папа, конечно не убрали, — с упреком подтвердил мальчик.

— Так что ты собираешься сделать сегодня, у вас еще утро, верно?

— Да, сперва мы собираемся в торговый центр, мне купят новые кроссовки, а потом Энди возьмет меня побегать, чтобы испытать их.

— Звучит здорово. — Погребальный голос Томаса полетел на тысячи миль, разделявшие их. — Сынок, я скучаю по тебе, — наконец-то произнес он, потому что Билл молчал.

— Да, папа, я тоже по тебе скучаю, но это ты уехал от меня.

— Кто тебе это сказал? Мама? Энди? Послушай, Билл, мы об этом много говорили, что мне лучше уехать, чтобы вы все вместе пожили одной семьей...

— Нет, папа, она этого не говорила, — перебил его Билл. — И Энди тоже, я просто сказал, что скучаю по тебе и что я здесь, а ты ушел.

— Прости, Билл, мы тут все очень расстроены. Погибло столько людей. Пожалуйста, прости меня. Я скоро позвоню еще. — Он повесил трубку с таким ужасным чувством, какого не испытывал многие годы.

Вонни принесла ему бренди.

— Вы из всего этого заварили такую кашу, — сказала она.

— Вы не понимаете, что значит иметь сына. — Он едва сдерживал слезы.

— Почему, черт побери, вы думаете, что у меня нет сына? — спросила она, сверкнув на него глазами.

— У вас есть сын? — опешил Томас.

— Да, так что не вы один такой папаша.

— А где он? Почему не с вами?

— Потому что, как и вы, я все испортила.

Он знал, что она больше ничего не скажет. И хотя она его критиковала, присутствие ее было приятно. Гораздо лучше, чем четыре стены, слезы и возмущение тем, что сделали с его любимым Биллом.

Йоргис подъехал к таверне. Кто-то дал ему большую баранью ногу. Он подумал, что Андреас приготовит ее для клиентов. Андреас сообщил, что сегодня никто, кроме Дэвида, в таверну не пришел. Но потом у Андреаса возникла идея. Почему бы им не приготовить обед в полицейском участке и не накормить молодых ребят, которые так много работали на похоронах?

Они пригласят Дэвида и его друзей, и Вонни тоже. Андреас сложил все салаты в большой контейнер, радуясь мысли, что можно накормить людей вместо того, чтобы сидеть в пустой таверне.

— В полиции не очень удобно, — засомневался Йоргис. — Не очень-то комфортно.

— Тогда возьми эти длинные красные подушки, положи их на скамьи. — Андреас уцепился за идею. — Дэвид, сбегай в комнату Адониса и принеси их, пожалуйста.

Дэвид удивленно посмотрел на него. Адонис жил много лет в Чикаго, а у него по-прежнему была своя комната в этом доме.

— Наверху, слева от лестницы, — подсказал Йоргис, и Дэвид поспешил по узким ступенькам.

В комнате висели фотографии Панатинаикоса и афинской футбольной команды, а также образы Панайи и Девы Марии. У

Адониса были разнообразные интересы. И о нем здесь скучали.

Постель его была убрана так, словно он должен вернуться на ночь, с ярким красным покрывалом, отогнутым с одной стороны. На оконных сиденьях лежали длинные красные подушки.

Дэвид выглянул в окно. Полуденное солнце освещало оливковые рощи на холмах, тянувшихся до синего моря в гавани Агия-Анны. Чего это парень искал в Чикаго, в штате Иллинойс, где нет и десятой доли этой красоты? Он схватил подушки и спустился помочь Йоргису загрузить фургон.

— Это всех нас развеселит, брат Йоргис. — Андреас радостно улыбнулся.

Дэвид с восхищением посмотрел на него, мечтая, как было бы хорошо иметь отца, который умеет радоваться простым вещам.

Прежде всего они заехали к Томасу и оставили там Дэвида. Томасу идея застолья очень понравилась. Обещал купить вина. Вонни сказала, что проверит ситуацию с Эльзой и Фионой. Вкратце она рассказала Дэвиду, что случилось и почему Фиона может не присоединиться к ним.

— Это ужасно, — помрачнел Дэвид. — Но если подумать, то, может быть, это к...

— Знаешь выражение «не лезь куда не надо», Дэвид? Это тот самый случай, для которого придумана эта фраза. Ты можешь так думать, но Фиона, совершенно точно, так не думает. Надеюсь, ты понял мое предупреждение.

— Очень мудро, — согласился Дэвид. — Я всегда говорю лишнее. Но как насчет Эльзы? Я полагал, что она уехала со своим парнем в Германию.

— Знаю, что похожа на Сфинкса, — отрезала Вонни. — Но если очень честно, я бы и на эту тему помолчала!

Молодые полицейские обрадовались вкусному аромату жареного мяса с чесноком и душицей. Время было напряженное, и они сильно устали. Отдохнуть вместе с начальником, его братом, Вонни и туристами было здорово. Одна из девчонок была словно королева красоты, другая бледная как полотно, точно больная.

Двое мужчин очень разные. Один высокий и долговязый, в странных мешковатых штанах до колен с карманами, другой

маленький и серьезный, в очках.

Все туристы пытались сказать несколько слов на греческом. Они знали, что вино будет красси, поэтому молодые полицейские научили их говорить «аспро» и «коккино», что означало «белое» и «красное», а еще как правильно произносить «ясса».

В ответ их научили говорить «на здоровье» по-английски, по-немецки, по-еврейски и по-ирландски.

Андреас был горд собой, а лунный свет рисовал на морской глади узоры, когда облака плыли по небу.

— Кажется, что в Калатриаде мы были так давно, — заметила Фиона.

— Когда ночью шел проливной дождь, колотя по крыше и стенам дома. Это было всего две ночи тому назад, — подхватила Эльза. — А так много случилось с тех пор! — Она взяла Фиону за руку в знак солидарности.

У девушки навернулись слезы, а Дэвид бросил взгляд на Вонни. Как мудро она поступила, предупредив его.

Внизу возле гавани они увидели группу молодых людей, собравшихся у небольшого дома Марии и Маноса. Потом к ним присоединились другие, из ресторанов поблизости.

— Что происходит? — спросил Томас, встревожившись, не случилось ли чего.

Йоргис зорко за ними следил.

— Не видно... Кто-нибудь из вас, ребята, сбегайте разузнайте, ладно? — И он указал на одного из полицейских. Маловероятно, но возможно, кто-то собирался обвинить Маноса в трагедии. Надо было быть готовым ко всему.

Вонни тихо сказала:

— Все в норме. Кто-то из молодых предложил станцевать в память о Маносе и его друзьях возле его дома, в память о том, как тот любил танцевать сиртаки и другие танцы.

— После похорон у нас танцевать не принято, — возразил Йоргис.

— Это необычные похороны, — тихо произнесла Вонни.

Они увидели, как двенадцать мужчин в черных брюках и белых рубашках встали в ряд, положив руки друг другу на плечи. Послышались несколько аккордов бузуки, и танец начался. Склоняясь,

покачиваясь, подпрыгивая, они двинулись в танце, так же, как это делал Манос с друзьями всего несколько дней тому назад.

Мария с детьми сидела на стульях у своего маленького дома. Когда эти дни станут далеким воспоминанием, возможно, дети будут помнить эту ночь в Агия-Анне и тоже станцуют в память об отце. Толпа все росла, и было видно, что даже люди, наблюдавшие танец издалека, вытирали слезы.

Затем все стали хлопать в такт музыке и танцу, безучастных не осталось.

С веранды полицейского участка тоже глядели на это действие, не сводя глаз и не помня времени. Это было так непохоже на все увиденное прежде.

Эльза тоже начала прихлопывать в такт музыке, к ней присоединился Томас. Дэвид с Фионой переглянулись и тоже стали хлопать, а потом и Вонни, молодые полицейские и Андреас с Йоргисом. У них глаза тоже были полны слез.

Эльза протянула бумажную салфетку со стола Фионе, которая плакала открыто.

— Как это замечательно сделано, — сказала Фиона, когда смогла говорить. — Не забуду эту ночь до конца своих дней.

— Я тоже, — согласился Томас. — Мы должны гордиться, что смогли разделить их скорбь.

Остальные не решились вымолвить ни слова.

Но неожиданно ясным голосом Фиона вдруг произнесла:

— Эти звезды освещают не только Афины, но все наши дома. Интересно, что наши близкие делают теперь и знают ли, что делаем в этот момент мы.

Глава девятая

В доме Фионы, как всегда, говорили о ней. Мать разглядывала фотографии Агия-Анны в «Ивнинг герольд».

— Представь, если бы Фиона была в этом месте! — сказала она с удивлением.

— Представить! — заворчал ее супруг.

— Но, Шон, она правильно сделала, когда позвонила, чтобы мы не беспокоились. Она хотя бы подумала, что мы волнуемся за нее.

— А почему мы должны волноваться? Мы не знали ничего, где она, кроме того, что она потащилась за этим подонком. — Отец Фионы не нашел ничего хорошего во всей этой ситуации. Он схватил пульт от телевизора и начал переключать программы. Жена встала и выключила телевизор.

— Маурин! Зачем ты это сделала? Я хочу посмотреть.

— Нет, ты не собирался ничего смотреть, просто не хочешь говорить о Фионе.

— Сыт по горло Фионой, — бросил он. — И мне безразлично, приедет ли она на серебряную свадьбу.

— Шон! Как ты можешь такое говорить.

— Что говорю, то говорю. Чего ей тут делать? По всякому поводу хныкать, виснуть на этом недоделанном идиоте, говорить нам, что мы не понимаем его?

— Она ребенок твой точно так же, как и мой.

— Она не ребенок. Если верить тебе... то она уже женщина двадцати четырех лет и должна решать все сама. Именно это сказала ты, защищая ее.

— Шон, я сказала, что нападками на Шейна мы только оттолкнем ее, что она достаточно взрослая, чтобы самой выбирать. Я не говорила, что она права во всем.

— Ах... — сказал он.

— Прошу выслушать меня. Пригласила сегодня Барбару, чтобы поговорить с ней обо всем. Они дружат с пятнадцати лет, и она расстроена не меньше нас.

— Ничего подобного. Она такая же несносная, как Фиона. Если вдруг появится накуренный дурью пьяница и неудачник, вроде Шейна,

она тоже не устоит. Они все такие в наши дни.

— Мы не должны разговаривать с ней в таком тоне. Нам надо быть более открытыми с Фионой, сказать, что мы всегда здесь, если понадобится ей.

— Не уверен, что всегда буду к ее услугам. Она наговорила обидных вещей и тебе и мне, помнишь?

— Это потому, что мы сами наговорили ей гадостей про Шейна. — Маурин пыталась быть справедливой.

— Она бросила семью, дом, хорошую работу... ради чего? Ради этого гнусного наркомана!

— Шон, сердцу не прикажешь.

— Нет, прикажешь. Мы же не ищем лунатиков, как Фиона. — Он был непреклонен.

— Она не думала, что влюбится в лунатика. Разве ей было бы не легче влюбиться в какого-нибудь приятного бухгалтера, или врача, или кого-нибудь с собственным бизнесом? Но этого не случилось.

— Ты вдруг стала такой доброй, — фыркнул он.

— Признаюсь, что очень была тронута ее звонком, когда случилась эта ужасная трагедия. И не важно, знали мы о том, что она там, или нет.

Послышался звонок в дверь.

— Это Барбара, будь умницей, не дури, пожалуйста, Шон. Возможно, она теперь наша единственная связь с Фионой, наша единственная надежда.

— Она тоже ничего не знает о мадам, — огрызнулся он.

— Шон!

— Ладно, — смирился он.

В доме Дэвида, расположенном в дорогом районе Манчестера, все смотрели теленовости о событиях в Агия-Анне и говорили о сыне.

— Ужасно, наверное, было видеть все это, — сказала мать Дэвида.

— Должно быть, очень страшно, если он позвонил домой, — согласился отец.

— Его нет уже шесть недель, Гарольд, но мы получили от него десять писем. Он не забывает нас.

— Некоторые из них всего лишь открытки с видами, — заметил отец Дэвида.

— Но он находит время купить марку и почтовый конверт, чтобы отправить их нам, — заступилась мама.

— Мириам, на дворе двадцать первый век, он мог бы зайти в интернет-кафе и послать электронную почту, поступить как нормальный человек.

— Знаю, знаю.

Они некоторое время сидели молча.

— Мириам, пожалуйста, скажи, мне надо было вести себя иначе? — Он глядел на нее, умоляя сказать правду.

Она погладила его по руке.

— Ты замечательный муж, замечательный отец.

— Так почему наш сын сбежал от нас в крошечный городишко в Греции, если я такой хороший? Скажи мне.

— Возможно, это моя вина, Гарольд, может быть, именно из-за меня он ушел.

— Нет, конечно нет. Он тебя обожает, мы знаем это. Ему не нравится бизнес. Стоило ли мне сказать ему: будь художником, будь поэтом, кем угодно? Стоило ли? Этому ли ему надо? Ответь!

— Не думаю. Он всегда знал, что ты хотел, чтобы он возглавил компанию, знал это с детства.

— Тогда почему моему отцу было преступно создать свое дело? Он приехал в Англию, не имея ничего. Я работал день и ночь, стараясь доказать ему, что его старания стоили того. В чем проблема? Я пытаюсь передать сыну процветающее дело, что тут плохого?

— Знаю, Гарольд, все знаю. — Она пыталась успокоить его.

— Если ты понимаешь, то почему он не может понять?

— Позволь сказать ему, Гарольд, позволь сказать, пожалуйста.

— Нет, тысячу раз нет. Мне не нужна его жалость. Если я не могу заполучить его любовь и уважение, даже его общество, то и жалость его мне ни к чему.

Ширли и Билл вернулись из торгового центра. Энди ушел в университет, где он и другие атлеты сообщества собрались, чтобы уговорить студентов потренироваться для марафона. Они считали, будет здорово, если парни, кому под тридцать, будут заниматься бегом.

Билл помогал матери распаковывать покупки и раскладывать их по местам.

— Ты замечательный мальчик, — вдруг сказала она.
— Да?
— Точно, никого так не любила, как тебя.
— Ух ты! Да ладно, мама... — Он смутился.
— Нет, я серьезно. Я действительно тебя люблю.
— А своих маму и папу?
— Да, они, конечно, замечательные, но их я люблю не так сильно, как тебя.
— А папу ты любила? А Энди тоже любишь теперь?
— Это другое, Билл, поверь мне. В любви к своему ребенку есть что-то совершенно потрясающее, что-то невероятное.
— Что это?
— Это означает, что нет никаких «если» и «но». Ты такой особенный человек, тут нет никаких преград. Жаль, что не умею объяснить толково. Но когда любишь парня или женщину, можно и разлюбить. Ты не хочешь, но это происходит, а ребенка — никогда...
— А папа чувствует ко мне то же, что и ты?
— Абсолютно то же самое, Билл. Мы с твоим отцом на многое смотрим иначе, ты это знаешь, но мы оба думали и продолжаем думать, что ты наше самое дорогое сокровище. О тебе мы никогда не спорили. Никогда. Просто желаем тебе самого лучшего в жизни.
— Мама, а папа еще любит тебя?
— Нет, солнышко, он по-прежнему уважает меня, я ему нравлюсь, но он меня не любит, нет. Мы просто делили нашу любовь к тебе. — Она улыбнулась ему, надеясь, что он поймет.
Билл задумался.
— Почему же он так ведет себя? — спросил мальчик.
— Уверена, что он чувствует именно так, — подтвердила Ширли.
— Нет, не думаю, — засомневался Билл. — Просто он хочет, чтобы я по нему скучал и жалел, что его нет рядом, а это очень несправедливо. Это он уехал, а не я. Я остался здесь.

Бригитта увидела Клауса, вышедшего из студии новостей.
— Ты вернулся из Греции! — воскликнула она с радостью.
— Привет, Бригитта. — Старший оператор Клаус не обольщался, что Бригитта действительно рада его видеть. Если вернулся он, значит,

и Дитер здесь. Ее и большинство женщин в студии интересовало только это.

Клаус вздохнул.

Дитер даже ничего не предпринимал. Женщины сами в него влюблялись.

Он ждал, когда Бригитта спросит про Дитера. По его подсчетам, на это уйдет секунд тридцать. Он ошибся, она спросила раньше.

Бригитта не теряла времени на предварительные разговоры о том, как там все было печально.

— Дитер уже вернулся? — небрежно спросила она.

— Нет. — Бригитта была сильная женщина. Клаус просто жадничал сказать ей новость. — Нет, он остался еще. Встретил там старого друга. Невероятное стечение обстоятельств, не так ли?

— Старого друга? Кого-то из прессы?

— Нет, это женщина, которая работала здесь. Он встретил Эльзу.

Какое было наслаждение видеть ее лицо в тот момент.

— Но между ними все кончено.

— Не уверен, Бригитта, — сказал Клаус и удалился.

Адонис взглянул на газетные фотографии с изображением деревни, где он вырос, и увидел лицо своего друга Маноса, которого знал всю жизнь. Рядом была фотография Марии. Адонис танцевал у них на свадьбе.

Как необычно, что в газетах по всей Америке фотографии его родного города. Но здесь, в Чикаго, он никому об этом не скажет. Он приехал сюда много лет тому назад потому, что Элени в Агия-Анне дала ему адрес одного из ее кузенов, который работал здесь, и парень с рекомендацией получил работу.

Кузен уехал, но Адонис остался. Ему здесь нравилось, даже несмотря на то, что порою было очень одиноко. Здесь он не станет рассказывать о трагедии в его родном городе. Печаль останется с ним.

Здесь, в овощном магазине, где он трудился, о нем никто ничего не знал. Если он станет рассказывать, они удивятся, почему он не поддерживал связь с родными, узнают о его ссоре с отцом, о годах отчуждения. Они никогда не поймут. Те, у кого он работал, жили ради семьи. Их отцы постоянно приезжали домой и уезжали. Что они

подумают о сыне и отце, которые не разговаривали друг с другом девять лет?

Конечно, он мог позвонить отцу и высказать сочувствие по поводу случившегося в Агия-Анне. Но отец воспримет это как слабость, отступление, признание, что Адонис был не прав. Отец знал, где он. Если бы он хотел что-то сказать, то сказал бы.

Шейн не знал, как пользоваться метро в Афинах. Когда они были здесь с Фионой, она сумела сориентироваться довольно быстро. Все это называлось электрикос или еще как-то. Она покупала билеты в киоске? Или это только для троллейбусов? Он не помнил.

Шейн знал, что ему надо в район Акзархии, он слышал на пароме, что там полно таверн и магазинов, где торговали узо. У него все еще было много травки, можно было продать там. А потом он придумает, что делать дальше. Он свободен, свободен, как птица. Теперь никто не станет ныть, что он мог бы стать официантом на всю жизнь в какой-нибудь дыре. Фиона, должно быть, не в своем уме, предлагая ему такое.

А в итоге, как и все остальные, она его предала. Но Шейн привык к такому отношению. И она вовсе не была беременна. Он точно знал. Если бы это было так, то не бросила бы его в тюрьме. Теперь она, должно быть, на пути домой к своей ужасной семье в Дублине. Узнав, что Шейн больше не с ней, они обязательно зажарят жирного ягненка.

Он вычислил, что ему нужна станция метро под названием «Аммония». Господи, какие у них странные названия, а пишут так, что никто не может понять.

— Входи, Барбара. — Мать Фионы пригласила ее в дом.

— Ты что-то припозднилась. — Голос отца Фионы звучал неприветливо.

— Вы же знаете, как это бывает, мистер Райан. С восьми до восьми, а до больницы час добираться. — Барбара была весела. Она упала в кресло, как делала это в их доме многие годы, ее рыжие волосы взлохмачены, лицо усталое после долгой работы.

— Выпьешь чаю, Барбара, или чего покрепче?

— О, могла бы прикончить джин, миссис Райан, особенно если мы собираемся говорить о Шейне, — извинилась Барбара.

— Шейн?

— Ну, если мы собираемся говорить о нем, тогда мне нужно обезболивающее, — сказала она.

— Я подумала, не написать ли нам Фионе и не сказать, что мы как бы не поняли ситуацию. — Мать Фионы подала джин, тоник и села, переводя взгляд то на одного, то на другого.

Муж ее завелся:

— Думаю, мы отлично поняли ситуацию. Наша дочь связалась с недоумком. Чего тут еще понимать?

— Но, сказав ей это, мы ничего не добились. Она теперь за сотни миль от нас. Я скучаю по ней, Шон, каждый миг скучаю. Хочу, чтобы она приходила к нам, как Барбара теперь, рассказывала о том, как прошел день. Своим поведением мы оттолкнули ее, верно, Барбара?

— Я согласна с миссис Райан. Вообще-то мы все поняли. Шейн настоящий подонок, потому что манипулирует Фионой, всегда делает так, что якобы виновата она, а не он. Изображает из себя жертву, будто весь мир против него. С этим труднее всего.

— Я считаю самым трудным то, что они называют это любовью. — Лицо Маурин Райан омрачилось.

— Он всегда любил только себя и будет с ней лишь до тех пор, пока она ему нужна, а потом она окажется в полном одиночестве, где-нибудь далеко, без друзей, униженная. Она не захочет вернуться к нам, потому что знает, что мы о ней думаем. Я уже говорила, даже если мы будем молчать.

— Ты скучаешь по ней так же, как и мы, — удивился отец Фионы.

— Конечно, я скучаю и на работе, и по вечерам, когда мы с ней вместе отдыхали. Думаю, сколько могла бы рассказать ей, а как вспомню, что она уехала... Интересно, можно ли навести хотя бы какие-нибудь мосты?

— Какие еще мосты? — Шон Райан не совсем понял.

— Вы могли бы написать письмо о том, что мы все знаем теперь, что она и Шейн будут всегда вместе. Я тоже могу послать весточку и спросить, не приедут ли они с Шейном на серебряную свадьбу или Рождество. Что-то в этом роде.

— Но мы не можем допустить, что она будет с ним вечно, Барбара. Какой пример мы подадим другим детям, если признаем, что Шейн — часть жизни их сестры?

— Послушайте, мистер Райан, он уже часть ее жизни, они уехали вместе, но, видит Бог, в душе я не уверена, что это у них надолго. Если мы сделаем вид, что считаем их отношения серьезными, тогда перестанем быть частью «жесточкого мира, противостоящего бедному, непонятому Шейну». — Барбара перевела взгляд с одного на другого.

Отец Фионы беспомощно пожал плечами, словно говоря, что это ему не под силу. Мать боролась с нахлынувшими слезами.

Барбара сделала еще одну попытку:

— Поверьте, мне тоже это не нравится, и мне не по душе сидеть здесь и разговаривать о моей подруге Фионе за ее спиной, но думаю, что надо что-то предпринять, иначе мы ее потеряем навсегда.

Кто-то просунул письмо в дверь, и оно упало на пол. Мириам Файн пошла посмотреть, кто это доставил письмо в столь поздний час.

Конверт был большой и толстый, адресованный им обоим. Внутри была тяжелая открытка. Она принесла ее мужу, и они открыли конверт вместе.

Это было подтверждение, что Гарольд Файн удостоен награды «Бизнесмен года», и подробности церемонии. Вручение состоится в ноябре в Таун-Холле перед объединенной аудиторией. Они надеялись, что он пригласит семью и друзей присоединиться к поздравлениям на обеде у мэра.

— О, Гарольд, я так рада. Снова увижу тебя в торжественном костюме. — Она прослезилась.

— Это замечательно. — Он взглянул на документ, словно тот мог испариться в его руках.

— Дэвид будет очень горд и рад, когда мы сообщим ему, что официальное приглашение получено. Уверена, он обязательно приедет домой в конце концов, — сказала Мириам.

— Не будем такими уверенными, Мириам. С точки зрения Дэвида, бизнесмены недостаточно хороши. А «бизнесмен года» должен казаться ему самым плохим.

— Привет, Билл.

— Привет, Энди.

Энди сел перед мальчиком в кресло-качалку возле дома.

— Хочешь чем-нибудь заняться, малыш? Как насчет побегать?

— Нет, бег не решает всех проблем. — Ребенок даже не посмотрел на него.

— Ты очень прав, малыш. Но он помогает забыть о многом плохом на время.

— У тебя, Энди, мало плохого.

— Неужели? Значит, я хорошо потрудился, скрывая многое. — Он хлопнул Билла по плечу с любовью, но мальчик сморщился и отстранился от него. — Извини, малыш. — Энди растерялся.

— Ничего, ты не виноват.

— Так кто же виноват? — спросил Энди.

— Не знаю, думаю, я сам. Им меня не хватало, маме и папе. Я не смог сделать их счастливыми.

— Они тебя обожают, малыш, это единственное, в чем они единокордны.

— Мама так и говорит, но, может быть, она просто хочет, чтобы я так думал.

— И папа так говорит, он сказал мне перед отъездом.

— Но он все же уехал, Энди.

— Он сделал это ради тебя, малыш, чтобы у тебя было время привыкнуть ко мне и почувствовать, что я часть маминой и твоей жизни. Он это правильно сделал.

— Мне не нужно время.

— Чего ты хочешь, Билли?

— Думаю, чтобы мама и папа любили друг друга, но это не получается, поэтому хочу, чтобы он жил рядом. Вы с мамой не против, если я буду видеться с ним часто. Верно? — Он с нетерпением посмотрел на Энди.

— Верно, ты знаешь это.

— А папа знает об этом?

— Ах, Билл, ты же сам не сомневаешься в этом.

— А если он знает, зачем уехал так далеко? — недоумевал мальчик.

Ханна, секретарь телецентра, подслушала разговор Клауса и Бригитты и не могла поверить услышанному. Эльза уехала далеко, бросив того, кого любила так сильно, а эта катастрофа свела их вместе.

— Клаус, прости, можно сказать?

— Конечно! — Жизнерадостную, уверенную, добрую Ханну любили все. Она была подругой Эльзы.

— Только хотела спросить, вернется ли она. — Ханна тоже не церемонилась.

— А ты хочешь, чтобы она вернулась? — нежно спросил Клаус.

— Да. Хочу, чтобы моя подруга вернулась домой. Но она... думаю, для нее лучше не возвращаться. — Ханна говорила от сердца.

— Хотелось бы рассказать, что случилось, но, честно, не знаю. Дитер велел нам вернуться раньше его. И мы, конечно же, так и сделали. Но это была другая, не прежняя Эльза, которую мы знаем. Она как-то изменилась, словно решила на что-то.

— Понимаю. — Ханна задумалась.

— Наверное, ты думаешь, что мужчины не понимают знаки. Поверь, и ты бы ничего не поняла.

— О, знаю, Клаус, это нелегко. Спасибо, что рассказал. Остается только ждать и надеяться.

— А на что надеешься ты, Ханна?

— У меня надежд гораздо меньше, чем у тебя. Вообще, не знаю, на что надеяться. Думаю, на лучшее, — честно призналась Ханна.

Адонис решил позвонить отцу, и сделает он это срочно, пока не передумал. В Греции должен быть вечер, и отец обязательно в таверне. Время деловое, и отец не сможет говорить с ним долго, что тоже хорошо. Адонис скажет, что сожалеет о случившейся трагедии и отправил свои соболезнования. Они не будут говорить о том, что было между ними.

Он слушал, как звонит телефон, все звонит и звонит, но никто не отвечал. Наверное, ошибся номером. Он набрал снова, но в пустой таверне некому было ответить на звонок.

Перед отъездом из Агия-Анны он поставил отцу автоответчик. Очевидно, старик так и не научился его включать.

Адонис положил трубку с чувством, что, возможно, так будет лучше.

Шейн отыскивал то место, которое ему было нужно. Здесь обитали его клиенты. Как раз то место, куда бы он зашел за косяком. Не важно, что языка он не знает. В этой среде бытовал международный язык. Он

поговорил с парнем, похожим на психа, который ничего не понял, потом с другим, который только плечами пожал.

Третий парень выглядел более обещающим.

— Сколько? — спросил он. Это был толстый коротышка с живыми черными глазами.

— Сколько ты хочешь?

— А сколько у тебя есть? — донимал парень.

— Достаточно.

В этот момент вспыхнул поляроид, потом другой. Прямо ему в лицо.

— Какого черта... — начал Шейн. Потом он почувствовал руку у себя на шее, почти придушившую его. Живые черные глаза парня смотрели на него почти в упор.

— Слушай меня внимательно. У нас две твои фотки, одна в этом баре, другую мы покажем в полиции. Если они узнают, что ты снова торгуешь, тебе будет очень, очень плохо.

— Ты сказал, что готов купить, — выдавил из себя Шейн.

— Это бар моего отца, здесь работает моя семья. Я уйду очень быстро. Тебя держит мой дядя. Он ждет, что ты извинишься и уйдешь. Через двадцать секунд, время пошло.

— Не знаю, как извиниться по-гречески.

— «Сигноми» будет достаточно.

— Сигноми? — давился Шейн.

— Учись... сигноми, ты, дерьмо, и будь рад, что легко отделался.

— Я еще вернусь, — стал угрожать Шейн.

Парень рассмеялся:

— Ну конечно, попробуй. Десять секунд.

— Сигноми! — крикнул Шейн через плечо тому, кто его держал.

Как только хватка ослабла, Шейн выбежал из бара в теплую афинскую ночь.

Глава десятая

Томас проснулся с легкой головной болью и сразу вспомнил почему. Молодое вино, которое они вчера пили в полиции, было совершенно не выдержано. Йоргис сказал, что его вполне могли сделать в прошлом месяце.

Но пара чашек хорошего кофе исправит ситуацию. А может, лучше выйти и поесть на завтрак свежих апельсинов и горячих хрустящих булочек? Вероятно, у Вонни тоже похмелье. Это своеобразная солидарность.

Но, выйдя из комнаты, он увидел, что дверь в другую спальню открыта, а постель аккуратно убрана. Она действительно использовала ее, только чтобы переспать ночь. Ему стало интересно, где она теперь. Снова в курятнике? Или с детишками в гавани?

Она была такая самодостаточная маленькая женщина с косами вокруг головы, с морщинистым загорелым лицом, широкой улыбкой, из-за которой невозможно было понять, сколько ей лет. Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят? Узнать у кого-то в Агия-Анне, сколько времени она здесь живет, тоже было невозможно. А о себе она говорила или очень мало, или вовсе ничего, поэтому приходилось гадать.

Томас зевнул и направился в кухню. Она опять его обошла. На столе лежали четыре больших апельсина, а в клетчатой салфетке свежие булочки, чтобы не остыли. Томас вздохнул с облегчением и сел завтракать.

Фиона еще спала, Эльза оставила ей записку:

Ушла в гавань. Не хотела будить. Почему бы тебе не присоединиться ко мне в полдень. Возьми купальник, если хочешь, и мы посидим в этом симпатичном месте со скатертями в сине-белую клеточку. Не помню названия. Мне очень хочется.

*Обнимаю,
Эльза.*

Она воспринимала Фиону как младшую и глупенькую сестру. Трудно было поверить, что в реальном мире девушка была уважаемой, опытной медсестрой, но при этом совершенно глупо поверившей, что Шейн где-то в Афинах беспокоится и думает о ней.

Эльза медленно брела по узким улочкам, разглядывая все вокруг. Люди мыли тротуары перед своими маленькими магазинчиками и выкладывали товар. В кафе и ресторанчиках они старательно писали на больших досках меню.

После трагедии не ощущалось больше прежней беспечности и радости в их поведении. Но жизнь продолжалась, или они только притворялись. Так же, как Эльза.

Она решила, что правильно делает, скрывая от всех, что теперь внутри она бесчувственная и пустая. Думала, что так лучше, когда все под контролем. Она душевно поговорила с остальными прошлой ночью, была нестигаема с Фионой, которая выплакалась ей в плечо, когда они вернулись.

Теперь она могла спокойно кивать и улыбаться прохожим, время от времени говоря им «калимера».

Но ощущала она себя пустой и ненастоящей.

Как ей хотелось оказаться где-то, где были бы люди, которым она безразлична. Она никогда не чувствовала себя столь одинокой. Ни семьи, ни любви, ни работы. А после того, как уехала из Германии... дома у нее тоже нет. Отец, который ее бросил, мать, которая ее не любила, но лишь ублажала свои амбиции, любовник, который лгал ей и собирался лгать вечно.

Кто-то в разбитом фургоне поприветствовал ее. Эльза прикрыла глаза ладонью от солнца, чтобы разглядеть, кто это.

Это была Вонни с толпой детишек.

— Мы едем купаться на фантастический берег. Где он, вы не знаете. Поедем с нами?

— Отлично, но должна встретиться с Фионой в полдень в гавани, к тому времени надо вернуться, договорились?

Эльза обрадовалась, что у нее с собой купальник и соломенная шляпа, теперь она готова пойти куда угодно.

Вонни кивнула ей в знак согласия:

— О, конечно, мы вернемся к тому времени. Детям нельзя долго на открытом солнце в полдень. — Она что-то сказала по-гречески

пяти- и шестилетним ребятишкам в фургоне. И они все разом заулыбались ей и хором сказали: «Яссу, Эльза!»

У Эльзы сдавило горло, словно она получила ответ на свою просьбу. Словно каким-то непостижимым образом она вдруг стала частью единого целого. Совсем ненадолго.

Дэвид взял напрокат велосипед и прокатился пять километров туда, куда посоветовали ему его домохозяева, и нашел отличный пляж. Ему хотелось повидаться с теми, с кем он провел предыдущую ночь, и поговорить о вечере, о танце, о том, как люди выражают свои чувства. Но никто не предложил встретиться, а Дэвид не хотел быть навязчивым.

Он перебрался через холмы и спустился с другой стороны. Природа вокруг была изумительная. Зачем люди стремятся жить в тесных городах? Зачем тратить часы на дорогу, дышать выхлопными газами, если можно наслаждаться жизнью в таком месте?

Он спустился туда, где должен был быть пляж, и, к своему разочарованию, увидел припаркованный фургон. Но потом он заметил Эльзу и эту странную пожилую Вонни, сидевшую на песке в окружении восьми или девяти ребятишек. Он видел, как Вонни выстроила детей вдоль кромки воды и делала широкие движения руками. Дети кивали в знак согласия. Она, должно быть, объясняла им, что в воду войдет первая вместе в Эльзой и что никто не должен заплывать дальше, чем взрослые.

Дэвид лежал на поросшей травой дюне и следил за ними. Эльза была такая красивая в своем элегантном бирюзовом купальнике. Ее короткие белокурые волосы сияли на солнце, тело слегка загорело, и движения ее в море были грациозны, когда она играла с детьми.

Вонни, маленькая и неказистая, с косами вокруг головы, была одета в практичный черный купальник, вышедший из моды лет двадцать тому назад. Она тоже плескалась в волнах, призывая детей присоединиться к ней и помогая самым робким, держа их ладонью за подбородки.

Дэвиду хотелось присоединиться к ним, но он боялся быть навязчивым. Эльза заметила его.

— Эла, эла, Дэвид, поплавай с нами, вода божественная!

Неуклюже он направился к воде. Под шортами у него были плавки. Сняв очки, он положил их поверх аккуратно сложенной одежды.

— Ясси, име англос, — поприветствовал он их.

— Можно подумать, они не знают, что ты англичанин! — пошутила Вонни.

— Полагаю, — буркнул Дэвид.

— Ну ладно, Дэвид, ты лучше всех остальных туристов, ты потрудились выучить несколько греческих слов. Не поверишь, но это всем очень нравится.

— Правда? — Он был по-детски обрадован.

Один из детей обрызгал его водой из пригоршни.

— Очень хорошо, поли кала, — улыбнулся он.

— Надеюсь, у тебя будет шесть детей, Дэвид, и ты будешь отличным отцом, — вдруг сказала Вонни.

Томас шел в гавань. Жизнь вокруг почти вернулась в нормальное русло. Многие рыбаки уже вышли в море, другие чинили снасти.

Все кивали ему, приветствуя. Он здесь уже много дней и больше не чужой для них, не случайный прохожий.

Один из них что-то сказал, но Томас не понял. Теперь он пожалел, что не выучил несколько фраз из разговорника, как Дэвид, тогда бы он мог понять хотя бы немного.

— Очень сожалею, сигноми, — извинился он.

Мужчина, похожий на моряка и весь в татуировках, сказал:

— Мой приятель говорит, что ваши друзья хорошие люди, что вы разделили наше горе.

Томас смущенно посмотрел на него:

— Мы все очень сожалеем о том, что произошло здесь, и были чрезвычайно растроганы вчерашним танцем. Никогда не забудем.

— Когда вернетесь домой, будете рассказывать про это вашим друзьям? — Моряк, вероятно, знал их и готов был переводить другим.

Томас говорил медленно:

— Мы из четырех разных стран: из Германии, Англии, Ирландии и Америки, но мы все обязательно расскажем обо всем дома.

— А мы подумали, что вы друзья навеки.

Фиона проснулась и прочла записку. Как причудлива жизнь, что случайно послала ей такую добрую и великодушную Эльзу, которая стала для нее такой же верной подругой, как Барбара. Как замечательно! Шейн обрадуется, когда она ему расскажет.

Он обязательно свяжется с ней скоро, независимо от того, что они все думают. Фиона вымыла голову и воспользовалась феном Эльзы. Выглядела она не так уж плохо. Бледная, немного усталая, но не настолько, чтобы пугать ворон, как говорил ее отец о людях, которые выглядели неважно.

Фиона немного подумала об отце. Он был такой добрый, замечательный папа, пока она не привела в дом Шейна. Она очень хотела отпраздновать дома серебряную свадьбу родителей.

Но отец — может, и в этом была его ошибка — стал слишком резок в отношении Шейна. Не стоит тратить время на раздумывания по этому поводу. Она должна как-то жить, пока Шейн не вызовет ее. Она нарядится как можно лучше и медленно пойдет к гавани. Ей не хотелось, чтобы Эльза думала, будто она какая-то безнадежная неудачница.

Она себя не выдаст.

Вонни и Эльза оставили Дэвида на берегу учить очередные десять фраз в день, потом Вонни высадила детей на площади и завезла Эльзу в гавань ровно к одиннадцати часам.

— Спасибо за компанию, — поблагодарила Вонни.

— Почему люди в Агия-Анне доверяют вам своих детей, Вонни? — спросила Эльза.

— Они знают меня уже много лет, верят, что я абсолютно надежна, как мне кажется. — Вонни не была уверена.

— Сколько лет, Вонни?

— Я приехала сюда более тридцати лет назад.

— Что? — изумилась Эльза.

— Ты спросила, я ответила. — Вонни забеспокоилась.

— Действительно. Простите. Уверена, вам не нравится, когда лезут в душу, — извинилась Эльза.

— Обычно я не возражаю, когда задают разумные вопросы. В Агия-Анну я приехала, когда мне было семнадцать, чтобы быть рядом с тем, кого я любила.

— И вы были с ним? — спросила Эльза.

— И да и нет. Расскажу когда-нибудь. — Вонни завела мотор и укатила.

— Томас!

Он посмотрел на нее с того места, где сидел на старом деревянном ящике, глядя на гавань и волны.

— Рад видеть вас, Эльза. Не желаете ли присесть на симпатичный стул? — Он пододвинул ей второй ящик.

Она села так элегантно, будто они находились в гостиной.

Он вдруг понял, какая она отличная телеведущая, или была ею. Никакой суеты или неуверенности и всегда владеет собой.

— У вас мокрые волосы. Плавали?

— Да, в маленькой лагуне есть прекрасный пляж километрах в пяти отсюда на том берегу, — показала она.

— Не говорите, что прошли десять километров сегодня! — Он сильно удивился.

— Нет, к стыду моему признаюсь, что туда и обратно меня довезла Вонни. Мы встретили там Дэвида, он молодец, взял напрокат велосипед. Мне кажется, Томас, что море здесь гораздо привлекательнее, чем где бы то ни было.

— Гораздо лучше, чем в Калифорнии. Там все слишком плоско. Красивые закаты, но нет такого прибое, игры цветов и красок, как здесь.

— Что говорить о море в Германии, ледяном у берегов Голландии и Дании. Конечно, оно не такое, как здесь. Неудивительно, люди в восторге от здешних мест. Хочу сказать, море должно быть отражением неба, но не говорите мне, что вода вовсе не синяя.

— «Кати свои волны, о темный и бездонный океан, волнуйся и кипи!» — процитировал Томас.

К его удивлению, Эльза продолжила:

— «Сто тысяч кораблей в твоих пучинах тонут; руинами покрыта суша. Власть человека только до берегов твоих...»

Он посмотрел на нее, раскрыв рот:

— Вы знаете наизусть английские стихи. Как смее вы быть столь образованны!

Эльза рассмеялась, польщенная похвалой:

— В школе у нас был учитель, который любил Байрона, думаю, он был просто влюблен в него. Если бы вы выбрали другого поэта, я бы не смогла блеснуть знаниями!

— Но я серьезно, потому что из немецкой поэзии я не знаю ни строчки. Да что там говорить о немецкой поэзии? Я не знаю не единого немецкого слова.

— Нет, знаете. Вы сказали «wunderbar»^[5] и «prosit»^[6] вчера вечером, — успокоила она его.

— Думаю, прошлым вечером «prosit» говорили слишком часто, как это обычно бывает... Ох, вспомнил еще одно немецкое слово — «reisefieber».

Эльза залилась смехом:

— Какое замечательное слово вы знаете... откуда оно у вас?

— Оно означает «дорожная лихорадка», не так ли? Когда паникуешь в аэропортах и на железнодорожных вокзалах.

— Именно так, Томас. Воображаю, что вам это известно! — Он произвел на нее впечатление.

— У нас на факультете был парень, который вечно возникал с такими словами. Я запомнил.

Они беседовали так непринужденно, словно знали друг друга всю жизнь.

Неудивительно, что рыбаки приняли их за старых друзей.

Вонни подъехала в фургоне к дому Марии, которая сидела за столом с пустой чашкой кофе.

— Чем дальше, тем труднее, а не легче, — проговорила она. — Мне казалось, что это Манос вернулся на своей машине.

— Конечно, труднее, воспоминания тонут, отчего еще тяжелее. — Вонни повесила ключи на крючок на стене и поставила на стол чайник с горячим кофе, который купила в таверне через дорогу, и немного пахлавы.

Мария подняла на нее заплаканное лицо.

— Ты всегда знаешь, что нужно людям, — сказала она с благодарностью.

— Вовсе нет. Я? Да у меня вечно все не так, и ошибок делаю больше всех, вместе взятых в Агия-Анне, — возмутилась Вонни.

— Что-то не припомню, — возразила Мария.

— Это потому, что ты слишком молода. Мои самые впечатляющие ошибки я совершила еще до твоего рождения.

Вонни прошлась по кухне, подбирая вещи то там, то здесь, вымыла чашки, произвольно наводя порядок, и наконец села.

— Как красиво вчера танцевали. Ему бы понравилось, — сказала она.

— Знаю. — Мария снова заплакала. — Вчера вечером я чувствовала себя сильной, словно дух его был еще там. А сегодня это чувство пропало.

— Оно может вернуться, если выслушаешь и примешь мой план. — Вонни подала ей кусок бумажного полотенца вытереть слезы.

— План?

— Да, хочу научить тебя водить машину.

Мария слабо улыбнулась сквозь слезы:

— Водить машину? Я — сесть за руль? Вонни, хватит шутить. Манос не позволил бы мне даже подержать ключи от фургона.

— Но теперь он бы хотел, чтобы ты водила машину. Уверена, хотел бы.

— Нет, Вонни, не хотел бы. Он бы подумал, что я убьюсь не только сама, но и покалечу всех в Агия-Анне.

— Ну что же, мы докажем, что он не прав, — заверила ее Вонни, — потому что для твоей новой работы ты должна научиться водить машину.

— Работы?

— О да, ты должна помочь мне с магазином, не так ли? И для этого надо будет ездить в такие места, как Калатриада, и закупать там товар. Избавь меня от тряски в автобусе.

— Но, Вонни. Ты же можешь ездить туда на фургоне, вон он стоит...

— Нет. Я не могу. Маносу это не понравится, он так долго и трудно собирал на него деньги, что не захочет отдать просто так. Нет, он будет гордиться, если ты начнешь работать на нем.

Удивительно, но Мария заулыбалась, теперь совершенно искренне. Словно снова увидела его дух в доме, будто вновь она старалась для него, как делала всегда, когда он был жив.

— Верно, Манос, ты будешь доволен, — сказала она.

Дэвид повстречал их во время урока вождения на большом пустыре на вершине городского холма.

— Сига, сига! — кричала Вонни, когда фургон трясло и кидало.

— Что значит «сига»? Я часто слышу это, — заинтересовался Дэвид.

— Думаю, так, как теперь, тебе его слышать еще не доводилось. — Вонни вылезла из машины, вытерла лоб и несколько раз глубоко вздохнула. Мария сидела, вцепившись в руль так, словно руки ее приклеились к нему. — Это означает «поттише». Но леди не понимает.

— Это жена Маноса, не так ли? — Дэвид присмотрелся к женщине за рулем.

— Бог свидетель, я никогда не считала себя способной в этом деле, но в сравнении с ней я просто чемпион «Формулы-1», — пожаловалась Вонни, закрыв глаза.

— Ей надо научиться водить? — спросил Дэвид.

— Сегодня утром я так и думала, а теперь не уверена. Но, конечно же, кто-то потянул меня за мой длинный язык, и вот приходится возиться со всем этим, — вздохнула Вонни.

— Я научил маму водить, когда никто не мог. Три школы вождения отказались от нее, — произнес Дэвид медленно. — Может быть, мне попробовать?

— Как ты это сделал? — В глазах Вонни мелькнула надежда.

— Я был очень терпелив. Ни разу не повысил голос и тренировал ее часами.

— Попробуй, Дэвид. О, милый, хороший, добрый Дэвид, пожалуйста, помоги ей.

— Конечно. Тогда скажите мне, как будет по-гречески тормоз, газ, сцепление.

Он записал слова в блокнот и направился к фургону.

Когда он сел рядом, Мария взглянула на него с недоверием.

— Калимера, — официально произнес он и пожал ей руку. — Как сказать «поехали»? — спросил он Вонни.

— Паме, но не говори пока, а то она въедет вместе с тобой прямо в стену.

— Паме, Мария, — мягко произнес Дэвид, и, дернувшись с места, машина поехала.

Вонни смотрела на это с изумлением. Она наблюдала, как он учил Марию останавливать машину. У него на самом деле был талант. Выражение ужаса стало постепенно исчезать с лица Марии.

— Когда закончишь, отвези ее домой. Хорошо? — попросила Вонни.

— А как насчет моего велосипеда?

— Поеду на нем и оставлю у дома Марии.

Не успел он ответить, как она оседлала велосипед и направилась в город.

Дэвид повернулся к своей ученице.

— Паме еще раз, Мария, — спокойно сказал он, и на этот раз она завела мотор плавно.

Фиона сидела за столом в маленьком кафе и удивилась, увидев Вонни, проезжавшую мимо на велосипеде. Вонни заметила ее и развернулась обратно.

— Сама по себе? — спросила она.

— У нас с Эльзой встреча в полдень.

— О да, Эльза мне говорила. Она помогла мне отвезти детей купаться.

— Неужели? — ревниво сказала Фиона.

— Да, потом Дэвид приехал на велосипеде, одолжил мне его. Я оставлю велосипед возле дома Марии. Дэвид взялся учить ее водить машину.

— Господи, да все действительно обживаются здесь! — воскликнула Фиона.

Вонни прислонила велосипед к одному из пустых столиков.

— Посажу с тобой, пока Эльза не придет.

Фиона была довольна.

— Хотите узо? — спросила она.

— Нет, только метрио кафетаки, немного кофе, — ответила Вонни.

Они сидели за столиком, спокойно наблюдая за жизнью в гавани.

Фиона заметила особенное умиротворяющее свойство Вонни. Та знала, что разговаривать без умолку вовсе не обязательно. Как это успокаивало!

— Вонни?

— Да, Фиона?

— Я подумала, можно ли здесь найти работу, здесь, в Агия-Анне? Я могла бы выучить греческий. Могла бы помогать доктору Леросу. Что вы думаете?

— Почему ты хочешь остаться здесь? — Голос Вонни звучал ласково.

— Здесь красиво, и мне хочется обосноваться, когда Шейн вернется ко мне.

Вонни ничего не сказала.

— Вы думаете, что он не вернется, да? — заплакала Фиона. — Как и все, вы судите о книге по ее обложке. Вы его не знаете так, как я.

— Конечно.

— Поверьте, Вонни, у него никогда в жизни не было никого, кто бы понимал его, пока не встретил меня.

Вонни наклонилась к Фионе и осторожно убрала волосы с ее лба, обнажив синяк.

— И он нашел удачный способ показать тебе, как сильно ценит твое понимание.

Фиона сердито отпрянула.

— Это не так, он переживает, что поднял на меня руку. Я знаю.

— Конечно.

— Не будьте такой высокопарной и снисходительной, мне этого и дома хватало.

— Со стороны всех, кто тебя любит, полагаю?

— Это не настоящая любовь. Это удушающая клаустрофобия и стремление каждого остепениться, жениться или выйти замуж за клерка, получать зарплату и рожать детей.

— Знаю, — посочувствовала Вонни.

— Если знаете, то почему не верите, что Шейн вернется за мной?

— Ты действительно веришь, что он вернется?

— Конечно. Мы любим друг друга, мы уехали вместе навсегда. Почему же ему не вернуться?

Вонни сглотнула и отвернулась.

— Нет, пожалуйста, скажите мне. Простите, что кричу на вас, Вонни. Просто ужасно расстроилась, что все против Шейна, мне кажется, что это будет вечно, пока мы с ним совсем не состаримся. Возможно, вы знаете то, чего не знаю я.

У нее был такой несчастный вид, она схватила Вонни за руку, глядя на нее широко раскрытыми глазами, желая узнать больше.

Вонни промолчала.

В конце концов, она была виновна в том, что Шейн уехал в Афины, посоветовав шефу полиции Йоргису выслать его из Агия-Анны. Поэтому она должна была все как-то объяснить Фионе. Но ничего, кроме плохого, она сказать не могла.

Йоргис дал Шейну карточку с адресом и телефоном полицейского участка.

Элени сказала, что предлагала ему карандаш и бумагу, чтобы он написал записку, но он от всего отказался. Эта информация радости Фионе не доставит.

— Нет, не думаю, что знаю что-то, чего не знаешь ты, — медленно произнесла она. — Но могу предположить, что Шейну не понравится, чтобы ты здесь оставалась, понимаешь, без него. Если он с тобой когда-нибудь свяжется...

— Обязательно, обязательно свяжется.

— Когда он объявится, то будет искать тебя в Дублине. Такое возможно?

— Нет. Он знает, я никогда не вернусь к ним и не признаю, что они были правы. Шейн знает меня слишком хорошо, ни за что не позвонит туда. Нет, однажды он приплывет на одном из этих паромов. Хочу быть здесь, когда он вернется.

— Это нереально, Фиона, это курортное место. Здесь нельзя жить постоянно.

— А вы живете, — просто сказала Фиона.

— Тогда было иначе.

— Почему иначе?

— Просто так было, вот и все, и я приехала сюда не сама по себе, как ты, но к мужчине из Агия-Анны.

— Да?

— Да. Именно так, многие годы тому назад. Здесь тогда не было никаких туристов, я была здесь в диковину. Конечно, для них — потаскуха. В те времена здесь, так же как у меня дома, прежде всего сватались и женились.

Вонни посмотрела на море, вспоминая прошлое.

— Значит, вы знаете, что можно покинуть Ирландию, приехать в такое красивое место и стать счастливой? — Фиона отчаянно попыталась найти параллели между ними.

— В какой-то степени, — согласилась Вонни.

— Не хотите же вы сказать, что жалеете, — сказала Фиона. — Вы часть этой жизни. Это, наверное, было правильное решение.

— Нет, господи, нет. Не стоит тратить время на сожаления. Это, наверное, самое бессмысленное чувство. — И она снова замолчала.

— А что случилось с... э-э... с мужчиной... из Агия-Анны? — Фиона отважилась задать ей прямой вопрос.

Вонни прямо посмотрела ей в глаза:

— Ставрос? Не знаю. — Она оборвала разговор, сказав, что у нее много дел, и порадовалась, что не надо больше учить Марию вождению. — Тебе тут хорошо одной? — спросила она Фиону.

— Прекрасно, и спасибо за доброту, — вежливо ответила Фиона.

Она обрадовалась, что пожилая женщина уходит. Не стоило спрашивать ее про мужчину. Она увидела Эльзу и помахала ей рукой.

Эльза села и рассказала Фионе про утро на пляже. Они заказали салат и непринужденно болтали про жизнь на острове. Уже заканчивая ленч, они увидели фургон, рывками пронесшийся мимо. За рулем была Мария, а Дэвид сидел рядом. Они видели, как он открыл ей дверь машины, похлопал ободрительно по спине, а потом склонился и поцеловал руку.

— Боже, какой замечательный муж однажды получится из него, — с восхищением промолвила Эльза.

— Да, мы встречаем таких людей раз в миллион лет. — Фиона тяжело вздохнула. Они почему-то нашли это забавным и еще смеялись, когда Дэвид подъехал к ним. — Она плохая ученица? Вонни сказала, что она просто кошмар.

— Вонни преувеличивает. Она в порядке, просто нервничает, естественно, очень расстроена по поводу всего. Вонни собирается дать ей работу, когда Мария научится водить. Она замечательная женщина.

Фиона собиралась рассказать им про Ставроса, который был у Вонни много лет тому назад, но потом передумала. Это касалось только Вонни.

Солнце садилось, и гавань озарилась золотисто-алым светом. Томас заметил, что Вонни все еще работает в своей сувенирной лавке. Он решил зайти и пригласить ее выпить с ним чего-нибудь, но вспомнил, как ей нравилось одиночество.

Она согласилась спать в доме только после его бесконечных обещаний, что они не будут вмешиваться в жизнь друг друга. Но одному оставаться в квартире ему тоже не хотелось.

Он решил позвонить Биллу. В прошлый раз звонок был какой-то неловкий. Он все еще был раздосадован тем, что Вонни слышала разговор и что он сам все испортил. Теперь он найдет нужные слова.

Томас сел в маленьком кафе у дороги и составил список тем, на которые он будет говорить. Например, об обеде в полицейском участке рядом с камерами для заключенных, о танце после похорон, о немцах, знающих английскую поэзию, даже несмотря на то, что он ничего не знает об их поэзии.

Он просмотрел список тем. Каким скучным и странным это может показаться ребенку. Мальчик может не понять, почему его папа ест рядом с камерами заключенных. Он испугается, узнав, что мужчины танцуют вместе, особенно на похоронах. А что знает Билл об английской и немецкой поэзии?

Томас сидел, обхватив голову руками, думая, насколько беспомощен он в общении с сыном, которого любил всем сердцем.

— Вонни?

— Заходи, Йоргис, садись.

— У тебя здесь красиво. — Полицейский огляделся.

— Конечно, действительно неплохо. Еще раз спасибо за гостеприимство прошлым вечером. Йоргис, всем очень понравилось.

— Не время для одиночества. Слышал, ты перестала учить вдову вождению.

— Я поручила это дело милому англичанину, но это должно было стать секретом! — засмеялась Вонни.

— В этом городе?

— Знаю-знаю. — Вонни замерла. Скажет он, наконец, зачем сюда пришел?

— Был звонок из Афин, о том парне, которого мы выслали, ирландец, ты знаешь...

— О, да?

Так он позвонил в конце концов. Фиона была права. Вонни не знала, радоваться или огорчаться.

— Что он сказал?

— Ничего не сказал. Звонок был из полиции в Афинах. Его взяли за наркоторговлю в баре. Они нашли мою визитку у него и хотели знать, что и как.

— А что ты знаешь, Йоргис? — спросила она.

— Пока ничего. На звонок отвечал не я, меня там не было. Хотел обсудить с тобой. Фиона такая милая девушка.

— Знаю, такая хорошая, что, возможно, сядет на следующий паром и отправится защищать своего мужчину.

— Я так и подумал, — вздохнул Йоргис.

— Знаешь выражение о том, как запереть кого-то и выбросить ключ? — спросила она.

— Знаю это выражение и часто готов сделать это. Думаю, надо сообщить им об избиении женщины и пьянстве в общественных местах. Не думаю, что скажу что-то особенное про Фиону, как ты думаешь?

— Думаю, что ты прав, и мы ничего девушке не скажем. Ты согласен?

— Полагаю, это не по-божески, — задумался Йоргис.

— Даже если так, все равно мы сделаем именно это. Бог не пришел на помощь, когда этот подонок избивал Фиону. Возможно, Всевышнему надо иногда помогать, — сказала Вонни, довольно улыбнувшись.

Гораздо позже в тот вечер Вонни поднялась наверх и увидела, что Томас сидит в кресле в темноте.

— Святой Йозеф, вы меня напугали.

— Привет, Вонни. — Настроение у него было прескверное.

— Вы позвонили сыну и снова его расстроили?

— Нет, я сидел здесь, размышляя, что сказать, и не мог ничего придумать, поэтому я ему не звонил, — признался он.

— В конечном итоге это мудрее, — одобрила его Вонни.

— Какая же я после этого задница, не могу найти тему для разговора с девятилетним мальчиком.

— Думаю, вы такой же отец и сын, как все в этом мире, совершенно неспособные общаться. — Она не сильно ему сочувствовала, хотя по ее словам понять это было невозможно.

— Он не мой сын, — просто сказал Томас.

— Что это значит?

— То, что я сказал. Почти десять лет назад, когда мы с Ширли хотели сделать ребенка, я был у врача. Свинка в детстве сделала меня практически стерильным. Я весь день бродил, обдумывая, как сказать Ширли. Но когда пришел домой, она мне сообщила замечательную весть: она беременна.

— А вы ей рассказали?

— Нет. Надо было подумать. Я не знал, что она мне изменяет, ни сном ни духом. Но потому, что я не сделал этого сразу, не смог и потом.

— Значит, так и не сказали?

— Я люблю его так, словно он мой.

— Он ваш во всех отношениях, — подтвердила Вонни.

— Да, это так. Мы вырастили его вместе. Я кормил его детской смесью по ночам, научил читать, плавать. Он мой так же, как и чей бы то ни было. Его биологический отец, должно быть, исчез с лица земли. Это был не Энди. Он появился спустя годы. Энди думает, что Билл мой сын.

— Во время развода вы об этом сказали?

— Что? И потерять всякую связь с Биллом?

— Разумеется, — кивнула она.

— Вонни, он такой замечательный мальчик.

— Уверена, совершенно уверена.

Наступило долгое молчание.

— Вернитесь к нему, Томас. Если вы будете от него так далеко, ваше сердце не выдержит.

— Не могу. Мы все договорились, что так лучше.

— Любую договоренность можно изменить, планы переделать, — сказала Вонни.

— Там будет хуже, чем здесь. Представьте, что мне придется видеть этого идиота Энди каждый день, кривляться, притворяться, что я отец ребенка.

— Вы и есть его отец во всех отношениях. — Вонни уставилась в пол.

— Хотелось бы верить.

— Верьте, Томас. — Она произнесла это с тихой уверенностью, словно знала, о чем говорит.

Их глаза встретились, и вдруг Томасу стало совершенно ясно, что Вонни действительно знала, о чем она говорила.

В ту ночь, когда она сказала ему, что он испортил разговор с Биллом, она призналась, что у нее тоже был ребенок. Сын, которого потеряла навсегда, приняв неверное решение.

Томас закрыл глаза. Он не молился Богу очень давно, но в этот вечер молитва шла прямо из сердца. «Прошу Тебя, помоги сделать так, как надо. О Боже, не дай мне потерять этого мальчика».

Глава одиннадцатая

В кафе с плетеными столиками сидели Вонни и Дэвид за чашкой кофе, поджидая Марию, чтобы начать урок вождения.

— Она говорит, что ты замечательный человек и совсем не кричишь на нее во время занятий, — похвалила его Вонни.

— Бедная Мария, она привыкла, что все на нее кричат? — спросил Дэвид.

— Мне пришлось, и Манос тоже покрикивал не раз, поэтому, думаю, она ждала этого и от тебя.

— Криком не поможешь, — заметил Дэвид.

— Я говорила Марии, что ты научил свою маму водить машину. Сказала, что твоя мама должна быть счастлива иметь такого сына.

— Она действительно так думает?

— Почему ты это говоришь? — удивилась Вонни.

— Потому, что это так. Она на стороне отца. Повторяет за ним все: и что у меня уже готовый бизнес в руках, что я должен стать правой рукой отца, его глазами и ушами. Что мне повезло, что у большинства людей нет бизнеса, который они получили бы вот так легко, готовой компании, которую он создал своими руками.

— А ты можешь сказать им, что любишь их, а не эту работу?

— Пытался много раз, но все кончается упреками и руганью. Я говорил им, что мне неловко, что, как только я вхожу в офис, у меня начинается паника. Но это все равно что разговаривать со стеной.

— Когда ты вернешься, то увидишь, что они смягчились, — начала она.

— Я не вернусь, — отрезал он.

— Ты не можешь убежать и остаться здесь навсегда.

— Вы же смогли, — просто ответил Дэвид.

— Устала повторять, что были другие времена, — вздохнула Вонни.

— Хочу сегодня поехать с Марией по горным дорогам, — доложил Дэвид.

— Боже, да ты храбрый как лев, — восхитилась Вонни.

— Когда движения на дороге нет, она отлично справляется. Не паникует.

— Но, Дэвид, эти крутые повороты, эти места, где дорога уходит из-под колес...

— Знаю, но не по этим ли дорогам будет ездить она, когда начнет работать на вас?

— Да, спустя месяцы или недели, а не так скоро.

— Нет, ей за городом лучше. Все эти огромные грузовики, выезжающие с бензоколонки...

— Поосторожнее про бензоколонку, ты наступаешь на больное место, — предупредила Вонни.

— Что вы имеете в виду?

— Эта бензоколонка была моей, я работала там день и ночь в течение многих лет.

— Неужели!

— О да. Так и было.

— Вы ее продали?

— Нет, ее у меня как бы забрали. Слишком длинная и запутанная история, чтобы рассказывать. Где вы с Марией будете кататься сегодня, хочу знать, чтобы держаться оттуда подальше.

— Думаю, съездим к Андреасу, дорога там достаточно извилистая.

— Он тебе нравится, не так ли? — заметила Вонни.

— Кому он может не понравиться? Он такой добрый и деликатный. Не давит на людей, не заставляет делать то, чего им не хочется.

— Конечно, он своеобразен.

— Но он добрый, — заметил Дэвид. — Сын его, должно быть, просто глупец, если до сих пор не вернулся из Чикаго помогать ему.

— Возможно. — Вонни задумчиво пожала плечами.

— Почему «возможно»? Парень работает в овощной лавке за сотни миль от дома, посреди огромного шумного города, как сказал Андреас. А мог бы жить здесь, в красивом месте, помогая своему отцу.

Вонни с удивлением смотрела на Дэвида, склонив голову на плечо.

— Что это значит? — спросил наконец он.

— Ты знаешь, что это значит, Дэвид. То же самое можно сказать о тебе. У тебя есть отец и даже мама, которые по тебе скучают и не понимают, что ты делаешь вдали от дома.

— Это другое, — сопротивлялся Дэвид.

— Ну конечно!

— Совершенно другое. Мой отец не умеет рассуждать, он просто всегда прав. С ним никто бы не ужился.

— Адонис мог сказать о своем отце то же самое. Андреас не стал бы размещать иллюминацию на крыше, не позволил бы музыкантам завлекать народ на холм по вечерам. Адонис ничего не мог изменить, предложить. Андреас был всегда прав.

— Не заметил этого в нем, — холодно ответил Дэвид.

— Нет? Ну конечно, он с тобой ласковый и уважительный. Люди со своими детьми обычно не такие вежливые. — Она задумалась.

— У вас есть сын, Вонни?

— Да, Ставрос, как и его отец.

— И вы с ним ласковы и уважительны?

— Я с ним не вижусь, чтобы быть ласковой или неласковой.

— Но вы же должны видеться иногда? — удивился Дэвид.

— Нет. Вовсе нет. Но когда я с ним виделась, я была резка со всеми. Поэтому он совершенно не знал, как сильно я по нему скучаю и как нежна и заботлива могла быть с ним. — Она поднялась, выпрямилась, и лицо ее снова стала непроницаемым. — Я заберу этих детей, чтобы вы с Марией могли прокатиться по дороге смерти или еще куда-нибудь.

Она крикнула детям что-то по-гречески, и они радостно ей ответили.

— Что вы им сказали? — спросил Дэвид.

— Предложила мороженого. Похоже, идея им понравилась.

— Бьюсь об заклад, вы со всеми всегда были ласковы и внимательны.

— Нет, Дэвид, не стоит так думать, но не стоит и никого расспрашивать обо мне. Все равно ничего не скажут. Объяснить мои проблемы могу только я.

В этот момент на пороге появилась Мария, готовая к занятиям. Она поприветствовала Вонни и повернулась к Дэvidу:

— Паме, Дэвид.

— Паме, Мария.

Вонни с изумлением смотрела, как она села в машину, посмотрела в зеркало заднего видения и плавно повела машину по дороге.

Если этому мальчику суждено остаться в Агия-Анне, он может хорошо зарабатывать, преподавая вождение.

Андреас с братом Йоргисом играли в триктрак в кафе рядом с полицейским участком. Они видели, как знакомый фургончик Маноса выехал из Агия-Анны.

— Это Мария! Кто-то учит ее вождению! — воскликнул Йоргис.

— Должно быть, Вонни, — предположил Андреас.

— Нет, похож на мужчину.

— А, это парнишка Дэвид Файн. Такой хороший молодой человек, — с удовольствием произнес Андреас.

— Да, действительно, — согласился Йоргис.

Они помолчали.

— Есть ли что-нибудь от... — начал Йоргис.

— Нет, ни слова, — быстро ответил Андреас.

— Конечно, они там могли не слышать ничего.

— Нет, в самом деле. — Андреас застучал по доске.

Больше об Адонисе в далеком Чикаго не будет сказано ни слова. Они говорили о своей сестре Кристине, у которой была беспокойная юность, но которая теперь жила счастливо с добрым человеком на другом конце острова. О ее прошлом они теперь не вспоминали. Не говорили они и о бывшей жене Йоргиса, которая знала Маноса и его друзей, когда они были детьми. От нее тоже не было вестей.

Томас отыскал книжный магазин.

— Вивлиополио, — когда-то сказала ему Вонни.

— Неужели? — удивился Томас. — Звучит как витаминный напиток.

— Знаете, буква «В» в греческом пишется как «Β» с таким хвостиком внизу. Когда я приехала сюда, то первым делом пошла в книжный магазин, и когда нашла его, то увидела нечто похожее на библионвакио, или нечто вроде французского «библиотек».

— Какая вы смешная! — сказал он ей с любовью.

— Я просто кошмар, — ответила Вонни. — А что вам нужно в книжном магазине?

— Немецкую поэзию. Думаете, у них найдется?

— Возможно. Кто знает...

И она была права. В магазине был маленький отдел, где нашелся томик работ Гете, с текстом на немецком и на английском языках. Он купил это издание и сел на скамейку на берегу у магазина.

Томас старательно изучил книгу и нашел то, что искал. В записной книжке у себя он написал:

*Kenst du das Land, wo die Zitronen bluhn,
Im dunkeln Laub die Gold-Orangen gluhn.*

Рядом он написал перевод:

*Знаком ли край тебе,
Где сад лимонный весь в цвету,
Где золотые апельсины
Сияют среди ветвей.*

Он выучит строки наизусть и прочтет их Эльзе. Нельзя, чтобы она думала, что он профан в немецкой поэзии.

Едва он начал переписывать следующую строчку, в которой говорилось о нежном ветерке, миртовых рощах и о высоких лаврах, как на страницу упала чья-то тень. Это была Эльза. Она заглянула ему через плечо, интересуясь, что он читает. Отойдя в сторону, она прочла строку за него:

*Kennst du es wohl? Dahin! Dahin!
Mocht ich mit dir, o mein Geliebten, ziehn.*

— Ну ладно, сдаюсь, — сказал он. — Перевода еще не прочел. Что это означает?

— Это значит... дайте взглянуть: «Тебе известно это? В краю, куда бы я с тобой ушел, любовь моя».

Говоря это, она посмотрела ему прямо в глаза, и они оба смутились, будто бы случайно открыли нечто совершенно сокровенное.

— Гете бывал в Греции? Не это ли та земля, где лимонные сады в цвету? — спросил Томас, чтобы перевести разговор в более спокойное русло.

— Несомненно, речь идет о Средиземноморье, но в основном это Италия. Хотя, конечно, в Греции он тоже мог бывать. В этом я не сильно осведомлена.

— А что говорить обо мне? До сих пор я ни строчки не прочел на иностранном языке, — смутился Томас.

— Почему же теперь вы стали читать?

— Чтобы произвести на вас впечатление, — просто ответил он.

— Вовсе не обязательно. Я и так под впечатлением, — призналась Эльза.

Андреасу позвонили из Ирландии.

— Это таверна в Агия-Анне? — спросил голос.

— Да. Чем могу помочь?

— Фиона Райан звонила домой из вашей таверны в день этой ужасной катастрофы.

— Да. Да. Я помню.

— Я подруга Фионы, Барбара. Фиона дала ваш номер, чтобы быть на связи, и я звоню, потому что... ну, в общем... мне хотелось бы знать, они все еще в Агия-Анне?

— Да. Какие-то проблемы?

— Нет, никаких проблем, в общем-то... извините, с кем я разговариваю?

— Меня зовут Андреас, это моя таверна.

— О, прекрасно, а вы с ней виделись с тех пор?

— Это очень маленький городок, мы все тут каждый день видимся.

— А Фиона в порядке?

Андреас помолчал.

— В порядке.

Девушка была совсем не в порядке, избитая собственным парнем, который ее бросил и сбежал в Афины, где теперь сидел в тюрьме, ожидая суда за торговлю наркотиками. Она до сих пор ждала этого подонка. У Фионы был выкидыш. В порядке? Едва ли.

Но, даже несмотря на то, что инстинкт заставлял рассказать этой женщине все, что случилось, он знал, что делать этого не стоит.

— Похоже, что им всем тут нравится, — сказал он запинаясь.

— Всем? Вы хотите сказать, что у них с Шейном появились друзья в городе? Обычно люди их избегают, словно чумы.

— Очень милые люди, немцы, американцы, англичане. — Он попытался успокоить ее.

— Ну что же, это сюрприз. Послушайте, Андреас, могу ли я послать ей сообщение по электронной почте или по факсу?

— Конечно. — Он дал ей номер полицейского участка.

— Мы все очень переживали по поводу того, что у вас там случилось. Наверное, было ужасно.

— Спасибо. Вы очень добры, — поблагодарил он. Она действительно была добрая и милая, не такая, как его хладнокровный сын Адонис в Чикаго.

Но он обещал Эльзе. И уже поздно, письмо должно было прийти.

Фиона пришла на прием к доктору Леросу на осмотр, как обещала.

— Все прекрасно, — успокоил он. — Вы молоды и здоровы. Можете рожать детей, сколько захочется.

— О, я так надеюсь когда-нибудь, — обрадовалась Фиона.

— Возвращаетесь к себе на родину?

— Нет. Надо обождать, пока Шейн не приедет за мной. Надеюсь найти здесь работу. Я квалифицированная медсестра. Могу ли я вам помочь в чем-то, например, на приемах больных?

— Не совсем, моя дорогая барышня. Видите ли, мои пациенты говорят только по-гречески.

— Но я собираюсь выучить язык, — пообещала Фиона. — Было бы замечательно: Шейн возвращается, а я уже обустроилась здесь.

— Он огорчится, что у вас случился выкидыш? — Доктор Лерос кое-что слышал о поведении Шейна перед отъездом из Агия-Анны. Он знал: никто не верил, что Шейн когда-нибудь вернется.

Бедная, добрая, обманутая девушка.

Но работы у него для нее не было никакой.

— Он по-своему расстроится, но, может быть, гораздо лучше, когда беременность планируется более тщательно. Он будет рад

узнать, что я здорова.

— Хорошо.

Славная девушка.

— А как насчет работы?

— Это невозможно, поверьте. Можете обратиться в гостиницу Анна-Бич.

— Да, но они на зиму закрываются, — вздохнула Фиона.

— Вы собираетесь жить здесь круглый год? — Он широко раскрыл глаза.

— Вонни живет, — оправдалась Фиона.

— О, это совсем другое.

— Почему другое? — воскликнула Фиона.

— Вы не знали Ставроса, — сказал доктор Лерос.

— А вы его знали?

— Да, он был моим лучшим другом.

— И где же он теперь?

— Не знаю, он уехал с острова. — Лицо его помрачнело.

Фионе отчаянно захотелось знать.

— Он когда-нибудь вернется, как вы думаете?

— Не теперь... Много воды утекло с тех пор. — Он встал, чтобы проводить ее. Консультация была закончена.

Йоргис колесил по Агия-Анне в поисках Фионы. Он был уверен, что встретит ее или кого-то из ее друзей. Он заметил ее с корзиной, покупающей овощи.

— О, прекрасно, Йоргис, вы тот, кто мне нужен. Как по-гречески «арбуз»?

— Карпуци.

— Отлично! Карпуци, карпуци, — радостно повторила она.

— У меня для вас письмо, — сказал Йоргис.

— От Шейна! Я знала, что он свяжется со мной. — Лицо ее засияло.

— Нет. Это от вашей подруги Барбары из Ирландии. — Он передал ей распечатанное электронное письмо.

Она едва взглянула на него, ужасно расстроенная, и просто положила в корзину.

— Вы всегда можете зайти в полицию и послать имейл в ответ, — предложил он.

— Нет, спасибо, Йоргис. А можно ли узнать, как там Шейн в Афинах?

Он прикусил губу и посмотрел на нее.

Определенно, не следовало скрывать от нее, что Шейн под следствием и не вернется за ней. Но в Афинах хватало и авторучек, и бумаги, и телефонов. Он мог бы с ней связаться, если бы захотел. А он этого не хотел.

Надо оставить все как есть.

— Карпуци, — сказал он, уходя.

— Это по-гречески «до свидания»? — спросила она.

— Нет, это арбуз, — засмеялся он. — Выбирайте самый крепкий.

Она присела возле кафе и достала письмо.

Ты, должно быть, удивилась, как Шерлок Холмс Барбара тебя отыскала, но это просто: у твоей мамы был номер, по которому ты звонила. Андреас сказал мне, что его брат работает в полиции и что у вас с Шейном замечательные друзья со всего света. Вот так новость!

О, мне тебя так не хватает в больнице. Кармел как старшая медсестра просто невыносима. Пугает больных, терроризирует медсестер, злит посетителей, носится повсюду, как сумасшедшая. У нас две новые медсестры с Филиппин, деликатные малышки, они чуть было не улетели обратно в Манилу, пока мы не сказали, что все сходим с ума от них.

В ортопедию требовались новые сестры, я думаю подать заявление. Какая радость работать с новыми коленками и новыми тазобедренными суставами. Есть какие-нибудь новости о том, когда вы с Шейном приедете? Если в конце лета, на рынке недвижимости появятся действительно отличные квартиры. Вы с Шейном могли бы купить какую-нибудь из них, и всего в десяти минутах от больницы. Мне бы самой хотелось, но вам придется двоим платить за нее.

На самом деле я рассказала твоим маме и папе про такую возможность, что вам бы понравилось жить там, когда вернетесь. Они даже глазом не повели. Помнишь, как они не могли даже имени его слышать? Ты, конечно, правильно все сделала.

Они очень образовались, когда ты позвонила по поводу этой трагедии. Наверное, было ужасно.

Тем не менее у тебя теперь есть мой электронный адрес. Расскажи мне, как вы там и как вам нравится Греция. Всегда хотела там побывать, но дальше Испании не выезжала. Помнишь, как мы были в Марбелле и встретили двух парней из Англии, которые поджарились на солнце до хруста и дали нам ключи от своей машины? Не сумасшедшие ли мы были тогда? Хотя ты до сих пор все та же!

*Люблю вас обоих,
Барбара.*

Барбара шлет свою любовь Шейну? Отец и мать смирились, что она будет жить с Шейном вечно? Мир слегка накренился.

Она прочла письмо еще раз и вернулась в номер Эльзы, чтобы приготовить суп и фруктовый салат.

Эльза остановилась возле сувенирной лавки Вонни и пригласила ее на обед.

— Фиона сегодня готовит, у нас будет девичник, — предложила она.

— Нет, спасибо, Эльза, очень мило с вашей стороны, но я должна работать.

— Работать? А чем вы занимаетесь?

— Каждую неделю навещаю группу слепых людей, которые ткут ковры. Я выбираю для них цветную шерсть. А потом продаю эти ковры. — Она пожала плечами, словно это была обычная работа, которую мог сделать каждый.

— Вы всегда знали, как ткать ковры? — спросила Эльза.

— Нет, не всегда.

— Тогда почему вы этим занялись, особенно со слепыми?

— О, мне надо было что-то дать взамен, и я поняла, что ткать лучше всего получается у слепых. Им надо было только, чтобы кто-то показал им, где красная пряжа, а где оранжевая.

— Что вы имеете в виду, говоря, что надо было дать взамен? — удивилась Эльза.

— Ко мне здесь слишком хорошо отнеслись однажды. Когда-то я была полное ничтожество, всем мешала жить, пугала их детей. Они мирились со мной, пока я не исправилась.

— Не могу поверить... вы могли пугать людей? — Эльза засмеялась, словно это была шутка.

У Вонни вид был очень серьезный.

— Ты мне не поверила. Но у меня было оправдание. Понимаешь, мой муж предал меня. Он играл в тавли в ресторанах и тавернах, я не возражала. Все так. Но когда он увидел красавицу Магду, он позабыл все на свете. Он был просто одурманен ею. И не вернулся ко мне. У меня был маленький сын, и люди помогали мне растить его, пока я работала на бензоколонке. Никогда этого не забуду... им было трудно встать на мою сторону. Я была чужестранкой... им следовало быть на его стороне, а не со мной.

— И что же случилось?

— Много чего случилось, — вздохнула Вонни. — Главное, что Ставрос ушел из нашего дома к ней.

— Нет! В этом маленьком местечке! — Эльза была потрясена.

— Размер места был ни при чем, на самом деле не важен. Ситуация такая же ужасная, как и в большом городе. Он просто не вернулся. Я наделала много глупостей. Именно тогда люди были невероятно терпеливы и добры со мной.

— Какие глупости? — поинтересовалась Эльза.

— В другой раз, как-нибудь. — Лицо Вонни снова стало непроницаемым.

— Просто недавно я тоже натворила много глупостей, и спокойнее думать, что и другие тоже, — объяснила Эльза.

— Этот парень, который останавливался в Анна-Бич и кричал звездам, как он тебя любит?

— Вы все знаете! — воскликнула Эльза. — Да, конечно, это он. И я его все еще сильно люблю, в том-то и проблема.

— Почему проблема?

— Ну, это довольно сложно.

— В этом деле всегда сложно, — посочувствовала Вонни.

— Думаю, да, но мы забываем это. Его зовут Дитер, он заведует телестудией, где я работаю... работала. Он всему меня научил, я у них стала как бы звездой, представляла большие программы новостей по

ночам. И, как водится, мы влюбились, сошлись, или как вы это называете, и прожили вместе больше двух лет.

— Вы живете вместе? — спросила Вонни.

— Нет, это не так просто.

— Он женат или еще что-то?

— Нет, это не то. Просто на такой работе, когда все знают, возникает неловкая ситуация.

Вонни взглянула на Эльзу в упор. Почему-то Эльза встревожилась и напряглась.

— Вонни, вы и представить себе не можете, как это там, словно в пекле. Все думают, что я получила эту работу потому, что жила с ним. Легко ему на его месте, и мне легко.

— Конечно. — Вонни не отставала. — Тогда что ты делаешь здесь?

— Я обнаружила в нем что-то очень холодное и бесчувственное.

— Что-то большее, чем нежелание афишировать ваши отношения? — спросила Вонни.

Теперь Эльза разозлилась:

— Вы просто не понимаете, это было обоюдное решение.

— Да, конечно, — сказала Вонни. — Так в чем же была его холодность и бесчувственность?

— Я узнала, что у него ребенок от женщины, с которой он встречался за несколько лет до меня.

— И что?

— Что значит «что»? У него ребенок, которого он никогда не признавал, девочка не является частью его жизни. Вы не считаете, что это плохо?

— Думаю, такое случается во всем мире каждый день, и люди выживают.

— Со мной было то же самое. Отец просто ушел. Не задумываясь ушел.

— И смотри, ты же выжила, Эльза! Такая красавица, умница, преуспевшая во всем. Это доказывает мои слова.

— Это ничего не доказывает. Вам неизвестно, что я чувствую, что я всегда чувствовала. А чувствую я, что настолько бесполезна, что даже мой отец не беспокоился обо мне.

— Пора стать взрослой, Эльза. В итоге мы все вынуждены рассчитывать только на себя. На себя и на друзей, если повезет их иметь. Мы не прикованы к своим детям, и они тоже. Нет такого закона, который говорил бы: «Ты должен любить свое дитя, а твое дитя должно любить тебя». Счастливые семьи — это игра, в которую люди играют, как в карты, и нет тут никакой реальности.

— Не знаю, что сделало вас такой суровой и циничной, но рада, что я так не чувствую, — обиделась Эльза.

— Ты хочешь, чтобы он изображал из себя субботнего папашу для ребенка, которого он, возможно, и не собирался иметь?

— Но девочка существует, и он должен сделать именно это.

— Ты ушла от него не из-за этого, — предположила Вонни.

— Извините?

— Ты ушла от него, потому что не доверяешь ему. Ты думала, что он в итоге признает, что ты нужна ему, как часть его жизни. Ты такая красивая, молодая, привыкла жить так, как хочешь. Если бы ты действительно его любила, то не думала бы об этом ребенке. Но нет, ты не уверена, что он вообще любит тебя. Именно поэтому ты цепляешься за тот случай из его жизни, который был задолго до вашей встречи. Тебе нужно оправдание, верно?

У Эльзы навернулись слезы от несправедливости таких нападок.

— Ах, как вы не правы! Он любит меня. Сами слышали, как он кричал об этом. И на следующее утро он возвестил об этом всем, когда садился на паром. Без него у меня в сердце такая огромная пустая дыра. Я решила вернуться в Германию как можно скорее, чтобы сказать ему, что тоже люблю его.

Вонни наклонилась к ней:

— Ты ни за что не примешь мой хороший совет, но не возвращайся туда, не останавливайся, оставь его. Остайся прекрасной, золотой мечтой для него. Он никогда тебя не полюбит так, как тебе хочется.

Эльза встала, не решаясь продолжать беседу. Ей показалось, что по боковой лестнице поднимается Томас в своих ужасных мешковатых штанах. Ей не хотелось говорить с ним или вообще с кем-то. Ей захотелось к себе в номер. Поскорее.

— Ты такая тихая, Эльза, — заметила Фиона. — Тебе не нравится этот вкусный, полезный суп, что я приготовила?

— Он отличный. Извини, мне сегодня как-то невесело. Не беспокойся, я справлюсь, сама не терплю угрюмых. — Она улыбнулась ослепительно-яркой улыбкой.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Фиона.

— В общем, да, как водится, я поругалась с Вонни по пустякам.

— Поругалась с Вонни?

— Знаю, это кажется невозможным, но именно это и случилось.

— Но о чем ссора? — Фиона была потрясена.

— Она знает обо мне и Дитере. Хочет, чтобы я бросила его, оставила его в покое.

Эльза ничего не рассказывала Фионе о своей ситуации до этого момента. Фиона просто онемела.

— Мы смотрим на вещи немного по-разному, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Но ты же его все еще любишь, не так ли?

— О да, совершенно определенно, и он чувствует то же самое, — ответила Эльза.

— Тогда в чем вопрос? — Фиона по этому поводу рассуждала совершенно ясно и деловито. — Ты должна вернуться к нему, что бы Вонни ни говорила.

Они все договорились встретиться в гавани в кафе после обеда и поговорить.

— У кого-нибудь из вас есть чувство, что мы просто убиваем здесь время... что надо бы заняться чем-то другим? — спросил Томас.

— Я тут счастлив, мне нравится, — возразил Дэвид.

— Мне тоже, — согласилась Фиона. — Я должна быть здесь, пока не вернется Шейн.

— Я, пожалуй, уеду обратно в Германию на следующей неделе, — сообщила Эльза. — Как раз обдумываю. А что вы, Томас?

— Вонни считает, что мне надо в Калифорнию к сыну. Но пока я не решил.

— Вонни занята выпроваживанием нас по домам! Как только Мария научится водить свой фургон, Вонни и меня выставит

налаживать мир с родителями и работать с отцом, — угрюмо предположил Дэвид.

— Она считает, что Шейн не вернется, говорит, что здесь нет работы, а мне лучше вернуться в Дублин.

— Она здесь больше полицейский, чем Йоргис. Считает, что мне пора прекратить отношения с человеком, который меня не любит, — хихикнула Эльза.

— Она никогда так не ставила вопрос, — сказал Дэвид.

— Почти в точности так, но я не такая, как вы все, мне она советует продолжать движение и не возвращаться домой.

Каждый выложил все, что узнал о Вонни: она приехала сюда с запада Ирландии более тридцати лет тому назад, потому что полюбила мужчину по имени Ставрос. Смогла купить ему бензоколонку, где работала день и ночь. У нее был сын, тоже Ставрос, с которым она теперь не видится. Ставрос-старший покинул остров, возможно, увезя с собой маленького сына. У Вонни были тяжелые времена, но люди Агия-Анны позаботились о ней, и она считала, что в долгу перед ними.

— Какие тяжелые времена? — задумалась Фиона. — Может быть, у нее был срыв, когда Ставрос ушел?

— Думаю, она стала алкоголичкой, — тихо сказал Дэвид.

Все были потрясены. Эта тихая, способная, собранная женщина — и алкоголичка? Невозможно.

— Почему ты так думаешь? — спросила Эльза.

— А вы заметили, что она никогда не пьет никакого вина или узо, вообще ничего спиртного? — задал вопрос Дэвид.

Они посмотрели на него с уважением. За столом с Вонни сидели они все, но только тихий, чуткий Дэвид заметил то, чего не смогли увидеть другие.

Глава двенадцатая

Вонни была права, говоря, что жители Агия-Анны встанут на ее защиту, плотным фронтом. Ни одному из четверых не удалось заполучить никакой информации.

— Кажется, Вонни владела той бензоколонкой, — небрежно спросил Йоргиса Томас.

Йоргис ответил так, что вышло ни да ни нет.

— Ей было жалко с ней расставаться? — спросил Томас.

— Не знаю, — ответил Йоргис.

— Или ей без нее стало легче.

— Вы живете в доме Вонни, могли бы расспросить ее сами, — вежливо закончил разговор Йоргис.

У Андреаса Дэвиду тоже не удалось ничего узнать.

— Вы, должно быть, знали мужа Вонни, Ставроса?

— Здесь все знают всех.

— Думаю, и Магду вы знали тоже?

— Как я уже сказал, это маленькое место.

— А их сын дружил с вашим сыном и с Маносом?

— В деревне все дети знают друг друга.

— Полагаете, я задаю слишком много вопросов, Андреас?

— Вас интересует это место и люди, которые здесь живут, и это хорошо, — ответил Андреас, но больше не вымолвил ни слова.

Эльза пыталась поговорить с Янни в деликатесной, когда покупала оливки и сыр. Это был мужчина лет шестидесяти. Он мог быть свидетелем той драмы.

— Замечательно, что Вонни стала частью этого города, не так ли? — начала Эльза.

— Вонни очень хорошая женщина, да.

— Думаю, вы знали ее, когда она была замужем за Ставросом? — продолжала Эльза.

— Она говорила с вами о Ставросе? — удивился Янни.

— Немного.

— Тогда, думаю, она расскажет вам о нем все, что захочет, — улыбнулся во все лицо Янни, обнажив зубы, многие из которых сияли золотом.

Даже Эльза, которая виртуозно умела брать интервью у политиков, крупных бизнесменов, писателей и актеров на немецком телевидении и ловко выуживать из них всю их подноготную, — даже она потерпела полную неудачу.

Фиона вошла в дом Элени с конфетами для детей.

— Хочу поблагодарить вас за доброту, когда я была нездорова, — обратилась она к Элени.

— Как вы теперь? — поинтересовалась женщина.

— В полном порядке, но немного грустно, потому что жду Шейна, — сказала она, — если он вернется, вас не затруднит сказать ему, где я остановилась?

— Шейн? О да. Я ему скажу, конечно. Если он вернется.

— Непременно вернется, Элени. Он меня любит.

— Да.

Возникла неловкая пауза.

Фионе больше не хотелось возмущаться, и она сменила тему:

— Вы знали Ставроса, мужа Вонни, давным-давно?

— Я плохо говорю по-английски. Когда этот Шейн приедет, я скажу ему, где вы. Спасибо за карамелес для детишек. Вы такая добрая, хорошая девушка.

— Вонни, поднимайтесь вверх, когда закончите. Выпьем апельсинового сока. О'кей?

— Стало быть, вы наконец-то заметили, что я пью только легкие напитки. — Она рассмеялась.

— Я нет, но Дэвид заметил, он из тех, кто все замечает. Тем не менее не важно, что вы пьете, мне просто надо с вами посоветоваться.

— Нет, не хотите. Вам нужно, чтобы я сказала, что все будет хорошо без каких-либо усилий с вашей стороны, не так ли?

— Если бы сказали мне убедительно, мне бы точно понравилось, — признался он.

— Буду через десять минут, — отозвалась она. Томас заметил, что на ней чистенькая желтая кофточка с маленькими вышитыми розочками. Она, должно быть, хранила свои вещи в сувенирной лавке.

— Какая прелесть, — указал он на вышивку. — Это вы сами сделали?

— Нет, это сделал кое-кто другой. Работе лет тридцать.

— Неужели? И кто же?

— Теперь не имеет значения, Томас. Она вышивала словно ангел. Томас сглотнул слюну. Слишком много вопросов.

— Кажется, я слишком любопытен, Вонни, простите, не обязательно все рассказывать.

— Ну что же, это уж как посчитаете нужным. Вы четверо так сильно интересуетесь мною... спрашиваете всех в Агия-Анне, — наивно улыбнулась она.

Томас уставился в пол.

— Вам все рассказали? — грустно произнес он.

— Конечно! — Для нее это было неудивительно.

— Простите, мы всюду суем свои носы. Поверьте, Вонни, вы особенная. Мы все восхищаемся вами.

— Польщена и потрясена. Но, пожалуй, расскажу вам все, что вы хотите знать. — Она улыбнулась ему, чтобы приободрить.

— Не знаю. Теперь, когда я могу задавать вопросы, не знаю, о чем спросить. Возможно, о том, счастливы вы или нет?

— Да, думаю, я совершенно счастлива, как это обычно бывает. А вы, Томас, счастливы?

— Нет. Не счастлив, и вы это знаете. Я все испортил с Биллом, вы же сами сказали. Но мы хотели поговорить о вас.

— Что же рассказать?

— Думаю, какой у вас был муж и что с ним случилось, — неуверенно произнес Томас.

Ему было неловко задавать наводящие вопросы, но Вонни чувствовала себя совершенно свободно.

— Очень трудные вопросы. Его звали Ставрос, он был очень смуглый, огромные карие, почти черные глаза, черные волосы, всегда до плеч, модно или немодно. Его отец работал парикмахером здесь и часто говорил, что стыдится своего дикого и заросшего сына и что Ставрос портит всю рекламу парикмахерских талантов его отца. Он не был высоким, скорее, вы бы назвали его крепышом. Как только я увидела его, поняла сразу, что никого другого мне не надо.

— А где вы с ним повстречались? Здесь, в Агия-Анне? — спросил Томас.

— Нет. Мы встретились в другом месте. В совершенно другом месте, — произнесла Вонни почти мечтательно.

— Мне умолять, чтобы вы рассказали, или сами расскажете?

— Я встретила Ставроса в Ардивине, в маленькой деревушке на западе Ирландии весной тысяча девятьсот шестьдесят шестого, еще до вашего рождения, Томас.

— Да, но я родился четыре года спустя, совсем скоро, — уточнил он.

— Он работал в гараже на главной улице. Там никогда прежде не видели никого более экзотичного. Настоящий живой грек на главной улице, на нашей единственной улице. В Ардивине больше ничего не было. Изучал английский, как говорил он, и торговлю автомобилями и просто хотел посмотреть мир. Прежде Лондон и даже Дублин. Но сказал, что у нас ему нравится, почти как у него дома в Агия-Анне. Все знакомо и удобно. — Она умолкла, задумавшись.

Томас не решался спрашивать ее дальше. Независимо от его расспросов она либо скажет больше, либо нет.

— Я еще училась в школе, выпускной класс. Родители надеялись, что по окончании удостоюсь распределения по специальности, получив место учителя начальных классов. Это было все равно что выиграть государственную стипендию, бесплатное обучение, карьеру, постоянную работу и пенсию.

— Но распределение не состоялось? — тихо предположил он.

— Не знаю, было оно или нет. Я не интересовалась, потому что была так влюблена в Ставроса, что до всего остального мне не было никакого дела. Я перестала ходить в школу, забросила учебу, не думала об экзаменах. Каждый день я мечтала лишь о том, чтобы спрятаться от сестры и украдкой пробраться на задворки «Ардивин моторс». Быть рядом с ним стало для меня главной целью.

Томас с удивлением слушал ее спокойный рассказ о первой любви.

— Поэтому хозяин гаража Джимми Кин стал подумывать, что Ставрос начал плохо относиться к работе, и поговаривал, что собирается его уволить. От тревоги за него я потеряла аппетит и сон. Что делать, если Ставросу придется уехать? Тогда я засела за учебу, пошла сдавать экзамены, но ни слова не понимала в вопросах и тем более не смогла на них ответить.

— Каковы были результаты? — по своей преподавательской привычке заинтересовался Томас.

— Не имею представления. Понимаете, в то лето в Ирландии произошло самое замечательное событие. Забастовка банковских служащих! — От воспоминаний у нее засверкали глаза.

— Банки забастовали? Не может быть!

— О да, они забастовали, — радостно сказала она.

— И как же люди с этим справились?

— Доверием в основном. Долговые расписки. Выпустили даже бланки чеков, чтобы как-то нормализовать ситуацию.

— И?..

— И то, что случилось потом, было почти чудом, — оживилась Вонни. — В супермаркетах собралось много наличности, а в банк не положишь, поэтому они обналичили эти чеки тем, кому доверяли. В большом городе в десяти милях от нас был супермаркет, где меня знали, потому что менеджер был кузенком моей мамы. Поэтому я обналичила чек на две с половиной тысячи фунтов. И в тот день Джимми Кен объявил, что увольняет Ставроса.

Вонни начала ходить по комнате, но рассказывать не перестала.

— Он говорил, что будет скучать по мне, что я была его настоящей любовью и что однажды мы обязательно встретимся, что он возвращается в Агия-Анну, что откроет там бензозаправочную станцию и пошлет за мной. Я спросила, почему нельзя уехать вместе сразу, — у меня есть деньги, чтобы ему помочь начать дело. Сказала, что это были мои сбережения.

— Конечно же, он был рад.

— О да, очень обрадовался, а мои родители нет. В тот день я сказала им, что мне семнадцать с половиной, что через полгода я могу выйти замуж без их согласия, и что они тогда сделают? Запрут меня? Они кричали и ругались, говорили о плохом примере для моей сестры, о том, как им потом смотреть в глаза людям Ардивина. Мой отец работал учителем, человек важный и уважаемый. Мама состояла в родстве с крупными владельцами сети магазинов в нашем районе. Позор на всю семью.

— Но вам было не до них.

— Я сказала, что уезжаю той же ночью. Мы так и сделали, уехали на семьсот тридцатом автобусе.

— А деньги?

— Ах да, деньги. Когда банковская забастовка закончилась, мы были уже в Агия-Анне. Прекрасное путешествие поездом и по морю, сэкономии всю кучу денег. Я к ним не прикасалась, пока мы не добрались сюда. Путешествовали по Италии и Швейцарии, питались сыром и хлебом. Никогда в жизни я не была так счастлива. Никто никогда не был так счастлив, как я тогда.

— А когда вы приехали сюда?

— Это не было так замечательно. Понимаете, это ужасно. Девушка, беременная от Ставроса, решила, что он вернулся, чтобы жениться на ней. Это была Кристина, сестра Андреаса и Йоргиса. Когда она поняла, что он вернулся не к ней, то пыталась покончить с собой, а вышло так, что убила не себя, а его ребенка, что носила под сердцем. Для всех это было страшное время.

— Что случилось с Кристиной?

— Она попала в больницу на горе, знаете, в ту, что по дороге в Калатрияду.

— Да, знаю. И... что было с вами, Вонни?

— Со мной? Я выучила греческий, купила бензоколонку, научилась менять колеса, накачивать камеры. Навещала Кристину каждую неделю. Она со мной не разговаривала сорок пять недель, но однажды заговорила. Потом ей стало лучше, и она вышла замуж за хорошего человека. У нее теперь дети и внуки. Живут на другом краю острова. Мы с ней часто видимся.

— Ставрос женился на вас?

— Была гражданская церемония в Афинах. Никто не воспринял это как настоящую свадьбу... ни моя семья в Ардивине, ни его семья здесь, в Агия-Анне.

Голос у нее зазвучал устало, но Томас знал, что подгонять нельзя.

— А в тысяча девятьсот семидесятом году, в тот самый год, когда вы родились в Калифорнии, появился на свет наш сын Ставрос. К тому времени люди ко мне привыкли. В церкви были крестины, и даже отец Ставроса смягчился и пел песни. Пришла Кристина и принесла мне все необходимое для малыша, что сшила сама, когда надеялась родить ребенка от Ставроса.

— Как интересно, — сказал Томас.

— Знаю. Конечно, ни слова из Ирландии. Я написала им, что у них теперь внук. Ничего в ответ.

— Они, наверное, были слишком расстроены.
— Последней каплей были деньги, которые я унесла.
— Ах да, деньги, — улыбнулся Томас.
— Но я всегда была готова вернуть все до последней монеты.
— Конечно, — согласился он, нисколько не сомневаясь.
— И я вернула, — добавила она, словно это было совершенно естественно.

Дэвид развернул письмо, первое письмо от родителей. Он сидел и читал с недоумением про их гордость и счастье по поводу приглашения на вручение премии отцу. Они прислали фотокопию, описали, какое тиснение было на карточке.

Дэвид знал про такие церемонии награждения. Бизнесмены похлопывали друг друга по плечу каждый год. Это была награда за умение зарабатывать деньги. Здесь уважали ни за какие-либо достижения, филантропию, щедрость и благотворительность. Здесь восхищались только громадными прибылями.

Мама не переставала ему писать про заседания в Таун-Холле, о том, во что они будут одеты, как будут стоять столы. Она интересовалась, как скоро он приедет домой ради этого события.

Он старался сдерживать себя и писал вежливые письма с объяснениями, почему его не будет. Письмо удобнее телефонного звонка. Нет опасности, что кто-то потеряет самообладание.

Фиона ходила в гостиницу Анна-Бич и отослала электронное письмо своей подруге Барбаре в Дублин.

Рада была получить от тебя письмо, очень рада. Господи, как здесь красиво, Барб, не нарадуюсь, что мы выбрали именно это место. Трагедия была ужасна, но люди исполнены мужества, они такие добрые. Шейн уехал в Афины на несколько дней по работе. Должен вернуться со дня на день. Я слежу за прибывающими паромами. Спасибо за рассказ про больницу. Представляю корову Кармел в роли старшей медсестры. Напишу еще, когда определюсь с нашими планами.

*Люблю,
Фиона.*

— Для вашей подруги из Германии есть факс, — обратился к Фионе человек из регистрации, когда она покидала Анна-Бич.

Она удивилась, как хорошо всем было известно, кто они такие.

— Я заберу его на виллу.

Она начинала осваиваться в Агия-Анне, даже знала короткий путь с одного конца города на другой. Листок с факсом она положила на стол перед Эльзой.

— Я бы прочла его, но здесь на немецком, — сказала Фиона.

— Да.

— Ты не собираешься читать его? Тебе не надо переводить, — удивилась Фиона.

— Знаю, что там, — ответила Эльза.

— Это достаточно странно с твоей стороны, — недоумевала Фиона.

— Он пишет, чтобы я собралась и вернулась туда, где мое место, а именно в его постель на две ночи в неделю, и никаких поползновений в сторону независимости.

— Может быть, там что-то другое, — успокоила ее Фиона.

— Ладно... переведу. — Она взяла лист. — Здесь совсем немного.

Эльза, дорогая.

Решение за тобой. Возвращайся ко мне, и мы переедем жить в квартиру, открыто, чтобы ни от кого не скрываться. Мы даже поженимся. Если тебе этого хочется. Я буду писать письма и посылать подарки ребенку, если это сделает тебя счастливой. Мы предназначены друг для друга. Ты это знаешь, я тоже. К чему эти игры? Сообщи мне факсом свое согласие как можно скорее.

Люблю до скончания веков,

Дитер.

В Чикаго Адонис держал в руках письмо с греческой маркой. Даже если итальянцы, у которых он работал, считали странным, что он никогда не получал писем из Греции, они никогда об этом ничего не говорили. Он унес письмо в подсобку и сел читать каракули отца.

«Адони моу, — начиналось письмо, а дальше простой рассказ о том, как на глазах всего города сгорел катер и люди не могли вовремя подоспеть. — На фоне этого все остальные события кажутся маловажными», — писал отец.

Споры о таверне столь ничтожны в сравнении с жизнью и смертью, сынок. Как бы я обрадовался, если бы ты вернулся в Агия-Анну и мы свиделись до моей смерти. Уверяю тебя, что не буду разговаривать с тобой в таком тоне, как прежде. Твоя комната всегда ждет тебя, если ты наведишь меня, и, конечно, приводи кого захочешь. Надеюсь, у тебя есть кого привести.

Адонис достал большой синий носовой платок вытереть слезы. Потом он еще поплакал, потому что привозить в дом было некого.

За Шейна залога внесено не было, поэтому после первичного слушания дела его вернули в тюрьму.

— Мне положен один телефонный звонок! — крикнул он. — Вы же входите в этот гребаный Европейский союз. Одна из причин, по которой мы вас впустили, именно эта, так что потрудитесь учитывать права человека.

Ему молча передали телефонный аппарат.

Он набрал номер полицейского участка в Агия-Анне, но никак не мог вспомнить имя того старика. Какого черта!

— Мне надо связаться с Фионой Райан, — сказал он.

— Извините? — спросил Йоргис.

— Звоню из полиции, или тюрьмы, или еще какой дыры в Афинах, — начал он.

— Мы вам сказали раньше, что ее здесь нет, — спокойно солгал Йоргис.

— Она должна быть там, она ждет от меня ребенка, она должна внести залог... — Голос у него стал испуганный.

— Я же сказал, извините, ничем не могу помочь, — ответил Йоргис и положил трубку.

Шейн попросил о втором звонке. Он так нервничал, что полицейский пожал плечами, но предупредил.

— Если это Ирландия, то не очень долго.

— Барбара! Какого черта, тебя так долго искали. Это Шейн.
— Я была занята, Шейн, на вызове.
— Могли бы поторопиться. Слушай, Фиона вернулась в Дублин?
— Что? Вы что, разбежались? — Она не смогла скрыть радости в голосе.
— Нет. Не будь душой, мне пришлось уехать в Афины...
— По работе? — сухо спросила Барбара.
— Вроде того... Эти недоумки в Агия-Анне говорят, что она уехала, поэтому возникли трудности с общением.
— О да, Шейн. Мне ужасно жаль.
— Тебе? Не может быть. Да ты просто рада.
— Чем могу помочь конкретно, Шейн? — спросила Барбара.
— Скажи ей, чтобы связалась со мной в... Нет, забудь, я сам ее найду.
— Ты уверен, Шейн? Буду рада помочь, — мурлыкала Барбара. Она не слышала ничего более приятного с момента, когда ее лучшая подруга Фиона связалась с этим противным Шейном.

Томас взглянул на Вонни, которая тихо рассказывала ему историю своей жизни. Теперь она поведала ему, как выплатила свой огромный долг. Сколько еще тайн было у нее?

— Вы расплатились с супермаркетом? — поинтересовался он.
— На это ушло немало времени... почти тридцать лет, — призналась она. — Но они получили обратно все до последнего пенни. Я начала со ста фунтов в год.
— Они вас поблагодарили? Простили?
— Нет, вовсе нет.
— Но родственник вашей мамы признал возвращение долга?
— Никак не признал. Нет.
— А вы поддерживаете отношения со своей семьей?
— Короткая, холодная записка каждое Рождество. И все это из христианского сострадания, как доказательство самим себе, что они великодушны, способны к всепрощению, да и то не долго. Я писала длинные письма, посылала фотографии маленького Ставроса. Но отношения сложились односторонние. А потом, конечно, все изменилось.
— Изменилось? Они приехали к вам?

— Нет. Хотела сказать, что изменилась я. Понимаете, сошла с ума.

— Нет, Вонни, вы — сумасшедшая? Этого я не понимаю.

У нее был усталый вид.

— Не говорила о себе сто лет, немного устала.

— Тогда прилягте в своей комнате, — заботливо произнес он.

— Нет, Томас, надо покормить кур.

— Позвольте мне сделать это за вас.

— Благодарю, но нет, и вот еще что, Томас... можете рассказать остальным все. Что слышали обо мне. Не хочу, чтобы они расспрашивали людей в городе.

Он смутился.

— Им вовсе не обязательно знать, никто не имеет права лезть в чужую жизнь.

— Остальное расскажу потом... знаете, как «продолжение следует». — Смех ее был необычайно заразительным.

Он заметил, что улыбнулся ей в ответ.

В ту ночь она домой не вернулась.

Позднее, выглянув в окно, Томас заметил в курятнике ее фонарь.

На следующий день Томас рассказал остальным историю Вонни. Они взяли за привычку собираться в полдень в кафе с плетеными столиками.

Дэвид доложил об успехах уроков вождения. Однажды они даже подвезли знакомых Марии. Дэвид не понял того, что они сказали, но по громким восклицаниям догадался, что они одобряют.

Эльза и Фиона умолчали про весточки из дома, но рассказали, что утром помогли старику красить деревянные стулья. Он хотел сделать их все белыми, но Эльза предложила один стул покрасить синим, другой желтым. Ему очень понравилось. Им показалось, что он остался доволен.

А Томас всех развлек рассказом о Вонни.

— Она сама захотела рассказать, словно бы решила выговориться с одним из нас.

Они задумались о стране, где бастуют банки.

— Действительно, отец рассказывал об этом. Говорил, что страна отлично обошлась без них. Было несколько афер, как у Вонни, тоже сбежали с небольшими суммами, но это мелочь, — вспомнила Фиона.

— Интересно, кому она расскажет следующий эпизод своей жизни, — задумалась Эльза.

Следующим был Дэвид. В тот же день после полудня.

Томас с Эльзой пошли прогуляться по берегу, Фиона ушла к Йоргису узнать, нет ли вестей из Афин. Дэвид сидел на валу гавани с греческим разговорником.

Вонни присоединилась к нему, чтобы помочь с произношением.

— Скоро заговоришь как местный, — ободрила его она.

— Едва ли. Но мне здесь нравится. У людей достойные ценности, они не одержимы деланием денег.

— Если хорошенько покопаться, у каждого найдется изъян, — заметила Вонни.

Он рассказал Вонни о приглашении отца на присуждение премии и о том, как смешно все это будет выглядеть. Он вынул приглашение из небольшого кейса для плеера, и она внимательно его прочла. Потом он дал ей письмо матери. К его удивлению, она читала со слезами на глазах.

— Ты, конечно, вернешься, — сказала она.

— Нет. Не могу. Через полгода будет еще что-то. Мне не уйти, засосет. Но, Вонни, вы, как никто, понимаете, как важно убежать. Вы же так и не вернулись в Ирландию, да?

— Да, но очень хотела, тысячу раз хотела вернуться и повидаться с родными. И на свадьбу сестры, и на банкет, когда папа ушел на пенсию, и когда мама была в больнице — всегда. Но меня не ждали, поэтому я не смогла.

— Почему вы уверены, что вас не ждали? — спросил Дэвид. — У вас были друзья, с которыми вы переписывались?

— Нет. Все мои подруги возненавидели меня. Я сделала все то, о чем они мечтали. Жила со взрослым мужчиной. Бросила школу, обналичила безнадежный чек во время банковской забастовки, сбежала на греческий остров. Нет, они со мной не переписывались... но, странно, Джимми Кейн посылал весточки. Думаю, он чувствовал себя виноватым. Если бы он не уволил Ставроса, ничего бы такого не случилось. Поэтому он, и только он отвечал на мои письма. Я сказала ему, что обрадовалась, когда он уволил Ставроса. Думаю, ему стало легче от моих слов. Он рассказывал мне обо всем, что случалось в

городе, и я кое-что знала про Ардивин. Не очень много, но хотя бы что-то.

— Он продолжал переписку?

— Да, но, понимаешь, тогда я сошла с ума, и это изменило все. — Она сказала это так просто, словно съездила куда-то на автобусе, а не сошла с ума.

— Это было не совсем сумасшествие, верно? — спросил Дэвид.

— О да, не совсем. Это из-за Магды. У нее был ужасный муж, бешеный по любому поводу, ревновал Магду ко всем. А на самом деле она только и делала, что убиралась в доме, готовила ему еду и не смела поднять головы, сидя за вышиванием. Мы думали, что это именно так. Возможно, она не оторвалась бы от вышивания, если бы Ставрос не обратил на нее внимания. Кто теперь знает?

— И вам она поначалу понравилась?

— О да, очень. Это была прелестная, нежная женщина с прекрасной улыбкой и сложной судьбой, бездетная, замужем за несносным человеком. Иногда у нее появлялись синяки или раны, но всегда она винила свою неловкость. Ставрос играл в тавли с ее мужем в кафе, как все остальные мужчины. Ему вовсе не хотелось слушать о том, что творится у них в доме: «Это их жизнь, Вонни, их семейная жизнь, нам незачем лезть...»

И, возможно, потому, что я была дико занята на работе и воспитанием маленького Ставроса... В общем, я ничего не замечала. Но однажды я вошла, чтобы забрать скатерть, а она там сидела, и кровь капала на белое полотно. Я побежала за старым доктором Леросом, отцом нашего доктора Лероса. Он забинтовал рану и сказал, что так больше продолжаться не может. Нам понадобился крепкий мужчина, кто-нибудь вроде Ставроса, чтобы справиться с ее мужем. Поэтому я передала Ставросу слова доктора. И на этот раз он меня послушал и взял еще двоих друзей. Не знаю, что там было, но, кажется, они прижали обидчика Магды и рассказали, что будет, если история повторится.

— Он все понял правильно?

— Очень правильно, и Магда больше не говорила, что неловкая, и впервые ходила с высоко поднятой головой. Именно тогда все заметили, какая она красавица. До тех пор все думали, что у нее только волосы красивые, — грустно произнесла Вонни.

— Вы догадались, что Ставрос... э... заинтересовался ею? — тихо спросил Дэвид.

— Нисколько. В Агия-Анне я оказалась последней, кто узнал об этом. Я слышала, что такое бывает, но не верила. Или считала, что такие жены просто идиотки. Но в итоге это обрушилось на меня.

— Как?

— Не самым лучшим образом. Малыш Ставрос был на бензозаправочной станции. Ему тогда было четыре годика. Он спросил, почему Магда всегда такая усталая. Я удивилась, с чего он так решил, а малыш Ставрос и говорит, что она всегда ложится в постель, когда приходит к нам в дом, и папа должен сидеть с ней. Помню, как сейчас: у меня так закружилась голова, что я едва не потеряла сознание. Магда и Ставрос? В нашем доме? В моей постели? Здесь было что-то не так. Какая-то ошибка.

— И что же вы сделали?

— Закрыла бензоколонку и рано утром на следующий день пошла домой. Малыш Ставрос играл во дворе. Наш дом был там, за домом Марии. Я взяла его за руку, отвела к соседям, вернулась в дом, тихонько открыла дверь и вошла. Было очень тихо, и вдруг я услышала их смех. Он называл ее пушистым кроликом, так же он звал и меня, когда мы занимались любовью. Я открыла дверь и смотрела на них с порога. Как она была красива со своими темными длинными кудрями и оливковой кожей. В зеркале я увидела свое отражение. Ничего хорошего. Никакого сравнения!

Они немного помолчали, и Вонни продолжила:

— Я подумала, зачем я пришла и помешала им? Теперь все раскрылось. Если бы я не вернулась, так могло бы продолжаться вечно, и все бы делали вид, что все хорошо. Все мы. Но, глядя на нее, на ее красоту, я поняла, что проиграла. Конечно, он предпочтет ее, а не меня. Поэтому я ничего не сказала, а просто глядела на них, как мне показалось, бесконечно.

Потом Ставрос сказал: «Пожалуйста, не устраивай сцен, Вонни, ты расстроишь ребенка». Вот о чем он подумал прежде всего — боялся расстроить малыша Ставроса! А меня расстраивать было можно! Я бросила семью, родину ради него. Вонни расстроить можно, ту Вонни, которая украла деньги, чтобы купить ему гараж, и которая работала в нем от зари до зари. Каждый день, чтобы дело процветало... Вдруг все

показалось напрасным, словно облупившаяся картина на стене. Теперь все было неправильно...

Дэвид слушал как замороженный.

— Я ушла. Из спальни, из дома, мимо малыша Ставроса, игравшего с другими детьми. Направилась в верх города, в маленький бар. Туда, где обычно сидели и пили старики. Заказала ракию, ты знаешь, самый крепкий напиток, который есть у них, похож на пойтин у меня дома. Я пила, пока не забыла то, как ее овальное красивое плечо прижималось к его груди. Напилась так, что свалилась на пол.

Они отнесли меня домой, ничего не помню, как это было. На следующий день я проснулась в нашей кровати. Ставроса нигде не было. Я вспомнила ее в этой самой кровати, и мне стало плохо. Маленького Ставроса тоже нигде не было. Я вышла на работу, но от запаха бензина и выхлопных газов мне снова стало худо. Я пошла в бар, где была накануне, извинилась за свое поведение и спросила, сколько должна. Они все качали головой, не хотели ничего брать с меня за то, что я опьянела от их ужасного и, возможно, не очень хорошего домашнего вина. Нервничая, я спросила, как меня встретили, когда они отнесли меня домой.

Магда отвела моего ребенка к его деду, парикмахеру. Ставрос лишь указал им на кровать и ушел. Больше они сделать ничего не могли. Тогда у меня был бренди, отличный бренди «Метакса», чтобы забыться. А потом я доплелась до бензозаправочной станции, но ни с кем не могла говорить и вернулась домой. Домой! Ох! В пустой дом. Пила четыре дня и ночи, потом догадалась, что они отобрали у меня ребенка. Словно во сне я слышала, что муж Магды уплыл на рыбацкой лодке на другой остров. А потом помню, что очнулась в больнице у дороги в Калатриаду. Кристина, которая была первой любовью Ставроса, навестила меня. «Притворись спокойной, притворись, и они тебя выпустят», — посоветовала она. И я притворилась.

— Сработало? — поинтересовался Дэвид.

— Лишь ненадолго. Ставрос со мной не разговаривал, не сказал, что сделал с моим сыном, и я знала, что не должна повышать голоса, иначе снова окажусь в той больнице, где все двери на замке.

— А что Ставрос?

— Переселился в дом напротив и жил с ней. Я знала, что все они следят за мной, поэтому не могла пить в баре на горе. Покупала

бутылки в разных местах и напивалась до потери сознания. В той кровати я не спала больше никогда, кроме ночи, когда меня пьяную принесли домой. Спала только на диване. Не знаю, как долго это продолжалось.

Потом Кристина помогла мне прийти в себя. Чистая, опрятная и относительно сдержанная, я отправилась на встречу с мужем. Он вежливо попросил меня уйти, оставить его. Я могла жить в доме. Он сменил все замки на бензоколонках, везде, и убрал мое имя с чековых книжек и ведомостей. Сказал, что наш сын живет в Афинах с тетей и что я никогда его не увижу. Он говорил со мной как с недоумком, что скоро собирается продать гараж, его гараж, и что Магда заберет маленького Ставроса, устроится на новом месте и создаст для него новые условия.

Вдруг я поняла, что именно это должно было случиться. Я останусь здесь одна, без сына, без любимого, без моего гаража, без возможности вернуться домой, с долгом две тысячи фунтов... Мне удалось выплатить пять раз по сто фунтов в год, что было очень трудно, когда я работала по девять часов в день. Где теперь я должна была взять эти деньги?

— Но, по справедливости, Ставрос знал о долге, определенно, он должен был предложить свою помощь. — Дэвид был в шоке.

— Нет, он так и не узнал об этом. Я ему не сказала. Он думал, что деньги мои, мое наследство, сбережения, — объяснила Вонни и ушла, оставив Дэвида сидеть на стене гавани с нераскрытым греческим разговорником и в раздумьях о том, что он только что услышал.

— Знаешь, чего я не понимаю? — сказала Фиона в тот день, когда они вместе пытались сложить мозаику жизни Вонни.

— Почему она не обратилась в суд? — предположил Томас.

— Она была не в том положении. Хищение денег как пятно в биографии, он предоставил ей жилье, к тому же она не знала обычаев чужой страны, — подхватила Эльза.

— Нет, обождите, почему Андреас сказал, что малыш Ставроса жил в таверне на холме и играл с его сыном, лазил с ним по деревьям? Он не мог делать это в четыре года.

— Может быть, Ставрос и Магда остались на острове подольше, намного дольше, — предположил Дэвид. — Для Вонни это могло быть

еще хуже — знать, что ее ребенок живет совсем рядом.

— Думаю, она расскажет кому-нибудь из нас, она обещала, — произнес Томас.

— Не хотелось бы подгонять ее, — признался Дэвид.

— С тобой легко разговаривать, Дэвид, не удивлюсь, если она снова захочет с тобой пообщаться, — улыбнулась ему Эльза своей очаровательной улыбкой.

Вонни заговорила с Дэвидом гораздо раньше, чем он ожидал.

— Сделай мне одолжение.

— С радостью, — ответил он.

— Мне надо отвезти немного гончарной глины и формы в больницу для их реабилитационных занятий. Поедешь со мной? Понимаешь, терпеть не могу ходить туда в одиночку. Все время кажется, что они снова запрут меня.

— Но вы там были недолго? — спросил Дэвид. — Разве Кристина не помогла вам выбраться оттуда, научив притворяться?

— О да. Это было в первый раз, но потом я туда вернулась, провела там годы, — спокойно ответила Вонни. — Давай возьмем фургон Марии?

— Да, конечно, — улыбнулся Дэвид.

— Ты что, передразниваешь мой акцент, парнишка?

— Передразнивать вас, Вонни? Я не смею!

— Там в саду есть замечательный уголок. Я покажу, — сказала она, когда все было передано по назначению и они сели рядышком, глядя вниз с одного из многочисленных холмов вокруг Агия-Анны. Она продолжила свой рассказ, словно не прерывала его.

На этот раз были заполнены некоторые болезненные пробелы.

— Когда я поняла, что потеряла все, решила больше не притворяться. Стала распродавать все из дома, из его дома, как я считала, и покупала выпивку. Поэтому снова попала сюда, как идиотка. Ставрос всем говорил, что я плохая мать. Тогда здесь не было никаких судов и социальных работников... а даже если и были, я не была в состоянии их понять. Раз в неделю я виделась с малышом Ставросом, по воскресеньям по три часа. И всегда при этом кто-нибудь присутствовал. Не он, не Магда, но отец Ставроса, иногда его сестра или Андреас. Они ему доверяли.

— Андреасу нельзя не доверять. И вы тоже доверяли?

— Конечно. Но эти встречи радости не приносили. Я обычно рыдала, оплакивая все, что потеряла. Этого не должно было случиться. И я прижимала к себе малыша, говорила ему, как сильно я его люблю и как он мне нужен. Он меня боялся.

— Нет-нет, — прошептал Дэвид.

— Именно так. Он ненавидел наши встречи. Андреас обычно увозил его на холм к себе домой, где качал его на качелях, веселил как мог после моих свиданий, а потом я напивалась, чтобы забыться. Так продолжалось годами, именно годами. Ему было двенадцать, когда они забрали его совсем.

— Они?

— Ставрос и Магда. Я тогда была заперта здесь. И как ни странно, когда они уехали, я вдруг поняла, что жизнь продолжается. В тот год один из жителей покончил с собой, и для всех это было потрясением, особенно для алкоголиков. Он тоже этим страдал, ты понимаешь.

Я образумилась. Звучит просто. Но на деле было совсем не просто. Но я справилась, хотя и слишком поздно.

Сын мой, уже подросток, исчез. Я так и не смогла выяснить куда. Его дед, старый парикмахер, в конце концов подобрел ко мне, но так и не сказал, где он. Я писала письма Ставросу-младшему в день его рождения, передавала их через деда, а позднее через его тетюшек каждый год. Даже в этом году, когда ему исполнилось тридцать четыре.

— И никакого ответа? — спросил Дэвид.

— Никогда ничего.

— Неужели Андреас не знает? Он такой добрый, он бы сказал вам или дал бы знать вашему сыну, какая вы теперь.

— Нет. Андреас тоже не знает.

— Он бы понял. Его собственный сын, эгоист, не хочет вернуться из Чикаго. Андреас знает, как это тяжело.

— Дэвид, послушай меня.

— Да?

— У всего на свете есть две стороны. Я была свинской матерью, когда Ставрос был маленький. Как теперь он поверит, что я милая и славная? Если бы он и согласился на контакт, это было бы только из жалости.

— Ему кто-нибудь может рассказать, — предложил Дэвид.
Вонни отмела эту идею.

— Послушай, Дэвид, Андреас знал все о том, как управлять таверной, когда Адонис подрастал. Как теперь Адонис может знать, что его отцу одиноко и грустно и что он не дожидается его домой?

— Я уже сказал, Вонни, ему кто-нибудь мог рассказать. Например, вы?

— Не смейся, Дэвид, зачем Адонису слушать старую дуру, почти такую же старую, как его отец? Он сам все должен понять.

— О, эти молодые люди такие глупые. Адонис в Чикаго, Ставропс еще где-то, почему они не додумаются вернуться к вам, не понимаю, — возмутился Дэвид.

— В Англии, наверное, много таких, которые недоумевают по тому же поводу, — заметила Вонни.

— Это совсем другое.

— То письмо все еще с тобой?

— Да, но это ничего не значит, — отмахнулся он.

— Дэвид, ты глупышка, я тебя обожаю, но ты совершенный недотепа. В письме мама умоляет тебя вернуться домой.

— Где это сказано?

— В каждой строчке. Твой отец болен. Возможно, он умирает.

— Вонни!

— Именно так, Дэвид. — Она посмотрела на море, как делала это много раз, когда погружалась в собственные мысли.

Глава тринадцатая

Эльза не ответила на письмо Дитера. Ей все еще требовалось время обдумать.

В искренности Дитера сомнений не было. Если он обещал жениться, значит, был готов к этому. После стольких лет независимости для него это не просто. От друзей ему достанется. Он возненавидит себя за это, что бросил собственного ребенка. И ему придется это признать, если он наладит отношения с Гердой. Он был готов на это ради Эльзы, он сам об этом говорил.

До того момента он искренне верил, что они могли бы жить вместе и что менять в этой ситуации было совершенно нечего. Но, встав перед выбором, он его сделал. Эльза могла сообщить ему, когда вернется домой, и он будет ее ждать.

Так что же удерживало ее?

Эльза вышла из города на одну из дорог, обдуваемых ветрами. Здесь она еще не бывала и, собираясь скоро уезжать, хотела хорошенько запомнить все вокруг.

Никаких ресторанов, традиционных таверн или сувенирных ларьков на этой дороге не было. Маленькие бедные домишки, возле которых паслись одна-две козы, детишки играли среди кур с цыплятами.

Эльза остановилась и стала разглядывать их.

Были бы у них с Дитером дети? Маленькие белокурые мальчик и девочка, не похожие на этих темноглазых греческих детей ни в чем, кроме улыбки.

Снимет ли это боль? Да и как отнесутся ее дети к тому, что у них есть единокровная сестра Герда, которая и не знает об их существовании?

Она улыбнулась себе, что так размечталась, когда неожиданно из одного дома вышла Вонни.

— Господи, Вонни, вы повсюду.

— То же самое могу сказать о тебе! Куда ни пойдешь, везде натыкаешься на кого-нибудь из вас, — радостно воскликнула Вонни.

— Куда ведет эта дорога? Забрела сюда из любопытства.

— Она вообще-то никуда не ведет... дальше все то же... Но мне надо кое-что доставить дальше по дороге, пойдём со мной, вместе веселее.

Вонни выглядела необычно подавленной.

— Что-то случилось? — любопытствовала Эльза.

— В доме, где я только что была, беременная женщина. Отец ребенка был среди погибших на катере Маноса. Она не хочет рожать. Все так перепуталось. Доктор Лерос не может слышать об аборте, поэтому она собирается к старухе, которая этим «занимается», как она выражается, там, в деревне, километрах в пятидесяти отсюда. Она может погибнуть, определенно, может случиться заражение. Ну почему она не хочет родить и любить этого ребенка, это же так естественно. Я целый час ее уговаривала, обещала помочь с уходом за малышом. Да разве она послушает! Нет.

— Для вас, Вонни, это непривычная ситуация, — пошутила Эльза.

— Почему ты так думаешь?

— Мы все к вам прислушиваемся, внимаем всему, что слышим, поверьте. Часами говорим о вас с Дэвидом о вашей теории, что его отец, может быть, болен.

— Не может быть, а болен, — уверенно сказала Вонни.

— Да, вы правы. Его надо встряхнуть, заставить задуматься. И вы преуспели... он собирается сегодня позвонить домой.

— Отлично. — Вонни одобрительно кивнула. Она остановилась возле маленького, запущенного домика. — Мне в этот дом, пойдём со мной. Надо передать Николасу волшебное снадобье. — Из вязаной сумки на плече она вынула маленький глиняный горшочек.

— Вы и снадобья готовите? — ахнула Эльза.

— Нет, вообще-то это антибиотик, но Николас не доверяет врачам и современной медицине, поэтому мы с доктором Леросом придумали маленькую хитрость.

Эльза наблюдала, как Вонни бродила по дому старика, поднимая кое-что в одном месте, прибрала в другом, беспечно болтая по-гречески. Потом она достала волшебную мазь и торжественно намазала большую рану у него на ноге.

Когда они уходили, старик улыбался им обеим.

Эльза и Вонни побрели обратно, оживленно болтая. Вонни рассказывала Эльзе про места, которые они проходили, называла их,

объясняла, что это означало на английском.

— Вам здесь нравится, не так ли? — спросила Эльза.

— Мне повезло, что я нашла это место. Возможно, я могла отыскать что-то другое, но Агия-Анна была добра ко мне, я бы нигде больше не смогла жить.

— И мне жаль уезжать, действительно жаль, — призналась Эльза.

— Разве ты уезжаешь? Возвращаешься в Германию? — Казалось, что Вонни вовсе не рада.

— Да, конечно, надо ехать.

— Правильнее было бы сказать, надо вернуться к тому, от чего убежала.

— Вы не знаете... — начала Эльза.

— Знаю то, что ты мне рассказала, как ты решила убежать от сложной ситуации, и как он приехал сюда, нашел тебя, и как заставил тебя думать иначе.

— Нет, он не заставил меня думать иначе... Я сама передумала, — огрызнулась Эльза.

— Неужели?

— Да, Вонни, вы, как никто другой, должны знать, как это: любить кого-то и сбежать из-за него на край света. Вы сделали то же самое. Ради всего святого, вы должны понять.

— Я была совсем ребенком, когда сделала это, школьницей, а ты взрослая женщина, сделавшая свою карьеру, жизнь, уверенная в будущем. Нас нельзя сравнивать.

— Можно. Мы совершенно одинаковые. Вы любили Ставроса и ради него бросили все. Я делаю то же самое ради Дитера.

Вонни остановилась и взглянула на Эльзу с изумлением.

— Ты не смеешь утверждать, что мы совершенно равны. Что теряешь ты? Ничего. Ты все получаешь обратно — работу, мужчину, которому все еще не доверяешь, ты возвращается ко всему, от чего сбежала, это победа...

Эльза разозлилась:

— Неправда, Дитер хочет жениться на мне. Теперь все будет в открытую. Будем жить вместе, как муж и жена. Не станем больше скрываться, а потом поженимся. — Глаза ее засверкали.

— А первопричина, из-за которой ты сбежала... все это ради того, чтобы заставить его жениться, да? Мне казалось, ты говорила о

чувстве вины, потому что он бросил свою дочь и посчитал это нормальным. Неужели отвращение к нему исчезло?

— Жизнь одна, Вонни. Приходится брать то, что хочется.

— Независимо от того, кто нам это дает?

— Вы взяли то, что хотели, верно?

— Ставрос никому не был обязан, он был свободен.

— Как насчет Кристины?

— Я не знала про нее, пока не приехала сюда, и он ее бросил, а ребенок умер. Так что все было по-другому.

— А как насчет денег? Вы украли деньги. Вы не можете претендовать на безупречность, — рассвирепела Эльза.

— Это были всего лишь деньги, и я их вернула до последнего пенни!

— Вы не могли, это бред, Вонни. Вы же ничего не зарабатывали. Не вылезали из больницы. Где могли вы взять деньги?

— Я скажу тебе где. Мыла полы в полицейском участке, нарезала овощи в таверне у Андреаса, убиралась на кухне в деликатесной, учила английскому языку в школе... однажды я стала достаточно приличной, чтобы они доверили мне своих детей.

— Вы все это делали? Полы мыли?

— У меня не было твоей квалификации, Эльза... И я не была так уверена в своей красоте. Как еще могла я заработать?

— В итоге вы смогли избавиться от Ставроса, не так ли? Забыли его?

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Мне надо знать, если я захочу решить по-другому.

— О нет, Эльза, ты уже сделала свой выбор. Возвращайся и возьми то, что хочешь.

— Почему вы такая жестокая и злая? — зарыдала Эльза.

— Я жестокая и злая? Я? О, Эльза, опомнись, ради бога. Ты только послушай, что несешь. Я говорила уже, что ты привыкла жить по-своему. И я уверена в этом. В красоте есть безрассудный эгоизм. Магда была такая же, ты тоже. Это смертельно, потому что дает слишком много силы. На время.

— Магда подурнела? Вы об этом знаете?

— Откуда я знаю?

— Могли узнать, кто-нибудь сказал, — усмехнулась Эльза.

— Как ни смешно, мне действительно сказали, несколько человек доложили. Она и вправду стала некрасивой и почти потеряла Ставроса. Появилась молодая женщина, которая работает у них, И Ставрос с ней довольно часто видится. — От этой мысли Вонни заулыбалась.

— Что за люди рассказывают вам эти истории?

— Дай-ка разберусь, что за люди... Возможно, те, кто считает, что я заслужила какую-то компенсацию за то, что потеряла все и стараюсь из последних сил вернуть себе уважение.

— Вам же нет дела до респектабельности, — фыркнула Эльза.

— Очень даже есть, уважение необходимо нам всем, чтобы ладить с собой и найти во всем какой-то смысл.

— Вы свободны духом, вам же нет дела до того, что думают люди, — настаивала Эльза.

— Мне есть дело до того, что я думаю о себе, О да, и, кстати... я смогла избавиться от Ставроса, хотя и думаю о нем иногда. Знаю, что теперь голова его седая. Но хотелось бы увидеть его на улице и посмотреть, сможет ли он говорить, как разговаривают нормальные люди. Но этого не случится.

— Хорошо, вернемся к моей ситуации, — деловито перебила ее Эльза. — Зачем мне возвращаться к Дитеру? Скажите мне просто и спокойно, без эмоций. Пожалуйста.

— Это не имеет значения, Эльза, — вздохнула Вонни. — Ты не собираешься прислушиваться к моим советам. Ты сделаешь так, как хочешь. Забудь, что я говорила.

И до города они шли молча.

— Ширли.

— Да, Томас?

— Энди рядом?

— Ты же не хочешь говорить с Энди?

— Нет, просто надеялся поговорить с сыном без атлета Энди, прыгающего вокруг с мячом и заманивающего ребенка на очередную тренировку.

— На скандал напрашиваешься, Томас?

— Нет, конечно нет, просто заявляю прямо, что хочу поговорить с ребенком. О'кей?

— Ну ладно, обожди. Позову его.

— И, пожалуйста, чтобы верзила Энди не маячил рядом.

— Ты, как обычно, трусишь. Энди всегда старается не мешать, когда ты звонишь, и лишь потом спрашивает Билла, как он поговорил с папой. Проблемы создаешь только ты.

— Ширли, пожалуйста, позови его. Это же международный звонок, — взмолился Томас.

— Чья же вина?

Он почти услышал, как она пожала плечами.

— Привет, папа.

— Билл, расскажи, что ты делал сегодня, — спросил он и едва слушал, пока мальчик рассказывал про семейные соревнования в университете. Они с Энди выиграли забег на трех ногах.

— Называется забег папа — сын? — с горечью уточнил Томас.

— Нет, папа, они теперь так не называют. Знаешь, сколько семей переделались?

— Переделались? — задохнулся Томас.

— Это наша учительница так говорит, когда многие разводятся и все такое.

Слово не было слишком плохим, но оно напомнило обо всей этой истории.

— Конечно, так как же они это называют теперь?

— Забег старших и младших.

— Отлично.

— Ты чем-то расстроен, папа?

— Ты теперь один, только мы с тобой?

— Да. Энди всегда уходит во двор, когда ты звонишь, а мама на кухне. Зачем тебе знать.

— Хотел сказать, что люблю тебя.

— Папа!

— Все нормально, просто сказал. Больше не буду. Сегодня купил тебе прекрасную книгу. Здесь, в этом местечке, есть книжный магазин. Истории и мифы Древней Греции, но написаны для современного читателя. Сам читал все утро. Ты знаешь какие-нибудь греческие мифы?

— Это про тех ребят, которые плавали за золотым руном, греческая история?

— Конечно, расскажи мне про них. — Томас остался доволен.

— Это про брата и сестру, которые катались на спине барана...

— Ты в школе об этом узнал?

— Да, папа, у нас новая учительница истории, и она все время заставляет нас много читать.

— Это отлично, Билл.

— Будет здорово, когда у меня в следующем году появится братик или сестренка.

Сердце его стало тяжелым, словно кусок свинца. Ширли была беременна снова, и, конечно же, у нее не хватило такта или смелости сказать ему. У них с Энди теперь будет семья, а она смолчала. Никогда прежде Томасу не было так одиноко. Но для Билла все двери его души должны быть открыты.

— Отличная новость, конечно. — Он процедил это сквозь зубы.

— Энди уже покрасил детскую для малыша. Я рассказал ему, как ты сделал такую же для меня, и даже книжные полки поставил еще до моего рождения.

У Томаса навернулись слезы, и он почувствовал, что настроение было испорчено.

— Ну что же, полагаю, Энди позаботится о новых полках для всяких тренажеров и спортивного инвентаря для бедного малыша. К черту книги.

Он услышал, как у Билла перехватило дыхание.

— Это несправедливо, папа.

— Жизнь несправедливая штука, Билл, — выпалил Томас и бросил трубку.

— Расскажите мне все, — предложила Вонни, увидев лицо Томаса спустя пару часов.

Томас застыл в кресле. Просидел так весь день.

— Ну же, Томас, снова все испортили со своим малышом, не так ли?

— Я удалился, чтобы дать ему время и место, сделал все, что мог. А что бы сделали вы?

— Вернулась бы к нему, заявила бы права на свою территорию, была бы с ним рядом.

— Ширли беременна, — равнодушно бросил Томас.

— Теперь, когда мать беременна, вы будете нужны ему еще больше. Но нет, вам надо быть благородным, недосыгаемым и разбить сердце сына, давая место и время, которые ему не нужны.

— Вонни, вы единственная из всех знаете, как трудно вести себя правильно с ребенком. У вас жизнь ушла на сожаления по этому поводу. Вы должны понять.

— Знаете, я ненавижу выражение «единственная из всех должна знать то или это». Почему я, из всех людей, должна что-либо знать?

— Потому что у вас отобрали ребенка, вам знакома эта боль, другие только догадываются.

— На таких, как вы, у меня не хватает терпения, Томас. Совсем не хватает. Я знаю, что из другого поколения, сын мой почти вашего возраста, но я никогда так не жалела себя, как вы. Тем более что решение проблемы в ваших собственных руках. Вы любите этого мальчика, и вы единственный, кто создает пропасть между вами.

— Вы не понимаете. Я в творческом отпуске.

— Они не ФБР, чтобы следить за вами, если вы вернетесь домой к собственному сыну.

— Неужели все так просто, — вздохнул он.

Вонни направилась к двери, словно хотела уйти.

— Ваша спальня там, Вонни. — Он кивнул в сторону свободной комнаты.

— Хочу спать с курами, — отрезала Вонни. — Они очень успокаивают, просто кудахчут и копошатся и не усложняют жизнь понапрасну.

Она ушла.

Фиона разговаривала о работе с господином Лефтидисом, управляющим гостиницей в Анна-Бич.

— Я могла бы присматривать за детьми ваших постояльцев, я квалифицированная медсестра, понимаете, со мной дети будут под надежным присмотром.

— Вы не говорите по-гречески, — возражал управляющий.

— Нет, но большинство посетителей говорят по-английски, даже шведы и немцы.

Она заметила, как Вонни шла через фойе, осматривая полки сувенирных ларьков гостиницы.

— Вонни скажет за меня, — обрадовалась Фиона. — Она подтвердит, что на меня можно положиться. Вонни! — позвала она. — Скажите господину Лефтидису, что из меня выйдет хороший работник.

— В качестве кого? — резко спросила Вонни.

— Мне же надо где-то жить, когда Эльза уедет. Я просила господина Лефтидиса разрешить мне работать здесь за стол, кров и совсем ничтожную плату. — Фиона умоляюще взглянула на женщину.

— Зачем тебе работа... разве ты не уезжаешь домой? — не сдавалась Вонни.

— Нет, вы же знаете, я не могу уехать, пока Шейн не вернется.

— Шейн не вернется никогда.

— Это неправда. Он обязательно вернется. Пожалуйста, скажите господину Лефтидису, что я надежная.

— Ты не надежная, Фиона, ты себя обманываешь, думая, что этот парень приедет к тебе!

Господин Лефтидис смотрел то на одну, то на другую, словно они играли в теннис, и решил, что с него довольно. Он пожал плечами и ушел.

— Вонни, зачем вы это делаете? — В глазах Фионы заблестели слезы обиды.

— Фиона, ты глупо выглядишь. Все тебе сочувствовали и жалели после выкидыша и всего прочего. Но теперь ты должна собраться с мыслями. Ты должна понять, что для тебя здесь нет будущего, нечего тебе сидеть и глупо поджидать того, кто не собирается к тебе возвращаться. Уезжай в Дублин и возьми судьбу в свои руки.

— Вы такая жестокая и холодная. Я думала, вы мне друг, — хрипло произнесла Фиона.

— Я твой самый лучший друг, если бы у тебя хватило ума это понять. Почему друг должен помогать тебе устроиться там, где нет работы, и продлить твои мучения? Что ты можешь сама по себе?

— Я не буду сама по себе. У меня есть друзья, Эльза, Томас, Дэвид.

— Они все уезжают. Запомни мои слова, ты останешься одна.

— Какое имеет значение, что я сама по себе? Шейн приедет ко мне, несмотря на то, что вы о нем думаете. Теперь мне надо искать работу где-то еще, и жилье тоже. — Она отвернулась, чтобы не показать, что плачет.

— Вонни понравится «Утреннее сияние»? — Андреас частенько заглядывал в сувенирную лавку и угощал ее трехцветным мороженым на стальном блюде из деликатесной Янни через дорогу.

— Нет, хочу бутылочку водки и льда побольше, — сказала она.

Андреас был потрясен. Вонни никогда не шутила по поводу своего алкоголизма и запойного прошлого.

— Какие-то проблемы? — спросил он.

— Да есть немного. Пришлось поцапаться с каждым из этих заморских детишек.

— Мне казалось, что они тебе нравятся, они все к тебе очень привязаны. — Андреас чрезвычайно удивился.

— Не знаю, в чем дело, Андреас, но ничто не в радость мне эти дни. Все, что они говорят, меня раздражает.

— На тебя не похоже. Ты всегда такая спокойная, все стараешься сгладить...

— Не теперь — нет, я не такая, Андреас. Кажется, что я все взбаламутила. Думаю, это из-за трагедии на море и напрасных жертв. Все теперь кажется бессмысленным. Не вижу смысла ни в чем. — Она бродила по своему маленькому магазину.

— В твоей жизни много смысла, — заверил он.

— Разве? Неужели что-то есть? Сегодня я ничего не вижу. Думаю, я глупая женщина, застрявшая здесь, вдали от дома, пока не умру.

— Вонни, мы все тут застряли до конца своих дней, — удивился Андреас.

— Нет, ты не понимаешь, во всем какая-то бессмыслица. Так я чувствовала себя много лет тому назад, и тогда я забиралась на самый верх города и пила до бесчувствия. Не дай мне скатиться по этой дорожке снова, Андреас, мой дорогой друг.

Он взял ее руки в свои.

— Конечно, не дам. Ты так боролась за то, чтобы выбраться из этой пропасти, никто не позволит тебе свалиться туда снова.

— Но какая у меня бестолковая жизнь... людям пришлось ходить за мной, присматривать. Думаю, рассказав этим юнцам свое прошлое в эти два дня, я поняла, какая была глупая, какая эгоистка. Поэтому и напиться снова захотелось, чтобы забыться.

— Ты обычно забываешь о своих проблемах, помогая людям, это тебя спасает, именно поэтому они все тебя так любят.

— Возможно, но на меня это уже не действует. Больше не хочется помогать, только забыться, и все. Да и люди меня больше не любят. Уверена, все теперь от меня за сотни километров.

У Андреаса вдруг возникла идея.

— Вонни, мне нужна твоя помощь, у меня совсем плохие руки, не могла бы ты помочь мне приготовить долму? Пальцы не сгибаются, не получается навертеть все эти листья. Пожалуйста, запри свой магазин и пойдем ко мне в таверну. Сделай одолжение, ладно?

— И, конечно, у тебя будет полно кофе и мороженого, чтобы отвлечь меня от зеленого змия. — Она слабо улыбнулась ему.

— Конечно. Именно это я и задумал, — подтвердил Андреас, и они вышли из дома вместе.

Томас бегом спустился по выбеленной наружной лестнице, но их он, вероятнее всего, не заметил, потому что пробежал мимо, даже не поздоровавшись.

В полдень они снова сидели в ресторанчике в гавани и обсуждали Вонни.

— Не понимаю, чего она напала на меня, потому что, если честно, с Шейном у многих натянутые отношения, — начала Фиона. — Но почему вы все тоже? Не понимаю.

На минуту они задумались.

— Со мной все понятно, — сказала Эльза. — Я для нее стерва, которая шантажом заставила бедного, невинного молодого человека жениться на себе.

— И он действительно сделал вам предложение? — спросил Томас.

— Да, но все не так просто. Почему Вонни напустилась на вас? — сменила тему Эльза.

Томас задумчиво почесал в затылке.

— Если честно, не знаю, что ее раздражает во мне так сильно. Но она не перестает говорить о том, что у меня был выбор в ситуации с моим сыном, а у нее нет. Хотелось сказать, что я, по крайней мере, не сошел с ума и не спился, как она. Но обижать ее я не собирался,

просто хотелось согласиться, что старался сохранить уважение и делать все правильно.

Дэвид попытался заступиться за Вонни:

— Вы не можете не замечать, почему она вам завидует. Если бы у нее была возможность хотя бы приблизиться к своему сыну, она бы не задумываясь была с ним. Она знает, что целиком виновата в случившемся... Именно поэтому она такая злая.

— Ты слишком добрый, Дэвид. В конце концов, к тебе она так же беспощадна, как ко всем, — сказала Фиона.

— Да, но понимаете, она не знает, что за люди мои родители. Я читал и перечитывал это письмо и не нашел даже намека, что папа болен...

— Но, Дэвид, почему именно она обозлилась на тебя? — спросила Эльза.

— Потому что я сказал, какой Андреас замечательный человек и какой эгоист его сын, который не помогает ему. Она возразила, что я возвысил Андреаса на какой-то пьедестал и многие сказали бы, что я такой же, как Адонис, потому что сбежал, вместо того чтобы помочь своему отцу. Но, конечно, все совершенно иначе. — Он оглядел всех за столом и увидел по их лицам, что сам мало чем отличается от Адониса. — Я должен идти на урок вождения с Марией, — сказал он несколько сурово и ушел в дом, где молодая вдова в черном поджидала его на пороге.

Дэвид уже мог немного говорить на плохом греческом с Марией, кое-как, но все же понимая, что она сожалеет по поводу его отъезда. Вонни сказала ей, что его отец в Англии болен.

— Нет! — воскликнул Дэвид. — Он здоров! Очень здоров!

— Вонни говорила, что вы звонили домой, — сказала Мария.

Объяснить ситуацию людям, не понимавшим английский, было достаточно сложно, а Марии просто невозможно.

— Я не звонил домой, — запинаясь, произнес Дэвид по-гречески.

— Яти? — спросила она. По-гречески это означало «почему».

Ответа у Дэвида не было.

Вонни молча заворачивала в виноградные листья кедровые орешки с рисом.

Андреас посмотрел на нее из-под своих густых бровей. Она не напрасно тревожилась. Состояние у нее было такое же, как во времена, когда она начала спиваться много лет назад.

Он подумал, не станет ли она снова искать встречи с его сестрой Кристиной. Они с Вонни были хорошими подругами и очень друг друга поддерживали. Но тогда он шагу не сделает, не посоветовавшись с Вонни.

Лицо у нее было в морщинах, как прежде, но теперь добавилась сильная тревога. Она хмурилась и кусала губы.

Они сидели на открытой террасе с видом на город. Дважды она вставала и уходила на кухню. Он незаметно наблюдал за ней. Один раз она потянулась к полке с бренди и оливковым маслом.

Но взять с полки не посмела.

Второй раз она просто вышла в кухню и посмотрела в ту сторону. Но ничего не взяла. Дыхание у нее участилось, словно она бежала.

— Вонни, чем тебе помочь? Скажи, — взмолился он.

— За всю жизнь я не сделала ничего стоящего, Андреас. Что же кто-то может сделать для меня? Хоть что-нибудь?

— Ты всегда была хорошим другом моей сестре, моим другом, всех в Агия-Анне. Это чего-то стоит, не так ли?

— Не совсем. Мне не надо жалости, терпеть этого не могу, просто не вижу в прошлом ничего путного, ни в настоящем, ни в будущем. — Голос у нее стал совсем обреченным.

— Ну, тогда лучше всего открыть бутылку бренди, — сказал Андреас.

— Бренди?

— Бренди «Метакса». Там, на полке, ты все утро искала. Бери, пей, тогда никто не будет гадать, когда ты снова начнешь.

— Почему ты так говоришь?

— Потому, что это опасный путь. Можешь забросить работу, дисциплину и в одночасье перечеркнуть все годы. Потому что ты найдешь свое забвение, которого так хочешь, и, возможно, очень скоро, потому что сильно отвыкла.

— И ты, мой друг, будешь глядеть, как я спиваюсь?

— Если ты очень этого хочешь, то делай лучше здесь, подальше от глаз людских в Агия-Анне, — философски промолвил он.

— Не хочу, — жалобно произнесла она.

— Да, я это знаю. Но если ты ничего не видишь в прошлом, настоящем или будущем, то тебе лучше выпить.

— А ты видишь какой-нибудь смысл хоть в чем-то? — спросила она.

— В иные дни труднее, чем в другие, — ответил он. — Вонни, у тебя везде хорошие друзья.

— Нет, я с ними со всеми постоянно ссорюсь.

— О ком ты думаешь?

— Об этой глупенькой Фионе. Сказала ей, что ее парень не вернется. Она расплакалась. Но я-то знаю, где он, а она не знает.

— Тише, тише, сама-то не расстраивайся.

— Я не имела права так поступать, Андреас. Я не Господь Бог.

— Ты сделала это в ее же интересах, — успокоил он.

— Я должна ей сказать, где он, — вдруг встрепенулась Вонни.

— Сомневаюсь, что это мудро.

— Можно воспользоваться твоим телефоном, Андреас?

— Пожалуйста...

Она набрала номер и заговорила с Фионой:

— Звоню, чтобы сказать, что не имела права кричать на тебя сегодня. Я очень сожалею, очень.

Андреас ушел, чтобы не мешать ей. Он знал, как трудно Вонни признаться в собственной неправоте.

В номере Эльзы Фиона глядела на трубку телефона в полном недоумении. Она ожидала всего, но только не этого. Она не знала, что сказать.

— Все нормально, Вонни, — неуверенно пробормотала она.

— Ничего хорошего тут нет. Он молчит потому, что он в тюрьме в Афинах.

— Шейн в тюрьме! О господи, за что?

— Что-то связанное с наркотиками.

— Неудивительно, что от него никаких вестей. Бедный Шейн... Неужели они не позволили ему связаться со мной, чтобы сообщить?

— Он пытался с тобой связаться в итоге, но лишь для того, чтобы ты внесла за него залог, и мы сказали...

— Ну конечно, я внесу залог. Почему мне никто не сообщил?

— Потому, что мы решили, что без него тебе будет лучше, — запинаясь, произнесла Вонни.

Фиона рассвирепела:

— «Мы решили». Кто это «мы»?

— Йоргис и я, но в основном я, — призналась Вонни.

— Да как вы посмели, Вонни? Как смеете вы вмешиваться в мою жизнь? Теперь он думает, что я не потрудились связаться с ним. И все из-за вас.

— Именно поэтому я звоню теперь, — оправдывалась Вонни. — Я отвезу тебя к нему.

— Что?

— Я в долгу перед тобой. Поедем вместе на пароме в Афины утром, отведу в тюрьму и выясню, что происходит.

— Зачем вы это делаете? — засомневалась Фиона.

— Возможно, потому, что поняла наконец, что это твоя жизнь, — сказала Вонни. — Встретимся в гавани на восьмичасовом пароме завтра утром. — И она вернулась и села рядом с Андреасом.

— Сработало? — спросил он.

— Не знаю, завтра будет ясно. Но чувствую себя как-то увереннее. Ты сказал, что в иные дни труднее, чем в другие. Как у тебя дела сегодня?

— Не особенно. Написал Адонису в Чикаго, и он уже должен получить письмо. Но он молчит. Написать было трудно, а еще труднее остаться без ответа. Но думаю, не стоит сдаваться, Вонни. У Маноса и остальных на катере шансов не было никаких, поэтому я намерен идти до конца.

— Ты написал Адонису? — У нее радостно заблестели глаза.

— Да, никто не знает, кроме тебя и Йоргиса.

— Как я рада, какой ты умница, что сделал это. Он обязательно отзовется. Верь мне.

— Почему я должен тебе верить? Если серьезно, так ты сама ни во что не веришь. Почему тебе все должны верить?

— Я знаю, он позвонит. У тебя включен автоответчик? Ты вечно забываешь это сделать. Адонис вернется, уверена, вернется. Допустим, он скоро приедет, его комната готова?

— Там все как было при нем, — пожал плечами Андреас.

— Но там надо покрасить. Прибраться для него.

— Может быть, он никогда не вернется, мы лишь продлим мое разочарование.

— Не надо предаваться унынию, это страшный грех. Давай сделаем это сегодня. Я закончила твою долму. Убери ее в холодильник и найди краску. У тебя есть кисти?

— Да, в сарае в углу двора... Они, возможно, немного засохли. Гляну, где у меня растворитель.

— Да, но следи за мной, один неверный шаг, и я снова окажусь на скользкой дорожке.

Он с удивлением посмотрел на нее. Она действительно сделала решительный шаг в жизни. Лицо ее снова светилось жизнью и оптимизмом. Ради этого можно было и комнату покрасить, лишь бы она не сорвалась.

Даже если сын не вернется, дело было стоящее.

Глава четырнадцатая

— Мама?

— Дэвид! — От радости в ее голосе у него защемило сердце.

— Мама, получил твое письмо о премии.

— О, Дэвид, я не сомневалась, что ты позвонишь. Я знала. Какой ты умница, что позвонил так скоро.

— Понимаешь, я не уверен, что происходит... Не хотел уточнять даты возвращения, рейсов... Слушать планы и обсуждения, что ему надеть на церемонию.

— Папа будет так рад, когда узнает, что ты звонил, очень обрадуется.

Он уже начал чувствовать знакомое давление, которое они на него оказывали. Ощущение тяжести концентрировалось в груди.

Мама продолжала радостно болтать:

— Отец вернется приблизительно через час, до чего же он обрадуется.

— Он, конечно же, в субботу не на работе?

— Нет, нет, просто... э... его нет...

Дэвид удивился.

Папа ходил в синагогу не каждую неделю, но только по большим праздникам. Субботы он всегда проводил дома.

— Что он делает? — спросил Дэвид.

— О, понимаешь... это... — Мама была в замешательстве.

У Дэвида вдруг внутри все похолодело.

— Папа болен? — внезапно спросил он.

— Почему ты так думаешь? — В ее голосе послышался страх.

— Не знаю, мама, вдруг мелькнула мысль, что он, может быть, заболел, а мне не сказал, и вы оба молчали.

— Это чувство появилось у тебя внезапно, далеко в Греции? — задумчиво произнесла она.

— Что-то вроде этого, — огрызнулся он. — Но это правда, мама?

Ожидая ответа, он почувствовал, как остановилось время. Прошло всего несколько секунд, но они показались вечностью. Он смотрел из телефонной будки на жизнь в гавани, как загружались и разгружались суда, толпы людей спешили по своим делам.

— У папы рак прямой кишки, Дэвид, неоперабельный. Ему осталось всего полгода.

У Дэвида перехватило дыхание.

— Мама, он знает? Ему сказали?

— Да, теперь всем говорят, без исключений. Он очень спокоен.

— У него есть боли?

— Нет. Удивительно, никаких, но он принимает много лекарств.

У Дэвида вырвался надрывный вздох, словно он пытался подавить плач.

— О, Дэвид, не расстраивайся. Он настроен очень решительно, совсем не боится.

— Почему ты мне не сказала?

— Ты знаешь своего отца, он такой гордый, не хотел, чтобы ты вернулся из жалости, он не разрешил говорить.

— Понятно, — грустно сказал Дэвид.

— Но он не может запретить тебе знать, Дэвид. Телепатически. Представляешь, ты почувствовал беду на таком огромном расстоянии. Это невероятно, но ты всегда был очень чутким мальчиком.

Никогда Дэвиду не было так стыдно.

— Позвоню еще в понедельник, — пообещал он.

— Сообщишь о своих планах? — с нетерпением спросила мама.

— Да, — виновато произнес он.

Томас позвонил матери.

— Не надо звонить мне издалека, сынок, не трать понапрасну деньги на меня.

— Все нормально, мама, у меня хорошая зарплата, я говорил тебе, хватает, чтобы жить здесь как миллионеру и еще выплачивать Биллу алименты.

— И посылать мне подарки. Ты хороший мальчик, мне нравятся эти журналы, которые ты присылаешь каждый месяц. Я их никогда не покупаю сама.

— Знаю, мам, все для нас, а ничего для себя. Твое вечное правило.

— Так поступает большинство, у кого есть дети, но это не всегда помогает. Господь послал мне тебя и твоего брата, но такое бывает не часто.

— Трудно быть родителем, да, мама?

— Мне это не казалось таким уж сложным делом, но мой муж умер, а не ушел от меня к другой, как это сделала твоя жена.

— В разводе участвуют двое, мама. Здесь виновата не только Ширли.

— Да, но когда ты найдешь себе пару?

— Когда-нибудь, честное слово, и ты об этом узнаешь первой. Ма, звоню, чтобы узнать, как Билл. Ты с ним разговариваешь?

— Ты же знаешь, что да, сынок. Звоню ему каждое воскресенье. Он прекрасно успевает в школе, занимается спортом, он полюбил физкультуру.

— Еще бы, теперь, когда его нудный старый папа не надоедает ему с книжками, стихами и всяким таким.

— Он ужасно по тебе скучает, Томас, ты же знаешь.

— А разве у него нет распрекрасного Энди, а еще братика или сестренки в проекте? Зачем ему я?

— Он говорил, ты не рад, что у них будет ребенок, — сказала мать.

— Не обязан плясать от радости по этому поводу, — съязвил Томас.

— Он сказал, что надеялся, что ты полюбишь нового малыша так же, как Энди любит его, хотя тот ему никто.

— Он действительно думал, что я обрадуюсь этой новости? — сильно удивился Томас.

— Он всего лишь ребенок, Томас. Ему всего девять лет, отец уехал от него, совсем уехал из Америки. Он хватается за соломинки. Он надеялся, что, может быть, ты приедешь и станешь приемным отцом для малыша, как Энди для него.

— Энди просто задница, мама.

— Возможно, это так, сынок, но он добрая задница, Томас, — заметила мать.

— Добрый я, мама.

— Уверена, что ты добрый, но не уверена, что об этом знает Билл.

— Да ладно, мама, я правильно поступил, дал ему свободу, не суетился вокруг него. Дал ему возможность привыкнуть к новой жизни.

— Да, конечно, но может ли ребенок в девять лет это понять?

— А что, по-твоему, должен был сделать я?

— Не знаю, быть рядом с ним, а не за тысячи километров. Мне так кажется.

— Считаешь, это помогло бы?

— Не знаю, но, по крайней мере, Билл, твоя кровь и плоть, не думал бы, что ты его бросил.

— Конечно, мама, я понимаю, что ты сказала.

Эльза прочла второй факс от Дитера.

Я знаю, что ты прочла мое письмо на прошлой неделе. В гостинице мне сказали, что передали тебе его. Пожалуйста, хватит играть, Эльза. Просто скажи, когда вернешься. Ты в этой ситуации не единственный игрок, у меня своя жизнь. Почему я должен всем говорить про нас, пока не буду уверен, что ты вернешься?

Пожалуйста, ответь мне сегодня.

Люблю тебя вечно,

Дитер.

Она читала и перечитывала послание, пытаясь расслышать его голос, словно он произносил эти слова, и отлично все слышала. Дитер говорил быстро, решительно и возбужденно. «Пожалуйста, ответь мне сегодня».

Именно он играл главную роль на этой сцене. Он забыл, что речь шла о ее жизни, ее будущем. Как смеет он требовать от нее быстрого ответа. Она отправилась в небольшой бизнес-центр в Анна-Бич, чтобы отослать имейл.

Вопрос серьезный. Я должна подумать. Не торопи меня. Напишу через несколько дней.

Тожe люблю тебя вечно, но дело не только в этом.

Эльза.

Фиона проснулась очень рано и смотрела на восход солнца над Агия-Анной. Ей с трудом верилось в разговор с Вонни накануне вечером.

Она все еще сильно злилась на Вонни и Йоргиса. Как посмели они сказать ей, что Шейн не пытался с ней связаться? Как смели они заставить ее думать, что Шейн мог ее бросить, оставить из-за ее глупости? Но он пытался связаться с ней, а эти зануды влезли не в свое дело.

Они сказали, что ему от нее нужен был только залог. Конечно, чтобы выбраться из тюрьмы, залог необходим. Чего они ждали?

Она радовалась, что скоро снова увидится с ним.

Но мысль о том, что придется терпеть Вонни на пароме, ей не нравилась. А еще она жалела, что обо всем рассказала вчера Эльзе. От Эльзы не было никакого прока.

Как хотелось Фионе повернуть время вспять. Зачем она просила Эльзу помочь ей достать деньги, одолжить ей тысячу евро, всего на несколько дней, пока Барбара не придет из Дублина?

— Одолжить тебе денег, чтобы вытащить его и чтобы он закончил свои художества на твоем личике? — возмутилась Эльза.

— Это совсем другое, — начала Фиона. — Он был в шоке, я все неправильно ему сказала, понимаешь?

Эльза отвела волосы с лица Фионы.

— Все еще видно синяк, — тихо сказала она. — Фиона, никто на земле не даст тебе денег для этого ублюдка, чтобы вытащить его оттуда. Там ему место навечно.

У Фионы был такой вид, что Эльза сразу смягчилась.

— Послушай, я не лучше Вонни, тоже учу тебя жить. По себе знаю, как это трудно. Но скажу, что стараюсь быть объективной. Пытаюсь смотреть на себя со стороны, на свою ситуацию как бы другим взглядом. Стараюсь быть зрителем, а не участником. Тебе это тоже может пригодиться.

Фиона покачала головой:

— Не думаю, что здесь что-то поможет. Если только я смогу взглянуть со стороны бедного Шейна, который любит меня и пытается связаться со мной, страдая в греческой тюрьме. Это все, что я могу увидеть, Эльза. Шейн думает, что я его бросила. Мне от этого ничуть не лучше.

Эльза посмотрела на нее так, словно перед ней голодная сирота, молящая о помощи. Это был взгляд сострадания, заботы и в то же время недоумения, что такое вообще может происходить в мире.

Когда Вонни и Фиона встретились на пристани, Вонни купила два билета в обе стороны. Фиона открыла было рот, чтобы сказать, что не собирается возвращаться в тот же день, но прикусила язык, смолчав.

— У тебя большая сумка с собой? — удивилась Вонни.

— Кто его знает, что случится, — неопределенно сказала Фиона.

Когда паром вышел из гавани, Фиона оглянулась на Агия-Анну. Она здесь недавно, но столько событий уже произошло.

Вонни спустилась вниз, где подавали кофе и напитки. Возможно, она вдруг решила снова запить. Здесь, на этом пароме. Такое могло случиться. Андреас сказал Дэвиду, что Вонни впервые за многие годы близка к этому и впервые почти признала возможность нового запоя. Господи, не дай этому случиться теперь, когда они в открытом море.

К своему облегчению, Фиона увидела, что Вонни вернулась с кофе и двумя непропеченными на вид пирогами.

— Лоукоумандес, — пояснила она. — Это с медом и корицей. Придаст тебе сил на весь день.

Фиона с благодарностью посмотрела на нее. Женщина явно старалась загладить свою вину. Фиона знала, что должна быть ей благодарна.

— Вы сама доброта. — И похлопала ее по руке.

К своему удивлению, она увидела на глазах Вонни слезы. Они сели рядышком и стали есть медовые пироги.

— Йоргис?

— Андреас! Я как раз думал о тебе. Входи, входи! — Начальник полиции подвинул стул брату.

— Йоргис, кое-что случилось...

— Плохое или хорошее? — спросил Йоргис.

— Не знаю.

— Да ладно, ты должен знать.

— Не знаю. На автоответчике было сообщение по-английски. Это из магазина, где работает Адонис. Они просили, как только я его увижу, передать ему, чтобы он позвонил им и сказал, где ключи от склада, которые никто не может найти. Сообщение очень сложное, будто они решили, что... что они подумали... что он мог...

Йоргис схватил брата за руку.

— Думаешь, он возвращается? — спросил он, почти испугавшись услышать ответ.

— Вполне возможно, именно так, Йоргис. — Лицо Андреаса осветилось надеждой.

В студии новостей подруга Эльзы Ханна увидела Дитера, сидевшего в одиночестве, и подошла к нему. Обычно никто не отваживался приблизиться к великому Дитеру без особо важного повода. Но она решила, что дело чрезвычайно срочное. Ханна только что получила сообщение по электронной почте. Очень короткое и по существу.

В этом маленьком городке я чувствую себя спокойно и в безопасности. Хорошее место, чтобы принимать решения. Но все происходит так медленно, даже мысли не спешат. Если Дитер спросит обо мне, скажи ему, пожалуйста, что я ни в какие игры не играю. Я просто хочу все обдумать и, когда смогу, свяжусь с ним. Он, возможно, тебя не станет спрашивать, но хочу, чтобы ты была готова.

*Люблю,
Эльза.*

Ханна положила листок перед Дитером.

— Знаю, что ты меня не спрашивал... — неуверенно выговорила она.

— Но я рад этому письму, спасибо, Ханна. — Он даже вспомнил ее имя, что для Дитера было необычно.

Вонни рассказывала про места, мимо которых проплывал паром: это остров, где когда-то был лепрозорий, там однажды случилось землетрясение. Вон там была деревня, из которой в один прекрасный день все жители уехали в Канаду, и никто не знал, что заставило их сделать это.

— Вам повезло, что вы оказались в этом месте, Вонни. Вы здесь все так любите.

— Повезло? — повторила Вонни. — Я иногда размышляю об удаче.

— И что вы думаете о ней?

— Думаю, что такого вообще не существует. Посмотри на всех, кто надеется на удачу, покупая лотерейные билеты, на все эти сотни тысяч людей, которые едут в Лас-Вегас, миллионы, читающих гороскопы, на тех, кто ищет клевер с четырьмя листочками или боится черных кошек. Все это бессмыслица.

— Но людям нужна надежда, — сказала Фиона.

— Конечно, нужна, но удачу мы куем сами, принимаем решения, которые бывают плохими или хорошими, нет ничего помимо нас. При чем здесь черная кошка поперек дороги или день рождения под знаком Скорпиона.

— Или молимся святому Юде, — улыбнулась Фиона.

— Ты слишком молода, чтобы знать о святом Юде! — заметила Вонни.

— Моя бабушка всегда ему молилась, когда не могла найти свои очки, или когда хотела выиграть в лото, или когда ее несносный джек-рассел-терьер падал в обморок от злости. По любому поводу она призывала святого Юду. И он всегда помогал.

— Всегда? — скептически произнесла Вонни.

— Возможно, не в случае с ее старшей внучкой! Бабушка молила святого Юду найти мне милого, богатенького доктора в мужья. Но не тут-то было.

Фиона гордо улыбнулась, словно победила святого Юду, прославленного святого покровителя в самых безнадежных ситуациях, и сорвала все его планы, решительно сбежав с Шейном.

— Ты с нетерпением ждешь встречи с ним? — спросила Вонни.

— Не могу дождаться. Надеюсь, он не рассердится, что я так долго собиралась. — В голосе ее все еще слышался упрек и негодование.

— Я обещала, что постараюсь объяснить, скажу ему, что это не твоя вина.

— Знаю, что вы за меня заступитесь, Вонни, спасибо... это просто... вы знаете... — Фиона растерянно развела руками, пытаясь что-то объяснить.

— Скажи мне, — ободрила ее Вонни.

— В общем, вы же видели Шейна, он бывает немного неадекватным, понимаете, говорит иногда обидные слова, хотя сам не

хочет этого. У него просто такая манера. Я не хочу, чтобы вы думали...

— Не беспокойся, Фиона, я ничего не думаю, — процедила Вонни сквозь стиснутые зубы.

— Эльза, как я рад вас видеть! — воскликнул Томас.

— Похоже, что на этом острове вы единственный, кто рад мне.

— Ну, что вы так. Я собирался взять напрокат прогулочную лодку и покататься пару часов. Достаточно ли вы доверяете мне, чтобы составить мне компанию?

— С удовольствием. Мы отплываем прямо сейчас?

— Конечно. Дэвид в кафе не пойдет, его отец болен. Вонни была права. Он собирался купить билет домой.

— Бедный Дэвид, — посочувствовала Эльза. — А Фиона отправилась в Афины вместе с Вонни. Сегодня рано утром попрощалась со мной, потому что я не дала ей денег на залог для Шейна.

— Значит, мы сами по себе, — подытожил Томас.

— С радостью покатаюсь по морю на прощание. Могу даже помочь грести, если хотите.

— Нет, просто расслабьтесь и наслаждайтесь. Прощальное путешествие? Значит, вы уезжаете в Германию?

— О да. Пока не знаю точно когда, но уезжаю.

— Он сильно рад, ваш Дитер?

— Он пока не знает, — просто сказала она.

Томас удивился:

— Почему вы ему не сообщили?

— Не знаю, есть кое-что, чего я пока сама не понимаю.

— Ясно, — произнес Томас голосом человека, который ничего не понял. — И мои намерения тоже зависят от кое-чего.

— От чего?

— От того, верю ли я, что Билл действительно хочет, чтобы я был рядом с ним, — признался он честно.

— Конечно, хочет, это несомненно, — удивилась Эльза.

— Почему вы считаете это очевидным? — не понял он.

— Потому что мой отец ушел от нас, когда я была ребенком. Я бы все отдала за то, чтобы он позвонил и сказал, что возвращается домой

и будет жить на одной улице с нами, и я смогла бы видеть его каждый день. Это было бы просто счастье. Но этого не случилось.

Томас смотрел на нее, потрясенный. У нее это прозвучало так просто и ясно. Он обнял ее за плечи и повел туда, где они взяли напрокат ярко раскрашенную лодку.

В шумной гавани в Пиреях Фиона шла с тяжелой сумкой за Вонни, которая сразу направилась к электрикос и купила билеты.

— Это хорошее место само по себе, и от Афин недалеко, — объяснила Вонни. — Там много прекрасных маленьких рыбных ресторанчиков, а еще большая бронзовая статуя Аполлона... но у нас на все это нет времени.

— Знаете, я немного боюсь снова встретиться с ним, — беспокоилась Фиона.

— Но он же любит тебя, он будет рад тебя видеть, не так ли? — с неуверенностью произнесла Вонни.

— Да, конечно. Только мы не знаем сумму залога, и я не уверена, что достану денег, когда узнаю. В Дублине мне с этим вряд ли помогут. Придется сказать, что деньги нужны на что-то другое.

Вонни промолчала.

— Но, конечно, он будет рад видеть родное лицо.

— Ты не боишься увидеться с ним, да? — спросила Вонни.

— Думаю, каждый немного нервничает, когда речь идет о любимом человеке, — сказала Фиона. — Здесь все зависит от силы влияния, не так ли?

Йоргис позвонил коллегам, чтобы в полиции знали, что Вонни и Фиона на пути к ним. Он вкратце описал ситуацию и кто они такие. Полицейский в Афинах выслушал его до конца.

— Ну что же, если эта дурочка сможет добыть деньги и вытащить его подальше от наших глаз, мы будем очень рады, — сказал он, усмехнувшись. — Готовы даже сами дать ей денег, только бы избавиться от него.

У входа в полицию Фиона остановилась, чтобы подкрасить личико и причесаться. Вонни с изумлением наблюдала, как она пыталась загримировать синяк на лице и уложила волосы так, чтобы

его не было видно. Она подкрасила губы и надушилась за ушами и на запястьях.

Чтобы ободриться, она даже улыбнулась себе в зеркальце.

— Я готова, — сказала она Вонни дрожащим голосом.

Шейну об их прибытии сообщили только за десять минут.

— Она достала деньги? — спросил он.

— Какие деньги? — удивился Димитрий, молодой полицейский.

— Деньги, которые вы, кровососы, хотите за права человека! — крикнул Шейн, пнув решетку ногой.

— Вам нужна чистая рубашка, чтобы встретиться с девушкой? — невозмутимо поинтересовался Димитрий.

— Хочешь, чтобы все выглядело прилично... Нет, мне не нужна эта гребаная рубашка, хочу, чтобы она увидела все как есть.

— Они скоро будут здесь, — коротко доложил полицейский.

— Они?

— С ней еще одна женщина из Агия-Анны.

— Еще одна убогая. Как это похоже на Фиону. Нашла наконец-то время добраться сюда и прихватила с собой кого-то для спектакля.

Запирая дверь, Димитрий задумался над природой любви. Он сам собирался жениться. Это был цельный, надежный человек, и порой ему казалось, что он, может быть, слишком скучен для его красавицы невесты. Многие говорили, что девушки любят рисковать. Старый полицейский из Агия-Анны рассказал, что та, которая сейчас ехала к ним на свидание с Шейном, работала медсестрой. Нежное создание, хорошенькая... Куколка, как сказали они. Но не стоит делать обобщений.

— Сколько вам лет, Андреас?

— Шестьдесят девять.

— Моему отцу шестьдесят шесть, и он умирает, — вздохнул Дэвид.

— О, Дэвид, очень грустно слышать это, ужасно тяжело.

— Спасибо, Андреас, друг мой. Знаю, что вы искренни.

— Ты поедешь домой повидаться с ним?

— Да, поеду, конечно поеду.

— Он будет очень рад увидеть тебя. Поверь мне. Знаю, все очень недоумевали, когда Вонни посоветовала тебе... — Андреас был в нерешительности.

— Да, я разозлился, но оказалось, что она права. Я попытался отыскать ее и поблагодарить, но не нашел...

— Она сегодня уехала в Афины, но вечером вернется.

— Если бы вы заболели, Андреас, что бы вы хотели услышать от своего сына?

— Думаю, был бы рад узнать, что оказался хорошим отцом для него.

— Скажу это, когда буду дома, — пообещал Дэвид.

— Он будет рад услышать, Дэвид.

Фиону и Вонни провели к камере заключения Шейна.

Димитрий открыл дверь.

— Ваши друзья уже здесь, — сухо произнес он.

— Шейн! — воскликнула Фиона.

— Ты не особенно спешила.

— Я не знала до вчерашнего дня, где ты. — Она бросилась к нему.

— Ах, какая новость. — Шейн увернулся от ее объятий.

— Это я во всем виновата. Не сказала, что ты пытался связаться с ней, — призналась Вонни.

— А кто ты такая? — спросил Шейн.

— Меня зовут Вонни, из Ирландии, но живу в Агия-Анне уже более тридцати лет. Почти местная теперь.

— Что ты здесь делаешь? — удивился он.

— Я с Фионой, помогаю ей встретиться с тобой.

— Ладно, спасибо. Не могла бы ты слинять отсюда и оставить меня с моей девчонкой? — попросил он, нахмурившись.

— Как скажет Фиона, — ласково произнесла Вонни.

— Не как Фиона скажет, а как я скажу, — возмутился Шейн.

— Может быть, обождете меня недолго снаружи, Вонни? — взмолилась Фиона.

— Я рядом, если что, Фиона, — шепнула Вонни и вышла.

Димитрий тоже остался за дверью.

— Дэн пирази, — обратилась она к нему.

— Что? — встревожился он.

— Я живу здесь много лет, — повторила она на его родном языке. — Замужем за греком, у меня сын грек, постарше тебя. «Дэн пирази» значит «не важно, ничто не важно». Эта дурочка собирается простить все этому подонку.

— Возможно, женщинам нравятся такие парни. — На лице Дмитрия отобразилось полное отчаяние.

— Не верь. Они не только не любят таких, они им даже не нравятся. Это пройдет. Женщины делают глупости, но они не идиотки. Фиона скоро поймет, какое он чудовище. Вопрос времени, когда она прозреет.

Уверенный ответ Вонни Дмитрию понравился.

— Что это за старую крысу ты притащила с собой? — спросил Шейн.

— Она была добра ко мне.

— Еще бы, — хмыкнул он.

Фиона сделала шаг к нему, чтобы поцеловать, обнять его, но он, казалось, не очень-то этого хотел.

— Шейн, как замечательно видеть тебя снова. Ты достала денег? — оборвал ее он.

— Извини?

— Денег, чтобы вытащить меня отсюда!

— Но, Шейн, у меня нет никаких денег. Ты же знаешь.

Фиона сделала большие глаза. Почему он не обнял ее?

— Тебе что, нечего сказать? — удивился он.

— У меня есть много что сказать, Шейн...

— Так говори.

Фиона не понимала, почему они до сих пор не в объятиях друг друга, но знала, что надо что-то говорить. Сказать ли вначале хорошую новость или плохую?

— В общем, хорошая новость — то, что звонила Барбара. Совсем рядом с больницей есть неплохие квартиры, и мы могли бы снять одну из них, когда вернемся.

Он недоуменно смотрел на нее.

Фиона быстро продолжала:

— Печальная новость в том, что мы потеряли нашего ребенка. Ужасно, но это случилось. Доктор Лерос сказал, что никаких проблем

не будет. Как только мы захотим, можем попытаться еще раз...

— Что?

— Знаю, что ты огорчен, Шейн, я тоже ужасно расстроилась, но доктор Лерос сказал...

— Фиона, заткнись со своей болтовней про какого-то доктора. У тебя есть деньги или нет?

— Извини, Шейн, ты о чем?

— У тебя есть деньги, чтобы вытащить меня отсюда?

— Конечно, никаких денег у меня нет, Шейн, я же сказала. Я пришла увидеться с тобой, поговорить, сказать, что люблю тебя и все будет хорошо...

— Как это все хорошо?

— Шейн... Я займу денег, и мы вернем себе ту квартиру в Дублине и выплатим долг.

— О, Фиона, хватит ныть, Христа ради. Где нам достать залог?

Он все еще не прикоснулся к ней и даже не проронил ни слова о погибшем ребенке.

— Шейн, разве ты не сожалеешь о малыше?

— Заткнись и скажи, где взять денег на залог, — огрызнулся он.

— Я лежала в постели, и наш ребенок просто вытек из меня.

— Это был не ребенок, а обычная менструация. Ты это знаешь, Фиона. Просто скажи, где взять денег?

— Мы спросим у них, Вонни и я, сколько они хотят, и я постараюсь раздобыть... но это не самое главное, Шейн...

— Так что же самое главное? — простонал он.

— То, что я тебя нашла, и то, что я люблю тебя навсегда. — Она смотрела на него, пытаясь разглядеть ответное чувство.

Ничего.

— Я обожаю тебя, Шейн...

— Конечно, — ответил он.

— Так почему же ты не поцелуешь меня?

— О господи, Фиона, хватит про любовь, лучше подумай, где взять денег, — зарычал он.

— Если мы сможем одолжить деньги, то придется найти работу, чтобы вскоре расплатиться, — с воодушевлением заговорила она.

— Если хочешь, ищи работу. Как только я отсюда выберусь, то встречусь с людьми. Надо кое с кем связаться, тогда будет полно денег.

— Разве ты не вернешься в Агия-Анну?

— В эту дыру? Невозможно.

— А куда ты пойдешь, Шейн?

— Поищу тут в Афинах немного, а потом, может быть, подамся в Стамбул. Посмотрим.

— Что посмотрим?

— С кем я встречусь и что они скажут.

Она пристально взглянула на него:

— Я тоже буду встречаться с твоими людьми и поеду в Стамбул и куда угодно с тобой.

Он пожал плечами:

— Если хочешь, но не приставай ко мне с поисками работы и не тяни меня в этот жалкий городишко. Мы уехали из Ирландии, чтобы избавиться от всего этого дерьма.

— Нет, мы уехали из Ирландии, потому что любили друг друга, но никто этого не понимал, они все были против нас, — настаивала Фиона.

— Да ладно, — прервал Шейн.

Этот тон ей очень хорошо знаком. Шейн всегда был таким, когда собеседник надоедал до смерти и ему хотелось от него избавиться. Когда это удавалось, он вздыхал с облегчением и говорил, что кругом столько всяких правил и законов, но почему-то не было ни одного закона против зануд.

Теперь Фиона знала, что надоела Шейну, и начала понимать, что тот никогда ее не любил.

Никогда.

Принять это было почти невозможно для нее, но она поняла, что это именно так. Это означало, что все напрасно: все ее надежды и мечты, все страхи и желания последних нескольких дней, когда она боялась заснуть по ночам, чтобы быть готовой следовать за ним, если он вдруг вернется. Если бы не деньги для залога, он бы ни за что не захотел с ней встретиться.

Она стояла перед ним с раскрытым ртом и широко распахнутыми глазами. Она знала это, потому что видела, как он смотрел на нее.

— Чего рот разинула? — бросил ей Шейн.

— Ты меня не любишь, — произнесла она дрожащим голосом.

— Ох, боже милостивый, сколько еще повторять? Я же сказал, что ты можешь поехать со мной, если хочешь. Просто прошу, чтобы ты перестала ныть. Это что, преступление? Ответь мне.

В углу стояло деревянное кресло. Фиона села в него и обхватила голову руками.

— Нет, Фиона, не теперь. Не теперь, когда надо подумать, что делать. Не время плакать и сентиментальничать. Хватит, ну же...

Она взглянула на него. Волосы уже не прикрывали лоб, и, несмотря на косметику, синяк все еще был виден.

Он уставился на нее.

— Что у тебя с лицом? — спросил он с отвращением.

— Твоя работа, Шейн. В ресторане на набережной. — Она еще ни разу не говорила о том, что он бил ее. Впервые напомнила ему.

Он взорвался:

— Я этого не делал.

Фиона хранила спокойствие.

— Ты, наверное, забыл. Это теперь не важно.

Она встала, как будто хотела уйти.

— Ты куда? Ты же только что пришла, надо что-то придумать.

— Нет, Шейн, придумывать будешь ты.

— Хватит меня пугать.

— Я тебя не пугаю и не ною. Свиделись, и хватит. Я уйду.

— А деньги? Залог? — У него перекошило лицо. — Послушай, я тебе все скажу, и про любовь и все, что ты хочешь... Фиона, не уходи!

Она постучала в дверь, и Дмитрий ее открыл. Видно было, что она все поняла, даже улыбнулась.

От этого Шейн расвирепел еще больше. Он бросился к Фионе и схватил ее за волосы.

— Ты сюда пришла для того, чтобы в игрушки со мной играть? — зарычал он.

Но Дмитрий оказался проворнее, чем ожидалось. Он обхватил Шейна за горло локтем, подняв ему подбородок, и тому пришлось отпустить волосы Фионы, чтобы справиться с полицейским.

Но силы оказались неравны.

Дмитрий был крупный и хорошо тренированный мужчина. Шейн был ему не ровня.

Фиона мгновение постояла у двери, вышла в коридор и направилась в центральный офис полиции.

Там сидела Вонни со старшим полицейским.

— Они говорят, что залог две тысячи евро, — начала она.

— Пусть говорят, он от меня этих денег не получит, — отрезала Фиона с высоко поднятой головой и ясным взглядом.

Вонни смотрела на нее, едва веря в случившееся. Неужели все? Неужели Фиона свободна? Вполне вероятно...

Глава пятнадцатая

Томас направил маленькую гребную лодку обратно в гавань. Чувство было такое, словно они возвращались домой.

Они смотрели на холмы и отмечали знакомые места. Там была больница по дороге в Калатрияду, а это дорога в таверну Андреаса.

Наконец они увидели гавань, где было их кафе со скатертями в клеточку. Здесь все совершенно не похоже на Калифорнию и Германию. Войдя в объятия гавани, они радостно вздохнули.

Словно бегство от жизни закончилось.

Томас и Эльза сдали свою лодку обратно в прокат.

— Вам понравилось путешествие? — спросил старик.

— Очень понравилось, — улыбнулась Эльза.

— Аврио? Завтра снова возьмете лодку?

Дела шли не очень хорошо, и старик надеялся заполучить как можно больше заказов.

— Возможно, но не уверены, — ответил Томас. Он ничего не хотел обещать, потому что знал, что завтра Эльза будет занята сборами домой. Они не сговаривались, но оба не сомневались, что катание на лодке было для них своеобразным прощанием.

Они направились вверх по дороге в сторону города.

— Интересно, сможем ли мы забыть это место когда-нибудь, — расчувствовался Томас.

В этот же самый момент Эльза произнесла:

— Представляю, как весь этот суетный деловой мир обходится без нас!

Они засмеялись над одной и той же мыслью, проходя мимо кафе, и Томас заметил, что им стоит присесть.

— Почему нет? — согласилась Эльза с удовольствием. — На следующей неделе у нас не будет времени забежать в кафе, давайте воспользуемся моментом.

— Ах, вы говорите о себе, — сказал Томас. — А я все еще буду здесь, сидеть в кафе, кататься на лодках, читать на солнышке.

— Нет, вы будете на пути в Калифорнию, — уверила она его.

— Эльза! Вы такая же вредная, как Вонни. Я же говорил, что всего три месяца в этой командировке. Не могу вернуться до конца

года. И даже если бы мог, то лишь испортил бы все. — Его удивила уверенность Эльзы.

— Я пошлю открытку, и вы получите ее, когда приедете, — засмеялась она.

— Как вы ошибаетесь. Почему я должен это делать?

— Потому что великая богиня этого острова Вонни сказала, что вы должны поехать, а когда она говорит, все случается. И еще, смотрите, завтра уезжает Дэвид...

— Но он единственный, и у него отец умирает... Он должен ехать. В отношении его она была совершенно права. В остальном она ошибалась. Фиона в Афинах ищет своего ненормального, вы уезжаете, я остаюсь. Один из четверых, плохая арифметика.

— Игра не закончена. Уверена, у нее в итоге очков будет гораздо больше.

К их столику подошел Андреас:

— Позвольте присоединиться? Есть хорошие новости.

— Адонис? — радостно воскликнула Эльза.

Андреас покачал головой:

— Нет, не так прекрасно, увы, но тоже хорошо. Малышка Фиона бросила своего Шейна, просто ушла от него, оставив сидеть в тюрьме. Они с Вонни уже на пароме, вернутся до заката.

— Откуда вы знаете? — спросил Томас.

— Йоргису позвонил один из полицейских. Она даже не попыталась собрать залог для него... просто ушла. — Андреас в недоумении развел руками.

— Но почему? Почему, в самом деле, она так старалась, а потом просто ушла от него? — недоумевала Эльза.

— Вероятно, он ее побил или как-то обидел, — неуверенно предположил Томас.

— Но он и раньше делал это, и хоть бы что, — мрачно произнес Андреас.

— Теперь, должно быть, другое. Что-то случилось, и она увидела его таким, какой он есть, — рассуждала Эльза.

— Все к лучшему, — подвел итог Андреас. — И сегодня вечером ко мне в таверну придет Дэвид попрощаться, он уезжает из Агия-Анны завтра днем. Хотел пригласить вас присоединиться к нам. Йоргис заберет Фиону с парома и привезет ко мне. Ну скажите «да»?

Томас поинтересовался:

— Вонни тоже будет на обеде?

— Надеюсь, очень надеюсь. — Андреас тепло улыбнулся при мысли, что будет готовить для стольких друзей.

Томас быстро произнес:

— Вы так добры, Андреас, но, увы, Эльза и я должны кое с кем встретиться за обедом сегодня вечером. Жаль, очень хотелось быть у вас.

Эльза быстро подхватила:

— Да, очень неудобное время. Не могли бы вы сказать Дэвиду, что мы встретимся с ним в гавани в полдень?

Андреас все понял.

Но понял он гораздо больше, чем они сами осознавали.

— Конечно, это было в самую последнюю минуту, — успокоил он их. Но он прекрасно умел замечать приметы. Этим двоим хотелось побыть наедине.

Однако он ничего не сказал и вежливо удалился. Они видели, как он поприветствовал официантов и посетителей.

— Удивительно, как он привязан к этому месту, насколько глубоки его корни, — с восхищением произнес Томас, глядя, как уходит старик.

— Зачем вы сказали, что у нас будет обед? — спросила Эльза.

Минуту Томас молчал.

— Сам не знаю, Эльза, но уверен, что вам не хочется встречаться с Вонни. Как всегда, я совершенно согласен с вами. Мне тоже не хочется. А еще я не намерен слышать ни единого слова о Шейне. И... и...

— Что «и»?

— И буду скучать, когда вы уедете. Хотелось бы побыть с вами подольше перед отъездом. Только я и вы.

Она ослепительно улыбнулась ему:

— Причины весьма уважительные, Томас, и, как всегда бывает, пользуясь вашей фразой, я с вами совершенно согласна!

Фиона и Вонни прогулялись по Пиреям. Такое суетное место, деловой город. Они толкались в толпе, стараясь держаться вместе. Фионе пришлось таскать за собой свою огромную сумку.

Но на сердце у нее было радостно.

— Вы правы, Вонни, по поводу всех этих рыбных ресторанчиков. Можно угостить вас обедом? Не знаю, как мы это назовем — поздним завтраком или полуденным чаепитием?

— О, я бы хотела барбуни. — Вонни захлопала в ладоши, как ребенок, которому предложили мороженое.

— Это красная кефаль, очень хорошо знаю. Как вам это местечко?

— На вид неплохо. Заказать барбуни и жареную картошку на двоих? — спросила Вонни.

— Отлично! Я бы прикончила бутылочку рестины.

— Конечно, — сказала Вонни сдавленным голосом.

Фиона прикусила губу. Как необдуманно говорить такое женщине, которой алкоголь противопоказан.

— Или газированной воды, — запнулась она.

— О, ради бога, Фиона, пей свою рестину, тебе сегодня можно, и если мне суждено сорваться, то не потому, что моей подруге за обедом хочется выпить этой отравы. Даже в свои худшие дни я ее терпеть не могла. Так что ты меня соблазнить никак не можешь.

Они весело болтали о жизни в большом порту, о морях, которые приходили туда, и о рыбаках, разгружающих свой улов, о студентах с полными рюкзаками, сходящих на берег, и о роскошных яхтах, проплывавших мимо.

Радостная открывалась перед ними картина.

Вонни ни разу не вспомнила о том, что случилось в полиции, и о том, как Фиона будет жить без Шейна. Фиона заговорит об этом, когда захочет сама. Им обоим это было совершенно понятно.

Когда пришло время возвращаться в Агия-Анну, Фиона попросила счет.

— О, логариасмос! — сказал официант, положив его перед ней.

— Похоже на логарифмы, которые мы решали в школе...

— А разве они еще существуют? Позволь, я заплачу половину, — предложила Вонни.

— С тех пор как я окончила школу, их, наверное, больше нет, — согласилась Фиона. — Нет, уберите свои деньги, вы купили билеты на паром.

— У меня работа, за которую мне платят больше, чем ты думаешь, — возмутилась Вонни.

— Взгляните на все иначе: сегодня я сэкономила две тысячи евро. Считаю, что почти выиграла в лотерею.

И женщины улыбнулись друг другу. Во многих отношениях это было гораздо лучше выигрыша в лотерею.

На пути в Агия-Анну Вонни видела, как Фиона вцепилась в перила, жадно глядя на воду.

Губы ее шевелились, возможно, в молитве или от плача. Или она просто о чем-то размышляла. Что бы то ни было, Вонни знала: ни помощь, ни просто беседа ей не требуется.

Дэвид помогал Андреасу на кухне.

— Я буду скучать по всему этому, — сказал он.

— Возможно, ты смог бы готовить немного для своего отца.

— Это не одно и то же.

— Да, но это не долго, и ему может понравиться. Достань свой блокнот и запиши. Научу тебя готовить настоящую мусаку. У вас в Англии есть мелицаны?

— Баклажаны? Да, есть.

— Тогда я тебе покажу, как это делается. Ему понравится, что ты для него готовишь.

— Вы так думаете? — Дэвид усомнился.

— Не думаю, я знаю, — уверенно произнес Андреас.

Йоргис позвонил из гавани. Он был потрясен, Фиона и Вонни появятся в таверне через пятнадцать минут.

— Йоргис говорит, что Фиона в прекрасном настроении, — обрадовал Андреас.

— Наверное, сумела вытащить этого дурака из тюрьмы, — мрачно предположил Дэвид.

— Нет, совсем наоборот, как раз хотел сказать, что она его бросила. Оставила его там.

— Скоро она за ним вернется.

— Не уверен, но лучше пускай сама расскажет. Согласен?

— Да, я тоже так думаю, — согласился Дэвид. — А она все еще разговаривает с Вонни?

— Если верить Йоргису, они как лучшие подруги.

Дэвид рассмеялся:

— Какие же вы сплетники!

— Если нельзя посплетничать с собственным братом, тогда скажи, пожалуйста, с кем еще сплетничать? Где твой блокнот? Вот так, кило наилучшей молотой баранины, затем...

— Желаете прогуляться в Анна-Бич? — спросил Томас Эльзу.

— Нет, там как-то... я не знаю... слишком много хромированного железа и роскоши и мало приятных воспоминаний. Как насчет уютного местечка на мысе, где плещутся волны?

Томасу туда не хотелось.

— Слишком хорошо помню, как спасал там Фиону от избиения. Шейн ударил ее кулаком так, что почти проломил череп...

— Но этого не случилось, и теперь она его бросила, — успокоила его Эльза. — Куда же мы пойдем? Хорошо бы там было поменьше людей, мы же сказали, что у нас встреча...

— Почему бы не попробовать кебаб с лимоном и вернуться ко мне, — предложил Томас.

— Отлично, это просто замечательно. А если Вонни нас увидит, мы что-нибудь придумаем...

— Она теперь в курятнике и в дом не зайдет. Но если и зайдет, мы скажем, что наш друг, ненадежный немец, не пришел.

— Нет! Она ни за что не поверит. Ненадежный немец? Да такого не может быть никогда, — засмеялась Эльза. — Пусть лучше будет ненадежный американец...

— Какая вы чудовищно несправедливая расистка. Нет, я не хочу позорить свой народ. Может быть, ненадежный ирландец?

— Нет. Вонни ирландка, она его должна знать... ненадежного или надежного. Пусть будет кто-нибудь другой. Думаю, англичанин.

— Как это несправедливо по отношению к Дэвиду, он как раз очень надежный. В такое отчаянное время нужны отчаянные меры. Тогда пусть будет какой-нибудь плохой англичанин, который нас подвел.

— Оставлю Фионе записку, что вернусь позже, и пойдем поужинаем.

Фиона заметно изменилась. Это всем было видно. Плечи ее распрямились, улыбка стала ярче. В манере исчез неуверенный,

виноватый тон. Вдруг стало видно, какой девушкой она была прежде.

Она хлопотала, помогая приготовить званый обед.

В таверне за тремя столиками сидели гости, все англоговорящие. Фиона переводила им меню и всем советовала начать с долмы, которая, как объясняла она, представляла собой маленькие шарики, завернутые в виноградные листья и приготовленные тут же, на кухне. Фиона превосходно умела уговорить их. Домашнее вино, по ее мнению, было недорогим и очень вкусным. Скоро она так все организовала, что маленькая Рина, девушка на кухне, уже подавала на стол.

Это означало, что Андреас мог посидеть со своими гостями и посмотреть, как гаснут огни внизу, в сердце Агия-Анны.

— Жаль, что Эльза и Томас не с нами, — посетовал Дэвид.

— О, видишь ли, в чем дело, — пожал плечами Андреас.

Никто не знал, в чем именно, но говорить об этом не стоило.

— Я никогда не забуду это место, никогда. — Голос Дэвида дрогнул.

— Ты еще не раз приедешь к нам, — быстро произнес Андреас, пока Дэвид не расчувствовался.

— О, конечно, приеду, хотя будет уже все по-другому, но я обязательно приеду, — пообещал он.

— А ты, Фиона, отлично ладишь с людьми, хорошо заботишься о них. Не хотела бы поработать здесь? — неожиданно предложил Андреас.

— Поработать? Здесь? — Она не верила своим ушам.

— Я следил, как ты работаешь с посетителями... ты то, что мне надо. Можешь даже остаться здесь и жить в комнате Адониса. Тебе же надо где-то устроиться, когда Эльза уедет.

Фиона взяла его за руки:

— Если бы вы предложили мне это вчера вечером или сегодня рано утром, я бы кричала от радости и благодарности. Но теперь, теперь я скажу спасибо от всего сердца, но жить здесь и работать я не смогу.

— Слишком высоко и далеко от города? — спросил Андреас.

— Нет, Андреас, не слишком. Просто я возвращаюсь домой, обратно в Дублин.

Она оглядела сидящих за столом с изумленными лицами людей.

— Да, я думала об этом на пароме всю дорогу из Афин. Пришла, только чтобы попрощаться.

Ханна послала электронное письмо:

Дорогая Эльза,

не знаю, что ты хочешь услышать, но я показала Дитеру твое письмо. Он внимательно его прочел и поблагодарил меня. Очень вежливо. Это для него нетипично. Подумала, что тебе лучше знать. Тебе также следует знать, что Бригитта разве что не разделась перед его столом, чтобы привлечь его внимание, а он только разозлился на нее.

Пишу тебе обо всем этом, Эльза, чтобы ты была во всеоружии и знала все подробности перед тем, как примешь какое-то решение.

Естественно, я хочу, чтобы ты вернулась домой. Но где бы ты ни была, мы всегда будем друзьями.

С любовью,

Ханна.

Томас и Эльза закончили обед и сидели на балконе, глядя поверх крыш.

— У вас прекрасный вид, — восхитился Томас.

— Отсюда видны звезды, это главное... — сказала Эльза.

— «Боже, что есть звезды»? — процитировал Томас с тяжелым ирландским акцентом.

— Не посчитаете ли вы, что я хвастаюсь, если скажу, откуда это?

— Ну что же, прошу, скажите, уничтожьте меня? — рассмеялся он.

— Это из Шона О'Кейси.

— Высший класс, Эльза. Еще один любимый учитель.

— Нет, мы с Дитером были в Лондоне, в секретной поездке, и видели там. Это было великолепно.

— Вы очень хотите быть с ним снова? — спросил Томас.

— Есть проблема.

— Вечная проблема? — посочувствовал он.

— Думаю, да. Это необычная проблема. Он обещал, что мы больше не будем скрываться и таиться от людей. Что теперь все будет

в открытую, — произнесла она задумчиво.

— В открытую гораздо лучше, не так ли? — удивился Томас.

— Ну, я так думаю, но, может быть, все не так, — прикусила губу Эльза.

— Хотите сказать, что для вас тайно было хуже?

— Нет, я вовсе не это хотела сказать. Просто он никогда не мог по-другому. Точно так же, как то, что у него была другая женщина и ребенок.

— С тех пор, как вы вместе? — уточнил Томас.

— Нет, за несколько лет до меня, но дело в том, что он никогда не признавал, что у него маленькая дочь.

— Вы именно от этого сбежали?

— Я не сбежала, я бросила работу и отправилась посмотреть мир. Но о нем я стала думать хуже. Любой, у кого родился ребенок, случайно или запланированно, должен быть с ним.

— А он не согласен?

— Нет, и мне это как-то неприятно. Я почувствовала, что больше никогда не смогу ему доверять. Мне стало стыдно, что я его люблю. Это все я высказала ему.

— Так что же изменилось? Что заставило вас думать, что правильнее к нему вернуться теперь?

— Встреча с ним здесь. Я узнала, что он любит меня и готов на все ради меня. — Она взглянула на него с надеждой, что он понял.

Томас кивнул:

— Да, я бы ему тоже поверил. Если любишь, готов на все ради того, чтобы быть рядом. Мне это знакомо.

— На что были готовы вы? — осторожно спросила она.

— Готов был притвориться, что Билл мой сын. Я так сильно любил Ширли, что не мог смириться с мыслью, что он не мой.

— Он не ваш сын? — Эльза была потрясена.

Томас рассказал ей свою историю просто, без эмоций. Поведал о том, как тесты показали, что он стерилен, про радостную новость, что Ширли беременна, и про совершенно неожиданное счастье, когда узнал, что он любит мальчика, после его рождения. Томас обнаружил, что обожает Билла и что биологическое родство не имеет для него никакого значения.

Он даже не попытался узнать, кто настоящий отец, это было не важно.

Вспоминая прошлое, он понял, что был прав, не создавая драмы. Если бы Томас обсуждал вопрос отцовства, ему бы запретили видеться с мальчиком после развода.

— Вы все еще любите Ширли?

— Нет, это прошло, как простуда или летняя гроза. Во мне нет ненависти к ней. Она меня раздражает, а теперь у них с Энди будет ребенок, и это тоже раздражает меня. Очень сильно. Злит и то, что Билл очень рад... новому братику или сестренке.

— Вы когда-нибудь подозревали Ширли в измене?

— Нет, нисколько. Но давайте взглянем с другой стороны. Сам факт, что родился Билл, говорит о том, что Ширли не слишком верная подруга. Полагаю, это было всего лишь мимолетное увлечение.

— Вероятнее всего, так и было, — сказала Эльза.

— Да, думаю, так. Но почему-то мы все меньше и меньше находили тем для разговора. И тогда мы развелись. — Он помрачнел.

— А вы встретили кого-нибудь?

— Нет. Думаю, просто не искал. Я так сильно беспокоился о Билле, понимаете. И действительно, очень удивился, когда она привела в дом Энди, чтобы поговорить со мной и обсудить их планы. Ширли хотела, чтобы все было «интеллигентно». Сказала, что ненавидит секреты и недомолвки. Сказала, что у нас все должно быть в открытую, — язвительно добавил он.

— Так что в этом плохого? — удивилась Эльза.

— Были долгие месяцы секретов и притворства! Влюбленные бывают очень жестоки и надеются, что все будет так, как они хотят.

Эльза смолчала. Она сильно задумалась, пытаясь что-то понять.

— Простите за назойливость, — продолжал Томас.

— Нет, что вы, просто мне кое-что стало ясно.

— Неужели?

— Да. Если Дитер хочет быть мне дорог, он должен признать, что у него есть дочь, и принять ее.

— Даже если это означает потерять вас? — спросил Томас.

— Из-за этого он меня не потеряет, если поверит, что этой девочке действительно нужен отец. Дело в том, что ему ничего не стоит просто

что-то изобразить. Он думает, что мне нужны только обручальное кольцо, респектабельность, приличия. Все такое.

— Значит, он вас толком не знает, верно? — спросил Томас.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что вы встречались с ним более двух лет, а он так и не понял, что для вас важно.

— Совершенно верно, он меня никогда не понимал, но это не имело значения. Влюбленность все отодвинула на второй план. И ваши слова о том, что влюбленные бывают совершенно равнодушны и жестоки к другим людям, абсолютно верны. Я об этом прежде не думала.

— Ну что это за друг, который изредка дает полезные советы? — засмеялся Томас.

— Но вы считаете, что мне лучше его оставить, не так ли?

— Что я считаю, не имеет значения.

— Для меня имеет.

— Тогда ладно, думаю, что вам нужен кто-то, кто вас поймет... а также кое-что другое.

— Что еще другое? — засмеялась она.

— Вы отлично знаете, что я имею в виду: секс, любовь, привязанность — все это замечательно, но если у вас будет взаимопонимание, то вы будете счастливы.

— И где же мне найти все это сразу, Томас?

— Ах, если бы я знал ответ, я бы правил миром, — произнес он, подняв свой бокал вина.

За столом в таверне Андреаса все так и не пришли в себя после новости Фионы. Рина убрала тарелки со стола, и они пили кофе из маленьких чашек.

— Твои родители уже знают? — спросил Дэвид.

— Нет, я сама только что узнала. Никто, кроме вас, мои друзья, — улыбнулась Фиона.

Все начали одобрительно поздравлять, с возвращением к нормальной жизни и работе. Имя Шейна не произнес никто. Андреас сказал, что ее папа и мама будут необычайно рады. Йоргис спросил, сможет она снова работать в своей больнице. Дэвид поинтересовался, будет ли она жить у себя в доме.

И снова имя Шейна не было упомянуто.

В разговоре не участвовала только Вонни. Она сидела и смотрела перед собой, что было для нее необычно.

Наконец Фиона заговорила с ней:

— Вонни, вы были полностью правы. Я первая это признаю. Вы довольны, что были правы?

— Это не игра, где набирают или теряют очки. Это твоя жизнь, твое будущее.

— Тем больше причин гордиться своей правотой, — повторила Фиона. — Когда можно сказать «я же говорила». Вы по праву можете это сказать.

— А я не хочу говорить, достаточно вам наговорила. И всем ужасно надоела. Это моя вечная забота — знать, что нужно всем, но только не себе самой. Андреас и Йоргис подтвердят это. Тупая, самонадеянная Вонни, которая может устроить мир, но только не свою жизнь.

Все замолчали. Потом заговорил Йоргис.

— Ты, конечно же, знала, как устроить жизнь нашей сестры Кристины, она бы без тебя никогда не оправилась, — начал он.

— И каждый день ты что-то делаешь, чтобы кому-то здесь помочь, — учишь Марию водить машину, присматриваешь за детьми, навещаешь больных. Это мне вовсе не кажется глупым и самонадеянным, — подхватил Андреас.

— Я бы никогда не догадался, что мой папа умирает, если бы не Вонни, — сказал Дэвид. — Только подумайте, каким бы виноватым я чувствовал себя всю жизнь, если бы не узнал об этом.

— А когда вы сегодня пошли со мной, вы несколько не пытались на меня воздействовать. Вообще никак не вмешивались. Просто вы оказались правы, — напомнила Фиона. — И оставили меня с моими мыслями. Я этого никогда не забуду.

Вонни смотрела то на одного, то на другого. Сердце ее было так переполнено, что она не осмелилась заговорить. Наконец выдавила из себя два слова по-ирландски.

— *Slan abhaile, Fiona*, — произнесла она неуверенно, сдерживая слезы.

— Что это значит? — спросил Дэвид.

— Это значит «добро пожаловать домой», — ответила Фиона.

Томас и Эльза беседовали на балконе, как старые друзья. Невозможно было поверить, что они знали друг друга не долгие годы, а всего несколько дней и уже были посвящены в сердечные тайны друг друга.

— Значит, вы вернетесь гораздо раньше, до родов Ширли? — спросила Эльза.

— Вы думаете, мне стоит это сделать? — Он взглянул ей в глаза.

— Эй, я вовсе не указываю, кому что делать. Помните, как мы все злились, когда Вонни говорила каждому, кому и как поступить. Вы не говорили мне, что делать.

— Это другое, — возразил Томас. — Я действительно хочу знать, что вы думаете.

— О'кей... Не сомневаюсь, что вы любите Билла и он любит вас, и ему очень трудно найти в жизни такую большую, щедрую любовь, поэтому верю, что вам стоит быть рядом с ним. Вы не просто выкинули его из головы и начали свою собственную жизнь. Вы постоянно беспокоитесь о нем. Так почему бы не жить рядом с ним, в доме, куда бы он мог приходить. Когда родится ребенок, он будет ревновать, ему необходимо место, где он по-прежнему будет в центре внимания.

Томас внимательно слушал ее.

— Однажды его бесконечно любили, но я стал сильно ревновать к Энди, и любовь моя измельчала. — Вид у него был очень грустный.

— Тогда, возможно, следует склеить все снова, скрепить хорошенько, чтобы не развалилось окончательно, — предложила Эльза.

— Разумом я с вами согласен, но сердцем боюсь, что все испорчу, что лучше, если я не буду мешать ему... ради него и ради себя самого.

— Хорошо, Томас, вы придете к правильному заключению. Я вас хорошо знаю. Но теперь, перед отъездом, я уверена, что вы обязательно уедете. Собираетесь ли вы сказать, что мне делать с моей непутевой жизнью?

— Думаю, скажу, что мы можем и что делаем с любящими людьми, и надеюсь, вы сумеете придумать, как избавиться от Дитера.

— Но почему, почему вы хотите, чтобы это закончилось? Вы мой друг и хотите мне добра, как и я вам. Вы знаете, что Дитер — любовь

моей жизни, — смутилась она.

— Вы спросили мое мнение, я сказал, — просто ответил Томас.

— Но я не понимаю, почему вы хотите, чтобы я его бросила, избавилась от него...

— Я бы тогда мог утешить вас.

Она посмотрела на него, открыв рот.

— Томас, это неправда! — задохнулась она. — Мы же с вами просто друзья. Я вам не нравлюсь, это всего лишь вино и звезды.

— Вы никогда не воспринимали меня в этом свете? — спросил он, склонив голову набок.

— Я действительно думала, что хорошо бы полюбить деликатного, вдумчивого человека, как вы. А не суетливого, беспокойного, как Дитер. Но я часто мечтаю о том, чего быть не может. Просто не может быть.

— Хорошо. Тогда, думаю, вам лучше вернуться к нему завтра же. К чему тянуть?

— Как легко вы сдаетесь, — кокетливо произнесла она.

— Да что вы, Эльза, все, что я говорю, неправильно. Я просто из вежливости взялся советовать вам. Вы же не собираетесь этого делать.

— Я только играю с вами, — призналась она.

— Не надо.

Она каялась.

— Знаю, что похожа на одну из тех феминисток, которые злятся, когда мужчина встает, чтобы уступить им место, и еще больше злятся, когда он этого не делает. Я только притворяюсь, потому что не ведаю, что делать. Я знаю, что надо делать вам. Это же так очевидно и просто. И что делать всем остальным — Дитеру, Дэвиду, Фионе, Андреасу, Вонни. Просто я так решила, что все ясно.

— Что же делать Вонни? — с интересом спросил Томас.

— Она должна заставить Андреаса и Йоргиса отыскать ее сына и сказать ему, какая она теперь замечательная женщина. Ставрос-младший обязательно вернется, если они ему расскажут.

Томас улыбнулся ей.

— Крестonosец Эльза, — с чувством произнес он и похлопал ее по руке.

В таверне обсуждали путешествие Фионы домой и где ей жить.

— Можем поехать на последнем пароме завтра вместе, — предложил Дэвид. — Вместе веселее, и в Лондон можем полететь вместе.

— Неплохая идея, так будет легче проститься.

— На какое-то время, — сказала Вонни. — Вы еще вернетесь, у вас здесь много друзей.

— Завтра попрощаюсь с Элени и поблагодарю за все и за то, что она позвала доктора Лероса.

— А я дам Марии последний урок вождения и скажу ей, что теперь с ней будет заниматься Вонни. Правильно, Вонни?

— А она на этой неделе ездит лучше? — спросила Вонни.

— Гораздо лучше, — успокоил ее Дэвид. — И будет еще лучше, если вы постараетесь не кричать на нее, но поможете быть более уверенной в себе.

— Мы все чувствуем себя намного лучше, когда никто на нас не кричит и укрепляет нашу самоуверенность, — проворчала Вонни.

— А ты сообщила своим в Ирландии, что возвращаешься? — спросил Фиону Андреас.

— Пока нет. Позвоню из Анна-Бич завтра.

— Иди и позвони по моему телефону, — предложил он так же, как было, когда случилась трагедия с Маносом.

— Только короткий звонок, а потом подруге Барбаре. Огромное спасибо, Андреас. — И Фиона побежала на кухню.

— Не странно ли это, что у вас, молодых людей, ни у кого нет мобильных телефонов? — удивился Йоргис.

— Да, это странно. Ни у одного из нас мобильник здесь не работает, — заметил Дэвид.

— Нет ничего необычного, — сказала Вонни. — Вы все от чего-то сбежали. Зачем вам звонить куда-то, чтобы вас проследили?

— Барбара?

— Господи Всевышний, это же Фиона!

— Барбара. Я возвращаюсь домой!

— Вот это новость. Когда же вы с ним приезжаете?

— Не мы, только я.

На другом конце провода молчали.

— Шейн остается там? — наконец произнесла Барбара.

— Как бы да, остается.

— Ну что же, очень жаль, — нейтрально произнесла Барбара.

— Не будь притворой, Барбара, ты же рада.

— Это несправедливо. Почему я должна быть рада, что моя лучшая подруга расстроена?

— Вовсе я не расстроена, Барбара. Как ты думаешь, мы можем с тобой пожить в одной квартире?

— Конечно, можем, начну поиски прямо сейчас.

— Отлично. И вот еще что, Барбара, могла бы ты предупредить папу и маму?

— Конечно, что именно мне им сказать?

— Что я возвращаюсь домой. — Фиона удивилась: что здесь может быть неясного.

— Да, но ты знаешь, как люди этого поколения любят задавать вопросы... — начала Барбара.

— О, да пусть себе спрашивают, — небрежно бросила Фиона.

Томас проводил Эльзу в ее гостиницу и поцеловал в щеку.

— Schlaf gut, — пожелал он.

— Вы учите немецкий, чтобы произвести на меня впечатление? — улыбнулась она ему.

— Нет, Эльза, думаю, ради того, чтобы произвести на вас впечатление, придется сделать гораздо больше, чем просто сказать «Спокойной ночи», — промолвил он грустно.

— Например? — спросила она.

— Придется стать нетерпимым и рьяным. Мог бы попытаться, но на это уйдет много времени.

— Оставайтесь таким, какой вы есть, поверьте, Томас. Увидимся завтра в полдень в гавани.

— Вы к тому времени еще не уедете в Германию?

— А вы — обратно в Калифорнию?

— Спокойной ночи, прекрасная Эльза, — попрощался он и отвернулся.

Фиона была уже в номере Эльзы и паковала вещи.

— Перед тем как ты что-то скажешь, хочу извиниться. Я вела себя с тобой совершенно глупо, пытаюсь одолжить денег и все такое, —

начала Фиона.

— Это не имеет никакого значения, но и я была слишком резка и груба с тобой, извиняться надо мне.

— Теперь это не важно. С Шейном покончено. Я уезжаю обратно в Дублин. Вдруг я представила, какое меня с ним ждет будущее, и оно оказалось бессмысленным и печальным. Полагаю, ты сказала бы или подумала, что это была не настоящая любовь, если прошла так быстро.

— Нет, это была настоящая любовь, — успокоила ее Эльза. — Но, как ты поняла, она закончилась, и это сильно облегчит тебе жизнь.

— Я не для того отказалась от него, чтобы облегчить жизнь! — воскликнула Фиона. — Просто вдруг увидела его в другом свете, так, как видели его все вы. И тогда уйти стало совершенно нетрудно. Конечно, ужасно сожалею, что он оказался не тем, за кого я его принимала. У тебя совсем по-другому.

— Почему ты так думаешь?

— Ну, потому что Шейн только терпел мою привязанность, а Дитер умоляет тебя вернуться, обещая измениться ради тебя. Вот это настоящая любовь.

Эльза ничего на это не сказала.

— Что именно заставило тебя уйти от Шейна? — спросила она.

— Думаю, в его тоне было какое-то равнодушие. Я увидела, что ему все равно.

— Знаю, о чем ты, — медленно кивнула Эльза.

— Ты не можешь знать! Твой парень перед тобой на коленях, умоляет, чтобы ты вернулась. Это совершенно другое!

— То, что ты сказала о тоне голоса, абсолютно сходится. Пойду на балкон посмотреть на море. Присоединишься ко мне?

— Нет, Эльза, я устала. Дорога в Афины и обратно... За один день резко сменила свою жизнь. Хочу выспаться.

Эльза сидела на балконе очень долго, глядя на лунный свет и море, потом вернулась в комнату. Взяв бумагу, она стала писать письмо, которое собиралась отослать факсом на следующий день.

Моя дорогая Ханна,

ты всегда была таким замечательным и самоотверженным другом для меня. Ничего не просила и всегда была готова выслушать. Как оказалось, мысль приехать сюда была очень правильной. А еще

лучше, что мы с Дитером встретились здесь, и теперь я могу принять решение, которое основано не на фантазиях, а на фактах. Я все еще не уверена, что делать. Но еще несколько дней на этом безмятежном острове все прояснят. Сегодня я услышала две вещи. Одну от американца, который говорил о преодолении. Он бросил случайно, что любовь можно преодолеть, как выздороветь после коклюша. Не знаю, прав ли он. Потом одна ирландка сказала, что мне повезло, потому что Дитер обещал измениться ради меня. И я подумала, почему мы стремимся изменить людей. Надо либо любить их такими, как они есть, либо уйти.

Теперь уже поздно, и я пишу это при лунном свете. Я размышляла о своей жизни с Дитером так, как никогда прежде. Это было сложное бегство. Было от чего бежать. Отец бросил нас, когда я была совсем ребенком, и я всегда надеялась, что он свяжется со мной, если увидит по телевизору, но этого не случилось. Мы с матерью никогда не были близки, возможно, потому, что слишком одинаковые, вечно стремились к совершенству.

Но за недели моих странствий я узнала, что безупречной жизни не бывает, поэтому не стоит искать. Я повстречала много людей в этом путешествии, у которых проблемы гораздо серьезнее моих. Странно, но это меня успокоило.

И я думала о тебе, Ханна, и о твоём счастливом браке с Иоганном. Когда вы поженились пять лет назад, я сказала, что в нем нечего менять.

Я ужасно завидую тебе, моя дорогая, самая дорогая подруга.

Люблю тебя,

Эльза.

Глава шестнадцатая

Мириам Файн приготовила комнату Дэвида, купила новое пуховое покрывало и занавески в тон, развесила темнокрасные полотенца.

— Они смотрятся очень мило и мужественно. Надеюсь, ему понравятся, — сказала она.

— Не суетись вокруг него, Мириам, ему не нравится суета, — произнес отец Дэвида.

— И ты советуешь мне не суетиться? А что сделаешь ты? Да, что будешь делать ты, когда он войдет в эту дверь?

— Не сделаю ничего, что бы расстроило его.

— Начнешь говорить с ним об ответственности. Если его что и расстроит, так именно это!

— Нет. Не стану говорить об ответственности. По крайней мере, он наконец-то взялся за ум и бросил эти сумасшедшие идеи.

— Он возвращается, потому что ты болен, Гарольд. Он сам об этом догадался. Ты видел письмо, которое я ему послала. Ни словом не обмолвилась в нем. Ни единым словом.

— Мне не нужна его жалость. Не приму никакой жалости. — Глаза его наполнились слезами.

— Но от любви его ты не откажешься. Гарольд, в конце-то концов, именно поэтому он и возвращается, что любит тебя.

Отец Фионы повернул ключ в замке. В конторе день сегодня был тяжелый и длинный. С его пятидесятилетнего юбилея прошла неделя. Чувствовал он себя на восемьдесят пять. Плечи затекли и ныли. В конторе были молодые сотрудники, наступавшие ему на пятки. Вполне возможно, что ему удастся продвинуться еще раз по служебной лестнице.

Ему так хотелось зайти в паб и пропустить пинты три пива, но вспомнил, что Маурин приготовила ужин. Не стоило создавать дополнительных неприятностей.

Как только он открыл дверь, она выбежала к нему.

— Шон, ты не поверишь! Фиона возвращается домой. На этой неделе! — Маурин Райан умирала от радости.

— Откуда ты знаешь?

— Звонила Барбара, когда тебя не было дома.

— Неужели этот босяк не смог протянуть на пособии по безработице там? Это так? — ворчал Шон.

— Нет, что скажу тебе! Она его бросила... она возвращается домой одна!

Шон опустил портфель и вечернюю газету и сел, обхватив голову руками.

— Сегодня за обедом меня кто-то спросил, есть ли Бог, — сказал он. — Я посоветовал парню подрасти, потому что, конечно же, никакого Бога нет. Какой Бог позволил бы всему этому случиться? Но теперь я бы сказал иначе. Действительно, там, наверху, что-то есть. Она в самом деле возвращается?

— Завтра или послезавтра, она просила Барбару предупредить нас, опять хочет на старую работу.

— Ну что же, не здорово ли это? А девочки уже знают?

— Нет, хотела прежде сказать тебе, — произнесла Маурин Райан.

— Полагаю, ты приготовила ее комнату? — устало улыбнулся он.

— Нет, и скажу почему: она хочет жить в квартире с Барбарой.

— Ну и прекрасно, верно?

— Думаю, совершенно прекрасно, Шон. — У матери Фионы на глазах выступили слезы.

— Большой сюрприз, Билл, хочу взять тебя и маму на прогулку! — предложил Энди.

— Вот здорово! Куда мы идем?

— Твоя бабушка отправляется с группой в Большой каньон, помнишь, она говорила?

— Да? — Билл казался очень обрадованным. Папа часто говорил ему про Большой каньон, показывал картинки. Обещал, что когда-нибудь они отправятся туда. — Хочешь сказать, что и мы туда пойдём? — загорелось нетерпением лицо мальчика.

— Я говорил Ширли, что мы всегда мечтали там побывать, так почему бы не сделать это, если заодно можно встретиться с бабушкой?

— А что говорит мама?

— Сказала, что я добрый, и мне это понравилось, но я делаю это не ради того, чтобы казаться добрым. Решил, что так будет лучше для всех нас.

— Ты добрый, Энди, — согласился Билл.

— Я тебя обожаю, Билл, ты это знаешь, и, когда родится малыш, я буду такой же счастливый, как ты. Тогда у меня будет двое детей, чтобы любить их.

— Почему ты будешь такой же счастливый, как я?

— У тебя есть два папы, верно? И когда позвонишь папе в Грецию, ты скажешь ему про наше путешествие.

Билл набрал номер в Греции, но попал лишь на автоответчик.

Он оставил сообщение:

— Папа, Энди везет нас в Аризону посмотреть Большой каньон. Мы поедем через Сьерра-Неваду и собираемся повидаться с бабушкой. Она будет там со своим книжным клубом. Энди говорит, что я могу позвонить тебе, когда мы будем там, чтобы мы с бабушкой могли пообщаться с тобой вместе.

Потом трубку взял Энди:

— Томас, на случай, если ты услышишь это послание до нашего отъезда и захочешь поговорить с Биллом, вот номер моего сотового телефона. Постараюсь все показать малышу как следует. Теперь мы изучаем карту путешествия, но уверен, что я многое пропущу. Может быть, он когда-нибудь поедет вместе с тобой, когда ты вернешься.

— Это если он вообще когда-нибудь вернется, — влез в разговор Билл перед тем как Энди положил трубку, и его слова остались на автоответчике.

Когда Томас вернулся, после того как проводил Эльзу, он прослушал запись.

Он долго сидел и размышлял. В курятнике он заметил огонек фонарика. Он не ошибся, предположив, что Вонни не придет переночевать в комнату для гостей сегодня вечером. Он задумался над странной непростой жизнью, которую она вела среди этих людей в Агия-Анне.

Он думал о прекрасной, яркой Эльзе, возвращающейся к своему эгоистичному немцу, смотревшему на нее лишь как на трофей.

Он думал о простом, порядочном Энди, которого всегда демонизировал, но который просто очень старался быть хорошим.

Он думал о своем Билле, который верил, что отец никогда не вернется домой. Он сидел и думал до тех пор, пока звезды на небе не поблекли и холмы не озарились первыми лучами солнца.

Они собрались на последнюю встречу в ресторанчике со скатертями в бело-синюю клеточку.

— Представляете, мы часто здесь бывали, но так и не знаем, как он называется, — задумчиво произнесла Фиона.

— Он называется «Полночь», — сказал Дэвид. — Смотри на буквы. — И он медленно написал: «Месанита».

— Как в самом деле тебе это удалось? — спросила Эльза.

Медленно он еще раз вывел греческие буквы: то, что выглядело как «В», на самом деле было «Н».

— Из тебя бы получился отличный учитель, Дэвид. — Эльза была совершенно искренней.

— Не знаю, я не такой уверенный.

— Тем лучше для учителя, — сказал Томас.

— Буду скучать по вас, дома у меня мало друзей, — признался Дэвид.

— А я нет, но очень удивлюсь, если у вас не появятся новые друзья в ближайшем будущем, — добавил Томас. — И не забывайте, что через уроки вождения их будет еще больше!

— Здесь так просто, в Англии дороги другие, — заметил Дэвид. — Не думаю, что смогу открыть свою собственную школу.

— У тебя много друзей в Германии, Эльза? — обратилась к ней Фиона.

— Нет, не очень много, полно приятелей, но только один настоящий друг, Ханна. Когда ты на скоростной трассе или тебе так кажется, когда приходится всегда быть готовой и собранной, тогда настоящих друзей не бывает, — с сожалением произнесла она.

Все закивали, всем это было понятно.

Фиона объявила, что поедет на поезде, чтобы повидаться с родителями Дэвида и помочь ему сгладить возвращение домой, объяснив кое-что о жизни на этом волшебном острове и как они тут все образумились.

— Как едоки лотоса, — сыронизировала Эльза.

— Эльза хочет показать, как хорошо она знает английскую литературу. — Томас посмотрел на нее с любовью.

— Это из Теннисона, — улыбнулась она, не обратив на него внимания. — Когда они приезжали туда, где жили едоки лотоса и

питались нектаром в стране, где вечно был полдень, один из них сказал: «О, братья мореплаватели, отдохните, нам больше не суждено странствовать». Мне думается, это место действует на нас точно так же.

— Разве что мы с Фионой уезжаем, — грустно произнес Дэвид.

— Но однажды вы вернетесь. Теперь время не Теннисона, он жил в девятнадцатом веке, когда не было дешевых билетов, и вообще никаких билетов на самолет, — подбодрил всех Томас.

— Хотелось бы, чтобы Барбара тоже побывала здесь со мной когда-нибудь, но без вас все будет иначе, — загрустила Фиона.

— Вонни будет всегда, и Андреас, Йоргис, и Элени. Полно людей. — Томас не унывал.

— Томас, а вы останетесь подольше? — спросила Фиона.

— Нет, не думаю. Собираюсь обратно в Калифорнию довольно скоро, — ответил Томас, и взгляд его был где-то далеко. Они не хотели расспрашивать его. Было ясно, что решение пока не принято окончательно.

— А когда ты возвращаешься в Германию, Эльза? — тихо спросил Дэвид, чтобы сменить тему.

— Я вообще не возвращаюсь, — просто ответила она.

— Остаешься здесь? — ахнула Фиона.

— Не уверена, но к Дитеру я не вернусь.

— Когда вы это решили? — Томас наклонился вперед и пристально посмотрел на нее.

— Прошлой ночью, на балконе, глядя на море.

— И вы кому-нибудь сказали, например Дитеру?

— Написала ему, отправила письмо сегодня утром, когда шла на встречу со всеми вами. Он получит его дня через четыре или пять. Так что теперь у меня много времени решить, куда направиться. — Она улыбнулась Томасу той неторопливой, теплой улыбкой, благодаря которой стала любимицей всей Германии.

— Вонни, ты не хочешь пойти в «Полночь» попрощаться с ними? — спросил Андреас, заглянув к ней в сувенирную лавку.

— Нет, надоела им всем, пока они тут жили. Пускай идут с миром, — бросила она, не взглянув на него.

— У тебя сложный характер, Вонни, колючий, как терновник. Фиона и Дэвид вчера вечером говорили, как они тебе благодарны. — Андреас покачал головой в недоумении.

— Да, очень вежливые, так же как и вы с Йоргисом, и я вам благодарна. Кстати, похоже, тяга к выпивке прошла, как летний дождик. Те двое, Томас и Эльза, кажется, я их действительно расстроила. Не хочу сидеть так, словно старая шляпа. Многие годы тому назад мы с тобой наслушались всяких советов, но хотя бы одному последовали? Нет, не слушали никого.

— А что бы ты изменила, если бы начала жизнь сначала? — поинтересовался он.

То была неизвестная зона для Андреаса. Обычно он воспринимал вещи такими, какие они есть. Без вопросов и не задумываясь.

— Я бы сражалась со Ставросом и Магдой. Я бы, конечно, не победила, но могла бы выиграть битву позднее. Устав от нее, он мог бы вернуться ко мне. И, конечно же, надо было отвоевать у Ставроса бензозаправочную станцию. Люди здесь справедливые, они бы знали, что это я купила ее для него. Я могла бы воспитать сына. Но нет, я думала, что решение на дне бутылки. Поэтому ничего этого не случилось. — Она грустно посмотрела вокруг.

— Кто-нибудь тебе тогда что-то посоветовал? — тихо спросил он.

— Да, отец доктора Лероса и твоя сестра Кристина, но я совсем утонула в вине и не послушала их.

— Ты не спросила, что бы я сделал, если бы мог начать сначала.

— Полагаю, постарался бы оставить Адониса здесь. Я права?

— Да, конечно, я бы это сделал. Но стал бы я слушать людей, которые мне это советовали? Нет, не стал бы. — Глаза его погрустнели. — И еще: двадцать лет тому назад мне надо было на тебе жениться.

Она посмотрела на него в изумлении:

— Андреас! Да ты что! Между нами никогда даже намека не было на любовь.

— Я и свою жену не любил, вовсе нет, это так. Ничего похожего на то, как об этом пишут. Мы просто хорошо ладили и были рады друг другу. Мы с тобой были бы отличными друзьями.

— А мы и есть друзья, Андреас, — подтвердила она тихим голосом.

— Да, но ты знаешь... — бормотал он.

— Нет, ничего бы не получилось, не за пять минут. Поверь мне. Ты здесь правильно все сделал. Понимаешь, я любила Ставроса именно так, как пишут, поют и мечтают. Я бы никогда не смогла принять никого другого.

Она произнесла это так просто, что их разговор снова перешел в нормальное русло.

— Значит, все было к лучшему, — заключил Андреас.

— Определенно. И послушай, Андреас, я знаю, что Адонис обязательно вернется повидаться с тобой. Уверена.

Он покачал своей большой головой:

— Нет, это всего лишь мечта, сказка.

— Парню тридцать четыре года, ты ему написал, конечно, он вернется.

— Так почему же он ни позвонил, ни написал до сих пор?

Он не хотел говорить Вонни про таинственный телефонный звонок, который подтверждал, что Адонис уже здесь. Это могла быть ошибка, недоразумение, он не хотел будить в ней надежды, как это случилось с ним и его братом. Но, даже ничего не зная про звонок, она продолжала твердо верить.

— Ему нужно время, Андреас. Чикаго далеко. Ему надо собраться с мыслями. Но он приедет.

— Спасибо, Вонни, ты действительно настоящий друг, — поблагодарил Андреас и громко высморкался.

— Эй, Димитрий?

— Да? — произнес Димитрий холодным тоном. Ему не приходилось видеть такой яростной атаки на нежную, влюбленную, верную девушку, которая пришла навестить Шейна.

— Можно написать письмо?

— Принесу бумагу.

Время от времени он заглядывал в камеру и видел, как Шейн пишет, раздумывает и снова пишет. Наконец он закончил и попросил конверт.

— Мы сами положим в конверт, просто скажи, куда отослать. — Димитрий не хотел тратить на него много времени.

— Черта с два вы это сделаете. Не хочу, чтобы вы читали мое письмо, — возмутился Шейн.

Димитрий пожал плечами.

— Можешь сам, — бросил он и ушел.

Через несколько часов Шейн позвал его.

Димитрий написал адрес: «Таверна Андреаса, Агия-Анна».

— Как странно! — удивился Димитрий.

— Ты просил гребаный адрес, хватит критиковать, — заворчал Шейн.

— Нет, просто я знаю сына этого человека, Адониса. Мы друзья.

— Да? Вот это да! Его папаша невысокого мнения о нем.

— Они разошлись во взглядах, такое часто случается между отцами и сыновьями, — произнес Димитрий с большим достоинством.

Они договорились встретиться на пароме за полчаса до отплытия, поэтому из кафе под названием «Полночь» они пошли в разных направлениях.

Фиона и Дэвид торопились попрощаться и собрать все подарки, которые им дали.

Мария испекла Дэвиду пирог для родителей. Элени связала для Фионы кружевной воротничок.

Йоргис подарил им четки из стекла цвета янтаря.

Андреас подарил фотографию в красивой деревянной резной рамке, на которой они с Дэвидом были вдвоем.

Доктор Лерос дал Фионе несколько расписных изразцов, которые она могла повесить на стену как напоминание о Греции.

Они нигде не могли найти Вонни. Дома ее не было.

— Она придет на пристань попрощаться, — сказал Дэвид.

— Эти дни она очень грустная, словно в ней погасла искра, — заметила Фиона.

— Возможно, она завидует, что ты возвращаешься в Ирландию... Этого она никогда не могла сделать, — размышлял Дэвид.

— Да, но она сама сказала, что у нее все было нормально, и любовь, довольно долго, и сын у нее есть, чем не многие могут похвастать.

— Но где он теперь? — задумался Дэвид.

— Она твердит, что не в курсе, но клянусь, что она прекрасно знает, — заверила Фиона.

— Как было бы замечательно, если бы он вернулся! Если бы они с Адонисом встретились где-нибудь в Чикаго и решили вернуться вместе, чтобы опять покачаться на старом дереве у таверны, — размечтался Дэвид.

— Ах, Дэвид, а еще говорят, что в сказки верят только сентиментальные ирландцы.

Фиона залилась смехом и похлопала его по руке, чтобы показать, что смеется не над ним, а с ним вместе.

— Вы темная лошадка, Эльза, все эти планы, и ни слова не сказали мне, — неодобрительно покачал головой Томас, когда они шли вверх по дороге к маленькому городку.

— Я вам все сказала.

— Но когда все были там.

— Вопрос встал, когда все были вместе. — Эльза ни в чем раскаиваться не собиралась.

— Но я думал, что мы как бы обсудили все совершенно интимно... — Он колебался.

— Мы действительно обсудили и насладились этим.

— К чему вы клоните теперь? Я надеялся на сиесту с глазу на глаз.

Эльза рассмеялась:

— Куда я иду? Я иду искать Вонни.

В курятнике Вонни не было, не оказалось ее и в сувенирной лавке и даже в полицейском участке.

Эльза решила пойти по старой дороге к старику, который не верил в современную медицину, надеясь найти Вонни там.

Солнце стояло в зените, и на Эльзе была полотняная белая шляпа. На пыльную дорогу из приземистых домиков высыпали дети и приветствовали ее, то раскрывая веером свои ладошки, то складывая пальцы снова вместе.

— Яссас! — кричали они ей, когда она проходила мимо.

Эльза пожалела, что не купила конфет, карамелес, как они их называли. Но она не ожидала такого приема.

Она отыскала дом старика и вспомнила несколько предложений на греческом, чтобы объяснить ему, что ищет Вонни. Но та была здесь, рядом с кроватью старика, держа его за руку.

Она несколько не удивилась Эльзе.

— Он умирает, — просто сказала она.

— Сходить ли мне за врачом? — поинтересовалась Эльза по-деловому.

— Нет, он не позволит врачу переступить порог дома, но я скажу, что ты знахарка, лечишь травами, и он примет от тебя все, что мы ему дадим.

— Вонни, вы не можете этого сделать, — испугалась Эльза.

— А по-твоему, пускай умирает в муках?

— Нет, мы не можем играть с чужой жизнью...

— Ему осталось жизни часов шесть или семь. Если хочешь помочь, сходи за доктором Леросом, помнишь, где он живет? Скажи ему, что происходит, и попроси морфия.

— Но разве не требуется...

— Нет. Тебе ничего не надо, зайди только ко мне в магазин и возьми ступку. Иди быстро.

По пути вниз по пыльной дороге ей навстречу выехал старый фургон. Эльза остановила его и сказала, что ей надо к врачу за лекарством. Двое мужчин посмотрели на нее с восхищением и охотно отвезли к врачу. Как предсказала Вонни, с лекарством проблем не было, мужчины в фургоне обождали ее, пока она искала ступку в магазине, и отвезли обратно.

— Очень быстро обернулась, — одобрительно кивнула Вонни.

Эльза взяла старика за руку и, не переставая, повторяла: «Дхен ине соваро, дхен ине соваро» («Ничего серьезного, ничего серьезного»).

Вонни растолкла в ступке таблетки морфина, смешала их с медом и ложечкой накормила этим старика.

— Лучше было бы сделать инъекцию, подействует быстрее, но он и слышать об этом не хочет, — мрачно проговорила Вонни.

— Как скоро он почувствует облегчение?

— В течение нескольких минут. Это средство действительно чудодейственное.

Старик что-то проямлил.

— Что он сказал?

— Он сказал, что знахарка очень красивая, — криво усмехнулась Вонни.

— Жаль, что он так сказал, — грустно произнесла Эльза.

— Да ладно, наши с тобой физиономии последнее, что он видит в жизни. Разве не замечательно, что у него перед глазами твое лицо?

— Вонни, пожалуйста, — сказала она со слезами на глазах.

— Если хочешь помочь, продолжай улыбаться ему, Эльза, скоро боль у него пройдет.

И в самом деле, его лицо начало расслабляться, рука стала сжимать ее ладонь не так сильно.

— Думай, будто это твой отец, побольше любви и тепла во взгляде, — посоветовала Вонни.

Эльза подумала, что не время напоминать Вонни, что она едва помнила своего отца, бросившего ее. Вместо этого она смотрела на несчастного грека и думала о нем и его странной жизни, которая заканчивалась в обществе ирландки и немки, суевившихся возле его постели и давших ему огромную дозу морфия...

— Йоргис, это Димитрий из Афин, помните, мы разговаривали несколько раз...

— Конечно, помню тебя! Как ты, мальчик? Рад тебя слышать! К свадьбе уже все готово?

— Да, до чего же много суется женщины по поводу этого дня! Я считаю, что главное, какая жизнь будет потом, не так ли?

— Для нас — да, но для них этот день самый важный.

— Знаете этого ирландца, драчуна?

— Шейна? Да, знаю. Но главное, что девушка его бросила. Ушла от него прямо у тебя на глазах, не так ли?

— Так точно, откуда вы знаете?

— Вонни рассказала, та женщина, что была с ней. Она сказала, что ты был просто герой.

— О, так вы знаете эту женщину? Что вы, я ничего такого героического не сделал. Но хочу сказать, что он написал письмо вашему брату, послал на адрес таверны. Оно было на английском, а я по-английски не читаю. Интересно, что в письме.

— Он, наверное, думает, что Андреас добряк, но это не поможет. Малышка Фиона возвращается в Ирландию, Андреас и я идем к парому сегодня вечером проводить ее. Поэтому, что бы он ни написал, будет слишком поздно.

— Хорошо, — сказал Димитрий. — Раз уж я с вами говорю, скажите, Адонис приезжал в Агия-Анну? Помните, я знал его здесь, в Афинах, и сегодня думал о нем.

— Нет, никогда.

— Наверное, большие деньги зарабатывает в своем Чикаго?

— Не знаю, и вообще ни разу не слышал, чтобы кто-то в Америке так преуспел. Забавно, но дня два тому назад я вдруг подумал, что он может вернуться, но тревога была ложной.

— Что вы имеете в виду?

— Из Чикаго был странный звонок, они хотели знать, куда он положил какие-то ключи... Я подумал... Я надеялся, что он, может быть, выехал сюда, но, увы, нет.

— Как правило, в конечном итоге мы все делаем то, что хотим сделать, — вздохнул Димитрий.

— Да ты философ, Димитрий, мой мальчик. Но старики продолжают надеяться, что мир станет лучше, и люди не забывают, что жизнь коротка, и не стоит ссориться.

На последний паром из Агия-Анны очередь постепенно росла.

Фиона и Дэвид стояли посреди толпы провожающих. Здесь была Мария с детьми, Элени, хозяйка дома, где Фиона останавливалась с Шейном, тоже со своими детишками. Вонни и Эльза выглядели усталыми и встревоженными, но снова подругами. Томас тоже был здесь в своих смешных штанах. Он купил для каждого из них по книге об острове и сделал копию фотографии, на которой они были все вчетвером в кафе.

На фотографиях он написал «Полдень в “Полночи”». Андреас и Йоргис тоже пришли с обещаниями приготовить больше жареной баранины, когда они приедут снова.

Вонни заметила, что уезжающие сильно разволновались.

Она говорила авторитетно:

— Теперь вы оставляете нас здесь на средиземноморской скале, не знаящих, что случится, когда вы доберетесь до дому, — серьезно

произнесла она. — Писать можете мне, а я приду в «Полночь» и прочту письмо остальным.

Они клялись, что обязательно напишут.

— Через сутки после того, как приедете, не забудьте, — решительно наказала Вонни. — Хотим знать, как ваши дела.

— Писать вам, друзья, будет легко, нет надобности лгать, — сказал Дэвид.

— Или притворяться, — согласилась Фиона.

Как раз в этот момент раздался гудок на пароме, и они прошли по трапу в толпе людей с корзинами и с чем-то похожим на узлы с бельем. У некоторых в коробках с дырами для воздуха были куры и утки.

Они махали руками до тех, пока паром не вышел из гавани, повернул вдоль берега и исчез из вида.

— Ужасно одиноко, — пожаловалась Фиона.

— Мне тоже. Мог бы жить здесь вечно, — подхватил Дэвид.

— Правда? Или мы просто обманываем себя, как ты думаешь? — размышляла Фиона.

— Для тебя все по-другому, Фиона, действительно, ты любишь свою работу, у тебя есть друзья, твоя семья не собирается ломать тебя, задушить.

— Вообще-то я не знаю, как они отреагируют. Я старшая в семье и не была хорошим примером для сестер, убежав с законченным психом.

— Но у тебя хотя бы есть сестры, а я единственный ребенок. На мне все семейное бремя. И отец мой умирает. Придется видеться с ним каждый день и говорить, что буду горд работать в его компании.

— Может быть, все не так плохо, как ты думаешь, — выразила надежду Фиона.

— Будет еще хуже, как только я спущу поводья, как говорит отец. Хорошо, что ты будешь со мной, чтобы растопить лед.

— Они подумают, что я твоя девушка, ужасная католичка, пришедшая разрушить ваши традиции?

— Они уже это делают, — буркнул он мрачно.

— Ну что же, их сильно позабавит, когда на следующий день я уеду в Ирландию, — развеселилась Фиона. — Какое это будет для них облегчение, да они просто задушат тебя в своих объятиях.

— Обниматься у нас любят...

И почему-то им показалось это очень смешным.

Эльза и Томас следили за паромом, пока тот не скрылся из вида. Потом они направились обратно в город.

— Где вы были сегодня днем? — спросил он. — Я вас искал, думал покататься на лодке еще раз.

— Завтра будет отлично, — пообещала она. — Если вы свободны.

— Я свободен.

— Мне интересно, уедете ли вы обратно в Калифорнию.

— А мне интересно, действительно ли вы не едете в Германию.

— Так давайте же наилучшим образом проведем время здесь, — предложила Эльза.

— Что конкретно вы предлагаете? — заинтересовался Томас.

— Предлагаю завтра взять лодку напрокат, провести пикник, на следующий день на автобусе отправиться в Калатрияду. Хотелось бы увидеть то место снова, когда я не в стрессовой ситуации. Вот что я предлагаю.

— Ладно, договорились, — сказал он, и они заговорщически улыбнулись друг другу. Чтобы сменить тему, он спросил: — Вы так и не сказали мне, что делали весь день.

— Была в маленьком ветхом домишке с Вонни, наблюдала, как умирает старик. Одинокий старик, у которого никого не осталось из родни, только Вонни и я. Никогда раньше не видела, как умирают люди.

— О, бедная Эльза. — Он наклонился к ней и погладил по волосам. — Бедная Эльза.

— Не бедная Эльза. Я молода, у меня вся жизнь впереди, а он был стар, одинок и напуган. Бедный старый Николас. Бедный старик.

— Вы были с ним добры. Сделали все, что могли.

Эльза отодвинулась от него.

— О, Томас, если бы вы видели Вонни. Она была великолепна. Забираю обратно все, что говорила о ней. Она накормила его медом из ложечки и просила, чтобы я держала его за руку. Она была словно ангел.

Они вернулись в ее гостиницу.

— Завтра мы возьмем маленькую голубую лодку и отправимся в море, — сказал он.

Она повернулась, чтобы уйти, но вдруг крепко обняла его.

— Энди, время для звонка нормальное?

— Конечно, Томас, для меня нормально, но, боюсь, Билл и его мама не здесь, они отправились в поход.

— В поход?

— Вообще-то я хотел сказать «по магазинам», они называют это походом. Можешь позвонить минут через тридцать или сорок пять? Сам знаешь, во что оборачивается поход по магазинам, не хочу, чтобы ты понапрасну тратил деньги, разговаривая со мной.

— Рад поговорить с тобой, Энди, потому что хочу кое о чем спросить.

— Конечно, Томас, спрашивай что хочешь. — Голос у Энди был слегка усталый.

— Я подумал, если вернуться немного раньше, чем все ожидают, как ты полагаешь, это будет правильно?

— Вернуться? Извини, Томас, не совсем понимаю. Хочешь сказать, вернуться обратно сюда, в город?

— Да, именно это. — Томас похолодел. Парень собирался сказать, что идея плохая. Он знал это.

— Но ты же сдал свою квартиру на год, не так ли?

— Да, но подумал, что сниму другую, побольше, с садом для Билла, чтобы играть.

— Ты хочешь взять Билла обратно? — Энди поперхнулся.

— Нет, не забрать насовсем, конечно, просто найти место, куда бы он мог приходить в гости. — Томас старался не показать нетерпения.

— О, понимаю.

Господи, до чего же он туго соображал. Чтобы переварить идею, ему требовалась вечность и еще век, чтобы ответить.

— Так что ты думаешь, Энди? Считаешь, Биллу понравится... если я буду жить через дорогу от него? Или это будет его смущать? Тебе лучше знать. Скажи мне. Я действительно хочу сделать как лучше.

На расстоянии тысяч миль Томас мог почти слышать, как на красивом, пустом лице Энди расплывается улыбка.

— Томас, мальчику это очень понравится. Для него это будет словно подарок Санта-Клауса со всеми днями рождения в придачу!

В искренности его слов сомневаться было нельзя.

Томас едва смог выдать из себя слова:

— Не скажу ему об этом сейчас, если ты согласен. Хотел бы уточнить дату и сообщить ему точно, когда буду говорить с ним. Ты понимаешь, Энди?

— Конечно, ничего ему не скажу, пока от тебя не услышу.

— Спасибо за понимание, — промямлил Томас.

— Понимание? Отцу хочется быть рядом с собственным сыном. Чего тут понимать?

Томас повесил трубку и долго сидел в темноте. Все верили, что Билл был его родная кровь и плоть. Все, кроме Ширли. Но он знал, что и она уже верила в это. В конце концов, он никогда не говорил ей про заключение врача. Было слишком поздно извещать ее об этом.

Вполне возможно, что и она не знала.

Вонни устроилась в сарае, который Томас называл курятником. Она видела, как он разговаривает по телефону. А еще раньше она заметила, как он держал Эльзу за руку. У них все еще впереди, у этих двоих.

Она вздохнула с завистью.

Было бы замечательно иметь много лет впереди. Время для принятия решений, путешествий, познания нового. Для того, чтобы влюбляться снова. Ей было интересно знать, что они собираются делать. Она думала о Фионе и Дэвиде, которые должны были поздним самолетом лететь из Афин в Лондон.

Будет ли их возвращение домой бурным, неловким или эмоциональным? Она надеялась, что они ей обо всем расскажут. Она требовала, чтобы они обо всем отчитались, когда приедут!

Она вспомнила долгий жаркий день и как закрыла глаза Николасу, вытерев остатки меда с его подбородка, перед тем как послать за доктором Леросом, чтобы он констатировал то, что она и так знала. Она думала о Йоргисе из полицейского участка. О Йоргисе, чью жену никогда не вспоминали.

Она пыталась представить, как выглядит Магда теперь и плакала ли она о том, что огромные черные глаза Ставроса глядят на другую женщину. Она думала про Андреаса, заявившего, что им следовало пожениться давным-давно. Конечно, он был не прав. Но если бы они

поженились, она смогла бы вернуть Адониса. Сделать это было бы совсем легко. Мальчика только стоило попросить. В отличие от ее собственного сына, который ни за что бы не вернулся.

Мальчик, однажды приславший записку, в которой говорилось, что она украла его детство и что он никогда больше не хочет ее видеть. Во всех откровениях и рассказах про свою жизнь она ни разу не упомянула об этом, о чем больно было говорить и даже думать было невыносимо. И, как это происходило в течение тридцати лет каждую ночь, она помолилась за своего сына Ставроса. Просто на случай, если Бог есть, и ее молитва, может быть, принесет ему счастье.

Глава семнадцатая

Когда Томас зашел за Эльзой на следующее утро, она была полностью готова к пикнику. В корзинке у нее лежала скатерть, покрывало и еда.

— Я думал... — начал Томас.

— О чем вы думали, дорогой Томас?

— Не смейтесь надо мной, — взмолился он.

— Клянусь, я не смеюсь над вами.

— Я подумал, может быть, мы смогли бы прокатиться на лодке вдоль берега до Калатриады и остановиться там на ночь. Я именно об этом думал.

— Полагаю, вам больше не надо раздумывать, идея отличная. — Она пошла обратно в коттедж.

— Куда вы идете? — нетерпеливо спросил он.

— Чтобы взять зубную щетку, запасные трусики и чистую блузку. О'кей?

— Очень даже о'кей. — Он ожидал какого-то сопротивления.

Она вернулась через тридцать секунд.

— Позволит ли хозяин лодки забрать ее на такое длительное время? — спросила она.

— Я был там, чтобы узнать, и если вы скажете «да», этого будет достаточно. — Томас выглядел немного смущенным.

— Продолжайте, Томас, что он действительно сказал? — Она радостно рассмеялась над ним.

— Он постоянно говорил о вас как о... моей сизигос или еще что-то в этом роде...

— Что же это такое?

— Я посмотрел в словаре. Боюсь, это означает «партнер, супруг» или что-то подобное.

— Ну что же, отлично, сизигос, отправимся в большое плавание! — весело произнесла Эльза.

Они взяли маленькую лодку и отплыли из бухты. Старик продолжал говорить, что, если погода испортится, им лучше всего лишь выйти на берег и привязать лодку. Слишком много людей уже пострадало.

За пределами гавани море было спокойное, и они скользили вдоль берега, узнавая места, мимо которых проплывали. Там была больница, где лежала Вонни так долго, там был пляж, где Эльза была с детьми. Здесь, должно быть, стояла часовня, где остановился автобус, когда они возвращались утром на похороны. Как давно, казалось, все это было.

На полпути они нашли большой деревянный помост ярдах в ста от берега. Сюда, должно быть, заплывали купальщики. Томас привязал маленькую лодку, и место оказалось идеальным для их пикника. Эльза забралась на помост из лодки и расстелила покрывало.

Она намазала на хлеб тарамасалу и хумус, разложила инжир и арбуз на тарелке. Затем налила вина и протянула ему бокал.

— Вы знаете, какая вы ослепительно красивая, — восхитился он.

— Благодарю, вы очень добры, но это не важно, — сказала она как бы между прочим. Она вовсе не хотела осадить его, просто констатировала факт.

— Хорошо, это не столь важно, но верно. — Больше о красоте ее не говорил.

В Калатриаде настоящей бухты не было, поэтому они привязали лодку у дамбы и пошли по крутой дороге к маленькой деревне.

Ирина помнила их еще с прошлого визита. Она взяла их за руки и тепло приветствовала. Похоже, она нашла совершенно естественным, что эта красивая пара собиралась снять две комнаты.

— У нас только одна комната, но там две кровати, каждому по одной, — предложила она.

— Думаю, мы это переживем, не так ли, Эльза?

— Конечно, — согласилась она.

Ирина, возможно, никогда не уезжала далеко от дома. Но была достаточно мудра. Она точно знала, что удивляться не стоит ничему.

— Он сказал что-нибудь про девушку, которая приезжает с ним? — спросил в третий раз Гарольд Файн.

— Только то, что я тебе говорила, что она, он и еще двое других друзей познакомились на острове и что они возвращаются вместе.

— Хм, — пробормотал отец Дэвида.

— Не думаю, что это роман, — засомневалась мать Дэвида.

— Раньше он никогда не приводил девушек, Мириам.

— Знаю, но все же так не думаю. Она, прежде всего, ирландка.

— Почему это должно его остановить? Разве он не жил в дикой Греции все лето?

— Она только на одну ночь, Гарольд.

— Они все теперь так говорят, — мрачно проворчал отец Дэвида.

— И чего это, бога ради, она остановилась в Манчестере? — спросил Шон Райан у Барбары.

— Объяснять времени не было, но, возможно, там кто-то, с кем она повстречалась и у кого теперь умирает отец, поэтому Фиона собирается провести там ночь с семьей, чтобы как-то облегчить ситуацию, — предположила Барбара.

— Еще один убогий, — пробурчал отец Фионы.

— Просто Фиона добрая, — сказала Барбара.

— Видишь, куда завела ее доброта, — не унимался отец.

— Но теперь все закончилось, мистер Райан. — Барбаре иногда казалось, что жизнь заключается в том, чтобы быть радостной с подопечными. — Завтра она будет дома в шесть часов и без Шейна. Не этого ли мы все хотели?

— И она действительно не хочет, чтобы кто-то из нас встретил ее в аэропорту? — удивилась Маурин Райан.

— Да, сказала, что терпеть не может эмоциональных сцен на виду у незнакомых людей. Ее самолет прилетает в четыре, дома будет раньше шести.

— Интересно, Барбара, если бы ты была свободна, могла бы ты... — начала мать Фионы.

— Быть здесь, когда она приедет, — закончил фразу отец Фионы.

— Чтобы сгладить ситуацию?

— Чтобы не дать мне наговорить чепухи, — выпалил Шон Райан.

— Конечно, уговорю их сместить мой график, — пообещала Барбара.

— Просто, когда она уезжала, столько слов было сказано, — объяснила Маурин.

— О, слов всегда сказано слишком много, поверьте. — Барбара подумала, не стоит ли ей дать объявление и стать мировым судьей. Казалось, что в свободное время она только этим и занималась.

— Думаешь, ей лучше остаться здесь на ночь или уйти к тебе?

— Знаете, миссис Райан, думаю, было бы замечательно, если бы ей устроили теплый прием дома с хорошим ужином, а потом она бы пошла ко мне... Тогда Розмари не придется освобождать комнату Фионы, где она обосновалась, и не будет опасности, что снова наговорите друг другу много лишнего.

Спеша к автобусу, Барбара подумала, не податься ли ей в Организацию Объединенных Наций или обождать еще немного.

— Димитрий?

— Да?

— Ты отправил письмо? — спросил Шейн.

— Оно отправлено.

— Так почему же этот старый идиот не ответил?

— Не знаю, — пожал плечами Димитрий.

— Может быть, он вообще не умеет читать, старый сумасшедший старик в зашнурованных ботинках в летнюю жару.

Димитрий повернулся, чтобы выйти. Шейн схватил его за рукав:

— Пожалуйста, не уходи... Я... Ну, в общем... если честно, мне немного страшно и одиноко здесь.

Димитрий взглянул на него. Он вспомнил искаженное лицо Шейна, когда тот схватил свою девушку за волосы и готов был ударить ее о стену камеры.

— Время от времени мы все напуганы и одиноки, Шейн. Есть договоренность, что тебя в суде будет представлять адвокат, — сообщил он, отцепившись от арестованного, и запер за собой дверь камеры.

На столе Димитрия зазвонил телефон.

Это был Андреас, он взял номер тюрьмы у своего брата Йоргиса.

— Я по поводу молодого ирландца.

— О, да? — вздохнул Димитрий.

— Он написал мне, просит информацию о Фионе, говорит, что сильно сожалеет и мог бы объяснить, что не хотел сделать ей больно.

— Он как раз хотел сделать ей больно, — подтвердил Димитрий.

— Да, ты это знаешь, и я это знаю, но он хочет, чтобы я ей сказал. Собирался послать ему сообщение, что не могу этого сделать, потому что она уехала. Обрати к себе домой.

— Хорошо, — сказал Димитрий.

— Так ты передашь ему это сообщение?

— Могли бы вы выслать письмо, или факс, или имейл? Что-нибудь? Мне он не поверит.

— Я не особенно силен в английском.

— Может быть, там есть кто-нибудь, кто сделает это за вас?

— Да, да, есть, спасибо, знаю, кого попросить.

— Но скажите, как ваш сын Адонис? Я знал его, когда мы служили вместе.

— Думаю, у него все нормально. Он теперь живет в Чикаго.

— А он вернется?

— Вообще-то нет, а почему ты спрашиваешь?

— Потому что хотел бы встретиться с ним снова. Я собираюсь жениться. Хотел пригласить его на свадьбу.

— Ну что же, если свяжусь с ним, то обязательно скажу, чтобы он тебе позвонил, — пообещал Андреас с тяжелым сердцем.

Димитрий сидел и смотрел на телефон очень долго. Люди совершали необычные поступки. Адонис был отличным другом, когда они вместе служили в армии, всегда с любовью говорил о своем отце и о таверне на холме. Димитрий вздохнул. Понять это было так трудно.

Это была их вторая ночь в Калатриаде, и, в отличие от первого посещения вместе с Дэвидом и Фионой, эта ночь была ясная и звездная.

Ирина накрыла небольшой столик для Томаса и Эльзы на открытом воздухе, где им были видны и площадь и люди, заполонившие ее. Для украшения стола она поставила в белую фарфоровую вазу два цветка бугенвиллеи.

Томас взял Эльзу за руку и погладил ее.

— Я чувствую себя здесь таким счастливым, мне так спокойно, словно бури прошли стороной.

— Мне тоже очень хорошо.

— Что, конечно же, странно, — сказал Томас. — Бури на самом деле пока не закончились. Они все еще рядом для нас обоих, и с ними скоро придется иметь дело.

— Но, возможно, нам спокойно, потому что теперь мы считаем, что можем с ними справиться, — предположила Эльза.

— Что вы имеете в виду?

— Вы возвращаетесь к Биллу, вопрос лишь, когда? А я не уезжаю в Германию, и единственный вопрос: куда теперь?

— У вас быстрый, сметливый ум, Эльза. Вы все отлично можете проанализировать.

— Не такой быстрый, есть кое-что, о чем я могла догадаться давным-давно.

— Не будем тратить время на сожаления, не так ли? — предложил он.

— Не будем. Согласна, что сожаления бесполезны. Даже разрушительны.

— Хотите кофе?

— Возможно, я немного нервничаю, Томас.

— Я тоже, но не думаю, что кофе кого-то может успокоить. Пойдемте. — Когда они спускались по деревянным ступенькам, она держала его за руку.

Ирина улыбнулась им и, казалось, поняла, что эта ночь была для них важной.

В спальне каждый чувствовал неловкость. Эльза указала на горные вершины, назвав их имена.

— Какое красивое место, — прошептала она.

Он подошел к ней, прижал ее к себе и нежно поцеловал в шею. По ней пробежал озноб.

Томас отстранился.

— Это было грубо или что-то не так? — неуверенно спросил он.

— Нет, это было восхитительно. Иди сюда.

Она погладила его лицо и поцеловала, крепко прижавшись, руками легко поглаживая его по спине. Он расстегнул ее блузку.

— Эльза, я не знаю... я надеюсь...

— Я тоже не знаю и тоже надеюсь, — прошептала она. — Но помни: не оглядываться назад, никаких сожалений, никаких сравнений.

— Ты прекрасна, Эльза.

— Обними меня, — попросила она. — Пожалуйста, люби меня, Томас. Люби меня на этом красивом острове, и давай не будем думать ни о чем, кроме этой ночи...

Вонни с Андреасом сели рядышком, и она начала писать Шейну письмо.

Отвечаю на твое письмо про Фиону Райан. Она покинула остров два дня тому назад, вернулась в Ирландию, где надеется снова устроиться медсестрой. Поэтому я не смог передать ей твою записку с извинениями, но полагаю, ты знаешь, как с ней связаться в Дублине.

Надеюсь также, что ты будешь сотрудничать с властями Афин по поводу твоего заключения. Они очень серьезно относятся ко всему, связанному с наркотиками.

*Искренне,
Андреас.*

Вонни перевела письмо Андреасу.

— Думаю, выглядит немного холодновато, — произнес он.

— Очень даже холодно, — согласилась Вонни. — Ты собираешься заплатить залог и пригласить его погостить здесь полгода?

— Нет, мне все известно. Просто он в тюрьме и он извинился.

— Андреас, ты всех жалеешь... всех, кроме собственного сына.

— Я и его жалею, Вонни, но, увы, слишком поздно. Нет, не говори, что у тебя предчувствие, я больше в них верю.

— Правильно. Хватит об этом, клянусь. Мы пошлем это письмо по электронной почте или попросим Йоргиса послать его факсом, что ты думаешь?

— Хочешь послать его в таком виде, даже несмотря на то, что оно слишком холодное? — усомнился он.

— По-моему, я могу и ошибаться, но в жизни бывают моменты, когда надо быть холодным. Теперь как раз такой случай.

— Ты ошибаешься, Вонни? Никогда! — улыбнулся он. — Давай пошлем по факсу и избавим бедного дурачка от глупого ожидания.

— Зайду в полицию по дороге домой.

— Где дом сегодня? У тебя в квартире или в курятнике? — спросил Андреас.

— Да ты хуже, чем Томас! Смеешься над тем, как я живу, не меньше! Но раз уж тебе любопытно, сегодня ночью я буду спать в

маленькой комнате для гостей. Томас и Эльза уехали в Калатрияду вместе, в доме буду одна.

— Они уехали туда вместе? — Он почесал себе щеку. — Понимаю...

— Знаю, представляю, — подхватила она.

— А когда они возвращаются?

— Томас оставил записку. Сказал, что если все будет хорошо, то они побудут там несколько дней.

— Будем надеяться, что у них все хорошо, — сказал Андреас.

— Какой ты милый, — заметила Вонни.

— Ты раньше этого не говорила.

— Нет, но за многие годы я наговорила немало всякой ерунды. Тебе всегда хватало мудрости понять, что я действительно имела в виду, а что пустое. Я действительно считаю, что ты милый и замечательный человек. Надеюсь, ты это знаешь.

— Знаю, Вонни, и рад, что ты думаешь обо мне так.

Дэвид сидел и разговаривал с отцом, придерживаясь строго тех тем, которые они обсудили с Фионой. Ничего о болезни, которая угрожала его жизни, но много об офисе и предстоящей церемонии награждения.

— Я и не думал, что тебя это волнует, — расчувствовался Гарольд Файн.

— Но тебя же награждают, папа, почему я не должен переживать и гордиться?

Отец кивнул и улыбнулся:

— Ну что же, скажу тебе честно, сын, мне не было бы так приятно, если бы ты не принимал участие. Какой смысл во всем этом, если твоя плоть и кровь не может разделить с тобой эту радость?

В соседней комнате Фиона разговаривала с матерью Дэвида.

— Миссис Файн, вы так добры ко мне, что позволили остаться на ночь. Я вам так благодарна.

— Конечно, друзьям Дэвида всегда рады в этом доме.

— Он рассказывал мне о вашем замечательном доме, но не был достаточно справедлив. У вас восхитительный дом.

Мириам Файн смутилась и возгордилась в одинаковой мере.

— Дэвид говорил мне, вы живете в Дублине?

— Да, была в отъезде несколько недель. Просто мечтаю снова увидеться со своими. — Фиона искренне улыбнулась.

— Там было красиво, на том острове, где вы отдыхали?

— О, совершенно божественно, миссис Файн. Они такие простые, добрые люди. Хотела бы побывать там еще раз и обязательно поеду. Знаю, что поеду еще раз.

— А что конкретно вы там делали?

— Отдыхала от работы, — радостно произнесла Фиона. Они с Дэвидом договорились не упоминать Шейна, выкидыш и арест за наркотики. Ничего, что могло бы расстроить или угрожать жизни семейству Файн.

— А вы работаете медсестрой в Дублине? — Мириам Файн стала дышать более свободно. Похоже, эта девушка не имела видов на ее сына.

— Проработала шесть месяцев в онкологическом отделении перед тем, как уехала, и позвольте вас заверить, что это были самые стоящие дни, миссис Файн.

— Извините?

— Теперь такие методы лечения, вы даже не представляете. Дайте-ка я вам расскажу...

И, к своему удивлению, Мириам Файн заметила, что с удовольствием сидит и слушает девушку с ирландским акцентом, которая оказалась чрезвычайно полезной во многих отношениях. Она даже не могла мечтать о лучшем госте в своем доме.

В приемную гостиницы Анна-Бич Эльзе пришло сразу несколько факсов. Все очень срочные, с просьбой проверить электронную почту. Но Эльзу нигде нельзя было найти.

Служащий отыскал Вонни в фойе возле сувенирного ларька.

— Не могли бы вы подсказать, что делать с этими письмами? Эта немка не появлялась несколько дней...

Вонни взглянула на сообщения с интересом.

— Не читаю по-немецки. О чем здесь?

— Какой-то мужчина в Германии сообщает, что ей не стоит играть в игры, что она не может его оставить. Что-то подобное.

— Понимаю. — Вонни осталась довольна.

— Полагаете, стоит послать ему факс, что ее здесь нет? — спросил служащий, переживая, чтобы гостиницу Анна-Бич не обвинили в том, что здесь плохо работают.

— Нет, я бы ничего не делала. Лучше не вмешиваться. Конечно, если он позвонит, то можно сказать, что вы узнали, что она уехала.

— А она действительно уехала?

— На несколько дней, да, ей бы не хотелось, чтобы ее тревожили.

Дублин

Моя дорогая Вонни.

Я поклялась, что напишу Вам спустя сутки после возвращения домой. Вот я и пишу.

Путешествие прошло прекрасно, в самолете было полно туристов. Мы с Дэвидом чувствовали свое превосходство, потому что узнали настоящую Грецию, а не только пляжи и диско. К Дэvidу мы доехали на поезде. Он по-настоящему богат. Кстати, у его семьи один из этих огромных домов, где полно красивых антикварных вещей и дорогая отделка. Мама у него такая искренняя и заботливая и, похоже, посвятила всю свою жизнь мужу. Мистер Файн выглядит очень плохо, ему осталось всего несколько месяцев жизни. Очень мало. Он сильно испугался, но в итоге смог поговорить со мной о паллиативном лечении. Он не знал даже, что врачи делали, и не хотел спрашивать. Мы с Дэвидом плакали в аэропорту Манчестера. Люди подумали, что мы прощающиеся любовники.

Барбара была дома, когда я приехала, чтобы смягчить ситуацию. Папа едва сдерживался, старался не говорить ничего обидного. Мама — словно телевизионная ведущая передачи по кулинарии, можно было подумать, что я вернулась из какого-то концлагеря, а не с прекрасного острова, наполненного волшебными ароматами и вкусами. Все еще скучаю по запаху древесного угля в кафе «Полночь» или жареной баранины и кедровых орешков у Андреаса.

Передайте ему самый теплый привет от меня, Напишу, когда начну работать и когда мы с Барбарой снимем новую квартиру. В данный момент я сплю у нее на диване и через день навещаю папу с мамой. Они замечательные и практически не упоминают о своей серебряной свадьбе. Мои две сестры стали настоящими чудовищами.

Я решила не упоминать ни о выкидыше, ни о Шейне в тюрьме. Более того, я решила просто забыть обо всем этом.

Вряд ли когда-нибудь смогу отблагодарить Вас, Вонни, по-настоящему, особенно за тот день в Афинах. Надеюсь и мечтаю, что Вам когда-нибудь удастся отыскать своего бывшего мужа и сына. Вы этого заслуживаете.

*С любовью,
Фиона.*

Манчестер

Дорогая Вонни.

О, как я скучаю по Агия-Анне каждое мгновение каждого дня. Как было бы хорошо проснуться под этим ярким небом и прожить день без тревог и забот, пока на небе снова не засияют звезды. Полагаю, здесь тоже есть звезды, но погода неважная, и мне их не видно.

Папа выглядит ужасно. Фиона с ним поладила просто восхитительно. Говорила с ним так, словно знала его всю жизнь, и рассказывала, как полезны лекарства, которые помогают избавиться от боли. Она понравилась даже маме. Она боялась, что я привел в дом свою девушку, очень расстроилась, но еще больше огорчилась, когда узнала, что мы просто друзья. Они заставили ее пообещать, что она придет еще, когда папе станет хуже, и я знаю, что она обязательно придет. Расставаясь в аэропорту, мы плакали. Это символизировало конец всего — лета, Греции, дружбы, надежды.

Рад ли я, что вернулся домой? Просто я должен был вернуться. Мне делается плохо при мысли, что я не сделал бы этого, если бы не Вы. Как Вы были проникательны и как настойчивы, заставив меня понять, что происходит. Самое ужасное в том, что тетушки, и дяди, и друзья продолжают восхищаться моей исключительной «интуицией», что я почувствовал беду. Какая там интуиция, Вонни. Это все Вы! Но, как мы договорились, я им ничего не скажу.

Дни проходят скучно, и скоро я снова начну работать в конторе. Надо сконцентрироваться, потому что отец хочет говорить об этом каждый вечер. Человек, который вел дела, просто ненавидит меня и сильно сопротивляется. Постоянно спрашивает, когда я приступлю к работе. Как мне хочется сказать ему, что я чувствую по этому

поводу. Но, конечно, я не смею. Присуждение награды будет на следующей неделе. Приготовлений больше, чем перед высадкой на Луну. Напишу подробно про все. Можете ли Вы писать мне? Ужасно хочется знать про успехи Мариш, про людей в «Полночи», остались ли Эльза и Том на острове или уехали или подружились, о чем я всегда думал.

Прошлой ночью видел сон, как Ваш сын вернулся. Прямо в гавань в моторной лодке. Возможно ли такое?

*С любовью,
Дэвид.*

— Когда мы вернемся в реальный мир? — спросила Эльза через несколько дней прогулок среди холмов и развалин Калатриады.

— Имеешь в виду Агия-Анну или места на Западе? — Томас нарвал диких цветов для нее и пытался сложить из них букетик, связав его ленточкой.

— Полагаю, в Агия-Анну, как основную базу.

Здесь у них была странная жизнь, полностью оторванная от реального мира. Они ходили на рынок и покупали сыр на обед среди холмов. В книжной лавке они отыскивали книги на английском. Томас попросил гончара сделать тарелку с именем его матери.

Поскольку они специально не собирались так надолго, пришлось купить кое-что из одежды. Томас выглядел потрясающе в красочной греческой рубашке. Эльза купила ему пару элегантных брюк кремового цвета, отчаянно пытаюсь отучить от его неуклюжих шорт с огромным количеством карманов, в которые он, казалось, был просто влюблен.

— Ореа! — воскликнула Ирина, когда увидела его в нормальной одежде.

— Да, действительно, он красив, — согласилась Эльза.

— Я скучаю по моим старым брюкам, — ворчал Томас.

— Ты единственный, кто по ним скучает, они просто ужасны!

— О, Эльза, позволь мне снова их надеть, я к ним привык, как к любимому пледу. Пожалуйста, — умолял он.

— Плед смотрелся бы гораздо элегантнее, — поддела его Эльза. — Ого, я говорю как жена. Этому не бывать, носи что хочешь, — засмеялась она.

— Нам стоит вернуться обратно в Агия-Анну на лодке завтра? — предложил он.

— Да, это же не прощание, мы можем быть вместе и там, — успокоила себя Эльза.

— Конечно, можем, нам вообще некуда спешить, — согласился Томас.

Мария и Вонни видели, что они возвращаются из Калатриады, заметив их лодку, заходившую с гавань.

— Американец выглядит очень хорошо. На нем нет этих дурацких штанов, — с одобрением заметила Мария.

— Возблагодарим Господа за это, — благочестиво произнесла Вонни. — Всемилостивый Господь помог и посодействовал. Я бы сказала, с помощью очень умненькой немочки. — Вонни следила, как они поцеловались на прощание. Эльза направилась в Анна-Бич, Томас в город. Они выглядели спокойными и счастливыми друг с другом. Несомненно, поездка удалась.

— Хей-хо, Мария, паме, поехали. По пути много перекрестков, а мне надо на площадь. У меня записка, что надо навестить Такиса, адвоката, у него, наверное, для меня сообщение.

— О чем?

— Ни малейшего представления. Вряд ли это вызов в суд, лет двадцать я веду себя очень хорошо. Но посмотрим. — Вонни была непроницаема. Мария не догадывалась, что та полночи размышляла, не по поводу ли Ставроса это сообщение. О Ставросе-сыне или его отце.

Эльза сидела в Анна-Бич со своим большим ежедневником. Впервые за несколько месяцев она искала контакты в Германии, связываясь с людьми, работавшими в средствах массовой информации.

Служащий принес ей пачку факсов и еще четыре телефонограммы. В последней говорилось, что Дитер приедет через две недели, чтобы отыскать ее.

Эльза спокойно порвала все факсы пополам, даже не прочитав их, и бросила в корзину для мусора вместе с телефонограммами. Затем она направилась в бизнес-центр, где могла проверить свою электронную почту, и начала работать.

Первое письмо было адресовано Дитеру.

Я написала длинное письмо с объяснением, почему не вернусь. Приезжай в Грецию, если тебе хочется, Дитер. Но меня здесь уже не найдешь. Это будет пустая трата времени.

Эльза.

— Энди, я тебе не помешал? Это Томас.

— Нет, ничуть. Сегодня мы в Седоне, в другом каньоне, здесь действительно красиво, Томас.

Томас услышал, как Билл радостно воскликнул:

— Это папа? Можно я с ним поговорю?

— Конечно, Билл. Он звонит, чтобы поговорить с тобой. Возьми телефон и выйди, чтобы вам никто не мешал.

— Папа? Это действительно ты?

— А кто же еще, Билл, именно я.

— Па, если бы ты только мог видеть это место. Нам тут очень нравится. Цвета вокруг постоянно меняются. А с бабушкой все ее друзья, старушки, совсем старушки, но она называет их девочками. А я сказал, что они девочки в морщинках, и все рассмеялись.

— Представляю себе.

— Что ты делал, папа?

— Был в маленькой деревне, совсем крошечной деревушке, по-настоящему очень старинной. Однажды я тебя сюда привезу.

— Правда, папа?

— Я никогда не обещаю того, что не собираюсь сделать наверняка. Однажды мы с тобой приедем на этот остров.

— Тебе было одиноко в этой маленькой деревне одному? — спросил Билл.

— Хм, нет, не одиноко, что ты...

— Значит, ты не скучаешь? — спросил мальчик разочарованно.

— О, скучаю, Билл, очень скучаю по тебе каждый день, и знаешь, что я собираюсь сделать?

— Нет, не знаю.

— Собираюсь вернуться через десять дней, и мы будем вместе.

— Папа, это же фантастика! Надолго ты приедешь?

— Навсегда.

Услышав, как мальчик, который всегда будет ему сыном, крикнул:
— Мама, Энди, папа возвращается домой. Через десять дней он возвращается навсегда.

Томас почувствовал, как на его глаза навернулись слезы.

— Такис, ты как?

— Прекрасно, Вонни, а ты?

— Слежу за Марией, чтобы она не протаранила твой офис.

— Давай будем следить за ней из офиса, тогда меньше риска попасть под удар. — Он провел ее внутрь. — Знаешь, о чем я хочу поговорить с тобой? — спросил Такис.

— Понятия не имею.

— Догадайся?

— Что-то связанное со Ставросом? — спросила она быстро.

— Нет, вовсе нет, — удивился он.

— Тогда скажи мне, Такис. — Лицо ее помрачнело.

Такис говорил быстро:

— Это касается Николаса Яннилакиса. Как ты знаешь, Николас умер на прошлой неделе.

— Бедный Николас. — Вонни немного встревожилась. Определенно, не могло быть и речи о расследовании, о том, что она дала ему дозу морфия. Доктор Лерос был в курсе всего и с ней заодно.

— Он все завещал тебе.

— Но у него же ничего не было! — Вонни сделала большие глаза.

— У него есть предостаточно. Полгода тому назад он пришел сюда и составил завещание. И все оставил тебе. Свой маленький дом, мебель и сбережения...

— Надо же, как он заботлив! — Вонни была потрясена. — Полагаю, дом надо отдать его соседям, у них много детей, им нужно больше места. Могу им объяснить.

— Ты не спросила про сбережения, — мрачно произнес Такис.

— Конечно, у бедняги Николаса не могло быть ничего, стоящего внимания.

— Он оставил более ста тысяч евро.

Вонни с изумлением уставилась на него:

— Этого не может быть, Такис, у него ничего не было, он жил в сарае...

— Все было в банке, часть в акциях, часть наличными. Пришлось обождать, пока шел подсчет, перед тем как сообщить тебе.

— Но откуда у него такие деньжищи?

— Тоже, наверное, наследство.

— Но почему, скажи мне ради бога, он не воспользовался ими, чтобы жить достойно? — Она разозлилась на старика за то, что он во всем себе отказывал.

— Не говори мне про семейные традиции. Это самое непонятное явление, когда-либо придуманное человечеством. Кто-то обидел кого-то в каком-то колене. Не спрашивай меня, потому что я не знаю. Но получилось так, что Николас не трогал эти деньги. Так что теперь все твое.

Они промолчали.

— И это правильно, Вонни. Никто не заслуживает их больше, чем ты. Ты ухаживала за ним так, как никто бы этого не сделал.

Она сидела очень тихо, глядя перед собой.

— Что ты сделаешь — отправишься путешествовать, вернешься в Ирландию?

Она продолжала сидеть молча.

К такой Вонни он не привык.

— Конечно, ты не должна принимать никаких решений сейчас. Я организую все переводы, а у тебя будет время подумать об указаниях мне.

— Похоже, я уже решила, Такис, если это возможно.

— Конечно. — Он сел перед ней, лицом к окну, глядя на площадь.

— Скажи мне прежде всего, эта сумасшедшая Мария перекрыла все движение на площади?

— Нет, она ведет себя прекрасно, делает большие повороты, но в остальном все в порядке. Все от нее держатся подальше. — Такис пододвинул к себе лист бумаги, чтобы записать указания.

— Я не собираюсь трогать эти деньги. Оставь их там, где они есть. Как я уже сказала, старый домишко отдаю соседям, но хотела бы, чтобы они думали, что дом перешел им напрямую от Николаса. И хочу написать завещание...

— Очень разумно, Вонни, — тихо произнес Такис. Он вовсе не думал, что так будет правильно, но это его не касалось.

— Хочу завещать все, что имею, — мой сувенирный магазин, квартиру и эти деньги — моему сыну Ставросу.

— Извини?

— Ты слышал, что я сказала.

— Но ты же не видела его многие годы. Он никогда не приезжал к тебе, несмотря на все твои мольбы.

— Ты собираешься составить мое завещание, Такис, или мне уйти к другому нотариусу?

— Завтра в это же время все будет готово. Здесь будут двое, чтобы засвидетельствовать твою подпись.

— Спасибо, и, полагаю, все это останется между нами?

— Да, Вонни. Исключительно между нами.

— Верно. Пойду спасти Агия-Анну от Марии, — сказала она.

Такис заметил, что она вышла покачиваясь. А потом наблюдал, как к ней подбежала Мария.

— Я поняла: надо поворачивать колеса совсем в другую сторону, чем кажется! В противоположную сторону! — победоносно крикнула она.

— Что бы ты ни думала, Мария...

— А что надо Такису?

— Помочь составить мое завещание, — ответила Вонни.

— Я скучал по тебе, — признался Томас Эльзе, когда она подошла к выбеленным ступеням его квартиры.

— Я тоже. Сладкие дни в Калатриаде прошли. — Она легко поцеловала его и прошла в гостиную. — Это красиво, — указала она на маленькую вазу с дикими цветами.

— Хотел бы похвалиться, что собрал их для тебя на холмах, но на самом деле их принесла Вонни. Она оставила записку с приветствием к нам обоим. — Он протянул ей маленький листок.

— Стало быть, она знает?

— Полагаю, она знала все заранее, — грустно произнес Томас.

— Интересно, что она думает?

— Посмотри на цветы. Это доказательство ее одобрения, не так ли?

— Верно, и, конечно, это также значит, что мы согласны с ее собственной беспутной, сложной жизнью, — согласилась Эльза.

— Беспутной?

— Ну, взгляни на нас! Считается, что все в мире происходит в свое время. У нас все фантастически несвоевременно, не так ли? Ты в одну сторону, я в другую!

Томас прикоснулся к ее руке.

— Мы что-нибудь придумаем, — пообещал он.

— Знаю, — произнесла она неуверенно.

— Честно, мы вдвоем что-нибудь придумаем.

— Да, придумаем. — Тон Эльзы стал более уверенным.

Дублин

Моя дорогая Вонни,

спасибо за письмо. Я так сильно тосковала по Агия-Анне, когда читала его. Правильно, что я вернулась домой, но это не означает, что не могу не скучать по солнечному свету и лимоновым деревьям, по всем замечательным людям, которых встретила там.

Старшая медсестра Кармел — просто кошмар, когда-то она была нашей подругой, но власть портит человека... Она думает, что меня следует наказать за то, что я оставила больницу, и придумывает, как это сделать. У нас с Барбарой потрясающая квартира. В субботу будем отмечать новоселье, так что пожелайте нам удачи.

Мама и папа вели себя отлично, про Шейна не упомянули ни разу. Он теперь как семейная тайна, о которой никогда не говорят. Что, возможно, к лучшему. Они решили сделать более скромную серебряную свадьбу, без именных карточек для гостей и всей этой мишуры. Это огромное облегчение. Я позвонила Дэвиду, и он разговаривал немного жестко. Это был день награждения его отца. Он просто в ужасе, что вернулся. Но собирается остаться дома, пока не умрет отец.

Представляю, что Томас и Эльза теперь вместе! Никогда не догадывалась об этом, но это прекрасно!

Море любви всем вам,

Фиона.

Манчестер

Дорогая Вонни,

как замечательно, что Вы рассказали мне обо всем. Рад успехам Мариш. Воображаю, как она ездит одна до самой Калатриады!

Рад узнать, что Томас возвращается домой, но как дела у Томаса с Эльзой? Как им удастся все уладить?

Я пока не в состоянии без эмоций описать день награждения отца. Это было ужасно. Еще хуже, чем я ожидал, потому что отец выглядел таким слабым, мама — такой нелепо гордой, а все эти бизнесмены просто молятся на деньги и доходы.

Напишу, когда немного успокоюсь. Папа сказал речь, в которой объявил, что я буду главой его фирмы со следующего января. Все аплодировали, и мне надо было притворяться ужасно довольным. Но как я все это ненавидел, Вонни. Понимаю, что это предел жалости к себе, что в двадцать восемь лет я считаю свою жизнь конченной. Знаю, Вы скажете что-нибудь положительное, чтобы я не сорвался. Думаю о Вас очень часто и в мечтах хочу, чтобы Вы были моей мамой, а Андреас отцом. Я бы никогда Вас не подвел. Но в собственной семье мне очень трудно.

С любовью,

Ваш отвратительно мрачный Дэвид.

Проходили дни. Эльза провела немало времени в Анна-Бич со своей электронной почтой.

— Кому, в самом деле, ты все время пишешь? — поинтересовался Томас.

— Изучаю ситуацию с работой, — сухо ответила она.

— Но я думал, что ты не возвращаешься в Германию?

— Сложно понять, но есть и другие страны, — засмеялась она.

Томас провел эти часы рядом с ней за другим компьютером. Он связался с университетом. В случае его раннего возвращения будет ли он иметь доступ в свои комнаты в кампусе? Все это надо было продумать заранее.

Это было за два дня до выезда Томаса в Афины.

— Хочу, чтобы ты зашел к Андреасу сегодня вечером на обед, — напомнила Эльза. — Надо многое обсудить.

— А там удобно будет говорить об этом? — задумался Томас. — Всегда кажется, что вокруг полно народу.

— Нет, постараюсь, чтобы у нас был тихий столик, — пообещала она.

В тот вечер на ней было простое белое хлопчатобумажное платье, а в волосах цветов.

— Ты выглядишь прекрасно и такая нарядная. Рад, что надел свои новые брюки из Калатриады, — расцвел Томас, увидев ее.

— Купила это платье сегодня, чтобы произвести на тебя впечатление, и до ресторана возьмем такси. Как насчет такого варианта?

Она вышли на ветреную дорогу, ведущую к таверне Андреаса, рассматривая знакомые места и любуясь привычным звездным небом над морем.

Действительно, им приготовили небольшой столик на двоих в конце террасы в стороне от остальных.

Их обслуживала маленькая Рина. Андреас был в доме. Йоргис, Вонни и доктор Лерос были с ним. Они все помахали им рукой. Поговорят позднее. Когда подадут второй кофе.

— Хочу поговорить с тобой о работе, — сказала Эльза.

— Да я тебя особенно не расспрашивал.

— Почему не расспрашивал?

— Потому что, хотя ты и сказала, что есть другие страны, я боялся, что тебе предложат хорошее место снова в Германии. Если честно, я беспокоился, что ты снова встретишься с Дитером... Снова... и снова... — Не успела она что-то сказать, как он продолжил: — Раздумывал, как скоро ты сможешь встретиться со мной, а я с тобой. Не могу позволить, чтобы ты ушла теперь, когда я нашел тебя. Может быть, я рискую потерять тебя, вернувшись к Биллу.

— Я нашла работу, Томас.

— Где? — спросил он неуверенным голосом.

— Почти боюсь сказать тебе.

— Значит, в Германии. — Лицо его помрачнело.

— Нет.

— Где же, Эльза? Не тяни, умоляю.

— В Лос-Анджелесе, там база, но придется ездить по западному берегу. Еженедельная колонка для большого журнала, интервью,

политика, заметки. Все, что попадется мне на глаза. — Она жадно смотрела на него, ожидая реакции.

— Где? — переспросил он, потрясенный.

— В Калифорнии, — уточнила она нервно. — Это слишком рано? Слишком много для понимания? Хочу сказать, что не могла позволить себе потерять тебя... но если ты считаешь...

Его лицо медленно начало расплываться в улыбке.

— О, Эльза, дорогая, как это замечательно... — начал он.

— Мне не надо жить с тобой, не хочу стеснять тебя, но подумала, что мы могли бы быть вместе... понимаешь. Знаю, что мы знакомы недавно, но теперь я не могу без тебя...

Томас встал и подошел к ней, подхватил ее со стула и поцеловал. До окружающих ему не было никакого дела. Кто-то их фотографировал, но им было все равно, они стояли в объятиях друг друга, словно никак не могли расстаться. Потом, конечно, из кухни вышли остальные, и многие уже были навеселе. Все пили за молодых.

— Тот парень, который вас сфотографировал, он из Германии. Он узнал тебя, Эльза, он с телевидения.

Какое ей было дело до этого?

— Спросил, кто такой Томас, — рассказала Вонни. — Я объяснила, что вы знаменитый американский академик и что вы жених Эльзы.

— Что? — воскликнули одновременно Томас и Эльза.

— Ну, знаете ли, Томас, если бы на вас были те ужасные штаны, я бы ему ничего не сказала. А как только увидела вас прилично одетым, то подумала, что теперь для Эльзы будет безразлично, если кто-нибудь продаст фотографию в немецкую газету.

Они, как прежде, непринужденно болтали, глядя на гавань внизу. Последний паром пришел час назад, но в таверне Андреаса никого с этого рейса не ждали. Было слишком поздно и слишком далеко для прогулок. Поэтому они сильно удивились, увидев на дороге кого-то.

Это был мужчина лет тридцати. Он казался крепким, потому что на спине у него был рюкзак, а в обеих руках по чемодану.

— Обед, оказывается, званый, — с восхищением сказала Эльза.

— Возможно, он прослышал про долму, которую приготовила Вонни, — улыбнулся Томас. Ему понравилось, что Вонни назвала его

женихом Эльзы, хотя сильно удивился, что никто не оценил его прекрасные шорты с карманами.

— Что-то поздно вато для посетителей, — заметил заинтригованный доктор Лерос.

— Если только человеку действительно очень надо, — произнес Йоргис странным голосом, вглядываясь вдаль.

Вонни встала, чтобы разглядеть мужчину возле входа.

— Андреас! — сказала она сдавленным голосом. — Андреас, друг мой, это же, это же... на самом деле!

Эльза и Томас смотрели то на одного, то на другого, не понимая, что происходит. Андреас встал и, спотыкаясь, побрел в сторону ворот, вытянув руки. Все видели, как у него заплетались ноги в шнурованных ботинках...

— Адони... — крикнул он. — Адони моему! Ты вернулся. Адонигие моему. Сын мой, ты пришел увидеться со мной.

— Я вернулся, чтобы остаться, папа, если ты примешь меня?

Мужчины обнялись, и казалось, что они никогда не смогут выпустить друг друга из объятий. Потом они отпрянули и стали удивленно ощупывать лица друг друга, повторяя одни и те же слова.

— Адони моему! — повторял снова и снова Андреас.

— Патера! — отвечал ему Адонис.

Затем вышел вперед Йоргис, потом Вонни и доктор Лерос. Они стояли маленькой группой, возбужденно разговаривая на греческом и обнимаясь.

Томас и Эльза крепко держались за руки.

— Мы никогда не забудем этой ночи, — прошептал Томас.

— Я была слишком прямолинейной, слишком настырной? Скажи мне, Томас? — взмолилась Эльза.

Не успел он ответить, как к ним подошли Андреас с сыном.

— Адонис, эта прекрасная молодая женщина уговорила меня написать тебе, когда я сомневался, стоит ли делать это. Она сказала, что письма любят все...

Адонис был высок и красив, с густыми черными волосами, которые однажды станут седыми, как у его отца, и, возможно, случится это здесь, в Агия-Анне. Эльза, которая легко могла выступать перед телекамерами и миллионами телезрителей, теперь просто онемела.

Вместо этого она встала и обняла Адониса, словно они были старые друзья.

— Как вы прекрасны, — с восхищением обратился Адонис к белокурой девушке в белом платье с цветком в волосах.

— Эльза и Томас вместе, — поспешно выговорил Андреас, чтобы не было никаких недоразумений.

Адонис пожал Томасу руку.

— Вы очень счастливый человек.

Томас согласился с ним:

— Я действительно очень счастливый человек. — Затем он встал и обратился к остальным. Он смотрел Эльзе прямо в глаза, словно отвечая на ее вопрос о том, была ли она слишком прямолинейной и настырной. — Хочу сказать вам всем, что Эльза уезжает со мной. Мы едем в Калифорнию вместе.

— Еще повод, чтобы отметить! — воскликнул Андреас со слезами на глазах.

Томас и Эльза снова поцеловались, и, когда он усадил ее, обняв за плечи, началось торжество по поводу возвращения.

Андреас, Йоргис и маленькая Рина побежали за угощением и вином для блудного сына. У них было такое чувство, словно в Чикаго он недоедал.

Вонни села рядом с Адонисом, ее глаза блестели.

— А твой сын Ставрос? — спросил Адонис.

— Живет сам по себе где-то... — поспешно ответила она.

— Но почему бы ему не найти в своем сердце...

— Давай не будем говорить об этом теперь, главное, что ты вернулся, Адонис! Кстати, твой отец сильно изменился. Теперь он совсем другой, чем...

— Я теперь тоже другой, Вонни.

Поздравления и приветствия Адонису не смолкали.

Вонни сидела между Андреасом и Йоргисом, как это было почти всю ее жизнь.

— Однажды вечером Ставрос вернется в эту гавань, — сказал Андреас.

— И ночь будет точно такая же, — добавил Йоргис.

— Да, да, уверена, — сказала Вонни, сверкнув глазами, и на лице ее появилась надежда.

Они знали, что она напустила на себя веселость. В то же время каждый протянул ей руку.

— Сегодняшний вечер только доказывает, что чудеса случаются. И не стоит жить, если не верить в них.

Доктор Лерос вышел из комнаты очень возбужденный.

— Там два человека с бузуками, хотят поиграть в честь возвращения Адониса, — взмолился он.

— Было бы здорово, — засмеялся Адонис.

Когда зазвучала музыка и все стали хлопать в такт, Адонис встал, вышел на середину террасы и начал танцевать. Он танцевал перед толпой в сорок человек, многие из присутствующих не догадывались, что происходит, другие, как его отец, дядя, доктор и Вонни, знали все.

Подняв руки высоко вверх, он скользил по полу и склонялся, радуясь, что вернулся в родные места.

Начал моросить мелкий дождь, но никому до него не было дела.

Дождь не мешал звездам сиять.

ОБ АВТОРЕ

Мейв Бинчи — одна из самых известных ирландских писательниц, незаурядная личность, автор выдающихся мировых бестселлеров. Ее романы, пьесы и рассказы отмечены престижными международными премиями.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое

коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

Меню на немецком языке. — *Здесь и далее прим. ред.*

2

Здравствуйте, добрый день (*франц.*).

3

Да упокоятся с миром (*нем.*).

4

Греческий алкогольный напиток, аналог ракии.

5

Чудесный (*нем.*).

6

Ваше здоровье (*нем.*).

Table of Contents

[Мейв Бинчи Ночи дождей и звезд](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Глава восьмая](#)

[Глава девятая](#)

[Глава десятая](#)

[Глава одиннадцатая](#)

[Глава двенадцатая](#)

[Глава тринадцатая](#)

[Глава четырнадцатая](#)

[Глава пятнадцатая](#)

[Глава шестнадцатая](#)

[Глава семнадцатая](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

